

«На устройство банкетов для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива с 1943 по 1948 гг. незаконно было израсходовано 839 161 руб., в том числе 118 699 руб. на спиртные напитки. На бесплатное угощение руководящих работников в праздничные дни на трибунах, стадионах и в других местах с 1942 г. по 1947 г. израсходовано 431 529 руб., из них 143 833 руб. на спиртные напитки».

А.В. Сушков

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»:

генеральная чистка «колыбели революции»

«Они предоставили право руководителям столовых Смольного, Ленинградского обкома партии и Ленгорисполкома расходовать продукты питания без соблюдения каких-либо норм и лимитов, а также освободили их от отчётности перед контрольно-учётным бюро, что привело к разбазариванию большого количества продуктов питания, отпускаемых Правительством для трудящихся города Ленинграда, тем самым был нанесён ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады».

А.В. СУШКОВ

**«ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ДЕЛО»:**

**генеральная чистка
«колыбели революции»**

Екатеринбург
2018

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)6-3
С 917

*Рекомендовано к изданию учёным советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Рецензенты:

доктор исторических наук А.В. Трофимов
кандидат исторических наук О.Н. Калинина
кандидат исторических наук Н.А. Михалёв

Сушков А.В.

С 917 «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции» / А.В. Сушков. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2018. – 182 с. : ил.

ISBN 978-5-907080-23-2

В монографии рассматривается история «ленинградского дела» – одного из известных политических дел периода «позднего сталинизма». В научной литературе ленинградские руководители военного и послевоенного времени по большей части представлены жертвами сталинского режима, павшими в результате интриг в высшем руководстве СССР. В книге на основе архивных документов показаны коррупционные действия ленинградского начальства в тяжелейшие военные и послевоенные годы, протекционизм в кадровой политике Смольного, нарушения в ходе выборов партийных органов и другие управленческие практики, сложившиеся в ленинградских властных структурах.

Книга адресована историкам, политологам, общественным деятелям, преподавателям и студентам, всем интересующимся политической историей СССР.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)6-3

ISBN 978-5-907080-23-2

© ИИиА УрО РАН, 2018
© Сушков А.В., 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последних числах сентября 1950 года в Ленинграде, в помещении Дома офицеров состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Один лишь состав его участников свидетельствовал о том, что это был не рядовой судебный процесс. Вновь, как и во второй половине 1930-х, на скамье подсудимых оказались бывшие члены высшего руководства СССР: на этот раз это были Алексей Александрович Кузнецов и Николай Алексеевич Вознесенский. В недавнем прошлом А.А. Кузнецов занимал высокие посты секретаря ЦК ВКП(б) и члена Оргбюро ЦК ВКП(б), Н.А. Вознесенский – члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета министров СССР и председателя союзного Госплана. Другие обвиняемые были рангом ниже, тем не менее, в прошлом занимали весьма значимые руководящие посты: бывший председатель Совета министров РСФСР и член Оргбюро ЦК партии М.И. Родионов, а также бывшие ленинградские руководители – первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков, второй секретарь горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустин, председатель горисполкома П.Г. Лазутин. Вместе с ними в числе обвиняемых были два бывших высокопоставленных работника ленинградского партаппарата – завотделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома ВКП(б) Т.В. Закржевская и управляющий делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф.Е. Михеев, а также бывший второй секретарь Ленинградского обкома и первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) И.М. Турко. А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Н.А. Вознесенский, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин и М.И. Родионов были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества, остальные – к длительным срокам тюремного заключения¹.

Обвиняемые подвергались физическим истязаниям. Присутствовавший на суде над «центральной группой» первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Ф.Р. Козлов позже, в 1956 году, своими впечатлениями от увиденного поделился с Г.Н. Куприяновым – бывшим первым секретарём ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и одним из многочисленных фигурантов «ленинградского дела». «В первый день, когда председательствующий спросил А. Кузнецова: “Признаёте ли себя виновным?”, тот ответил твёрдо и решительно: “Нет, не признаю!” – вспоминал Г.Н. Куприянов рассказанное Ф.Р. Козловым. – Не признали также себя виновными Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, П.С. Попков. Тогда заседание суда прервали и обвиняемых увели в тюрьму. Через день заседание суда возобновилось, обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского ввели под руки, они были так избиты, что сами уже не могли двигаться. Их усадили в кресла и снова начали допрос. “Признаёте ли вы сейчас себя виновным?” – снова спросили у А.А. Кузнецова. Он уже не мог встать и, безжизненно махнув рукой, чуть слышно прохрипел: “Признаю!” Признали себя виновными и все другие подсудимые. И лишь один Николай Алексеевич Вознесенский нашёл ещё в себе достаточно силы, чтобы сказать: “Нет! Не признаю. Можете меня расстрелять, но я не совершил никакого преступления!” И с этими словами он ушёл в бессмертие!»².

Расстрельный приговор был приведён в исполнение незамедлительно. После суда над «центральной группой» репрессиям подверглись другие работники ленинградских властных структур, а также те, кто ранее работал на руководящих постах в Ленинграде, а затем в порядке выдвижения получил ответственные партийно-государственные посты в других регионах СССР либо в Центре. Некоторые обвиняемые были приговорены к расстрелу³.

Почему Сталин обрушил репрессии на выходцев из Ленинграда, включая членов высшего руководства страны, которые до недавнего времени пользовались его расположением и доверием?

Следует признать, что в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе тща-

тельного, детального, всестороннего и беспристрастного изучения всего имеющегося в архивных учреждениях комплекса документальных материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Ввиду того, что основные массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении в бывших партийных архивах, в архивах госбезопасности и иных ведомственных архивохранилищах и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования не приходится. Исследователям не доступны ни архивно-следственные, ни партийно-следственные дела, доступ к номенклатурным и персональным делам либо также закрыт, либо весьма затруднителен. Огромные масштабы «дела», его сложная специфика, на наш взгляд, в будущем потребуют сосредоточения усилий коллектива профессиональных историков, специализирующихся на изучении истории партийно-государственной системы власти, хозяйственно-экономических проблем, истории органов внутренних дел и государственной безопасности.

Начиная с конца 1980-х годов, в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», где наибольшим влиянием обладали А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский и А.А. Кузнецов, с другой. Маленков и Берия, воспользовавшись ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова, под различными надуманными предложениями (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной и городской объединённой партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, – физического. В самом Ленинграде новое начальство во главе с первым секретарём Ленинградского обкома ВКП(б) В.М. Андриановым – ставленником Маленкова, – за-

нялось кадровыми чистками в партийно-государственном аппарате, в различных организациях и ведомствах, на промышленных предприятиях, в учреждениях культуры, науки, образования и здравоохранения. С тем чтобы оправдать доверие и выслужиться перед Москвой, они искусственно раздували масштабы «ленинградского дела». В итоге к «делу» были привлечены сотни ни в чём не повинных людей. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве и, в конечном счёте, озабоченный укреплением собственной личной власти.

Такая точка зрения, впервые сформулированная в работах ленинградского историка, доктора исторических наук В.А. Кутузова⁴, с незначительными вариациями по сей день доминирует в исторической литературе⁵. Весьма обстоятельно отечественная историография «ленинградского дела» представлена в работе доктора исторических наук А.З. Ваксера «“Ленинградское дело”. Итоги изучения и новые аспекты». Как отечественная, так и западная историография тщательно рассмотрена в монографии кандидата исторических наук А.А. Амосовой «Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950»⁶. Выполненные в этих работах историографические обзоры, где изложены различные трактовки «дела», освобождают нас от необходимости давать развёрнутую характеристику публикаций по данной тематике. Отметим лишь следующее. О «коррупционном следе» в «ленинградском деле», о некоторых излишествах ленинградской партноменклатуры писали не исключительно журналисты и публицисты, а в том числе профессиональные историки. Проблема коррумпированности ленинградских чиновников рассматривается в работах историков, докторов исторических наук И.В. Говорова, В.А. Иванова и Б.А. Старкова. Их исследования базируются на архивных материалах, часто недоступных широкому кругу специалистов⁷.

Следует также отметить, что все научные работы построены на анализе имеющейся в распоряжении у исследователей далеко не полной источниковой базы, главная характерная черта которой – это отсутствие основных, ключевых архивных документов

по «ленинградскому делу», о чём ранее уже говорилось. Доступная исследователям источниковая база не позволяет выдвинуть новую научно обоснованную, фундированную архивными документами концепцию. Тем не менее она позволяет уже сейчас уточнить отдельные аспекты в истории «ленинградского дела».

Основу источниковой базы настоящей работы составили документы Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Используются также документы Российского государственного архива новейшей истории, Национального архива Республики Карелия, Центра документации общественных организаций Свердловской области и других региональных архивных учреждений.

Невозможность верификации и детализации сведений, содержащихся в тех или иных документах, и в то же время отсутствие веских оснований для их игнорирования вынудили автора прибегнуть к достаточно объёмному цитированию использованных архивных источников. Цитаты из документов приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Стилистически неправильно построенные фразы воспроизведены полностью и без оговорок. В выдержках из стенограмм сокращения расшифрованы, за исключением аббревиатур. Имеющиеся сокращения в других документах (решениях и постановлениях различных органов власти, письмах, служебных записках и прочих) сохранены.

Фотодокументы, размещённые на вклейке, находятся на хранении в Российском государственном архиве кинофотодокументов и Центре документации общественных организаций Свердловской области.

Настоящая монография не появилась бы на свет, если бы не помощь архивистов, коллег и друзей. Хотелось бы выразить искреннюю признательность сотрудникам архивов и коллегам за помощь на стадии подготовки и обсуждения работы: М.В. Михееву, С.А. Пьянкову, С.Л. Разинкову, А.Э. Беделю, Е.Ю. Баранову, С.В. Воробьёву, Н.А. Тарасовой, Л.А. Лыковой, Н.Н. Рожковой, Е.И. Ярковой, Е.В. Кирсанову, А.А. Пысину. За ценные

замечания автор признателен рецензентам А.В. Трофимову, О.Н. Калининой и Н.А. Михалёву.

Данная монография вряд ли бы состоялась, если б не гостеприимство и всесторонняя поддержка, оказанные автору в Москве бывшей свердловчанкой Еленой Александровной Костаревой и её мужем – Владимиром Анатольевичем Тузиковым. Только благодаря этим замечательным людям стало возможным более тщательное изучение фондов федеральных архивов.

Глава I

«Мне товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведёт и что это значит»

На наш взгляд, лишены смысла споры по поводу того, какие именно разговоры вели между собой «ленинградцы»: о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР или о создании компартии России (Российской компартии, РКП). О том, что подобные разговоры действительно велись в приёмных А.А. Жданова и А.А. Кузнецова на Старой площади (а именно – о создании Российской коммунистической партии (РКП) и её ЦК), и о том, что Сталин лично разъяснял Попкову на заседании Политбюро, «куда это ведёт, и что это значит», сам П.С. Попков в присутствии члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова рассказывал на объединённом пленуме ленинградских обкома и горкома в феврале 1949 года, задолго до того, как в госбезопасности принялись выбивать из него нужные показания¹. Я.Ф. Капустин на заседании бюро обкома и горкома, предшествовавшем пленуму, пытался откеститься от идеи создания РКП, утверждал, что она была ему чужда и он об этом не говорил. Тем не менее председатель Ленинградского облисполкома И.Д. Дмитриев озвучил на пленуме свидетельство очевидца – секретаря Волосовского райкома А.А. Ингинена, который лично слышал, как Капустин «проповедовал эту идею» в межобластной партийной школе, где довелось в это время учиться Ингинену².

Уже одно то обстоятельство, что высказывания «ленинградцев» обсуждались на совещании у Сталина и последний дал негативную оценку этим идеям, свидетельствует, что Сталин, оправданно либо неоправданно, но воспринял содержание этих разговоров всерьёз, а не как шутливую пустопорожнюю болтов-

ню. Не исключено, что на восприятие им содержания этих разговоров повлиял тот факт, что в сентябре 1947 года к нему с подобным предложением официально обратился председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов, которого позже в решении Политбюро назвали одним из «самозванных шефов» Ленинграда. «Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, – писал Родионов Сталину. – Создание бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом министров РСФСР». Автор записки полагал, что организация такой инстанции в ЦК ВКП(б) позволит местным партийным и советским органам лучше использовать «местные возможности» как для выполнения пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, так и для дальнейшего развития городского хозяйства, дорожного строительства, сельского и колхозного строительства, местной промышленности, системы просвещения и культурно-просветительской сферы³.

Бытует мнение, что якобы М.И. Родионов не предложил «ничего принципиально нового»: аналогичный орган был образован решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1936 года по докладу того же Сталина⁴. Однако эти утверждения не соответствуют действительности. Чтобы установить это, достаточно внимательного сопоставления текстов записки М.И. Родионова и принятого в июле 1936 года постановления Политбюро, включённого в протокол под наименованием «О группе ЦК по РСФСР». В последнем говорилось следующее: «Образовать при ЦК ВКП(б) бюро по делам РСФСР в составе тт. Андреева, Ежова, Сулимова, Лебеда, Комарова, Уханова и Бубнова для предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в СНК или в наркоматах РСФСР. Специального аппарата при бюро не создавать, кроме узкого секретариата, имея в виду, что оно имеет право пользоваться аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б)»⁵. Таким образом, функционал созданного в 1936 году бюро по делам РСФСР ограничивал-

ся предварительным рассмотрением исключительно хозяйственных и культурных вопросов, поступавших на рассмотрение в Совнарком РСФСР или в наркоматы РСФСР. Этот функционал не распространялся на остальные, более значимые вопросы, которые адресовались и подлежали рассмотрению на уровне высшего руководства СССР и союзных наркоматов. Особо следует отметить, что бюро по делам РСФСР 1936 года не имело полномочий рассматривать вопросы, которые касались широкого спектра организационно-партийной работы, включая кадровые. Обкомы и крайкомы РСФСР не переходили в непосредственное подчинение этому бюро.

Совершенно иной орган власти, с гораздо более широкими полномочиями, хоть и с созвучным названием, предлагал создать М.И. Родионов. Несмотря на то, что председатель российского Совмина в своей краткой служебной записке лишь в общих чертах описал функционал бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, тем не менее, некоторые выводы из этой записки можно сделать. В частности, что означает фраза «для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство»? Речь идёт о предварительном рассмотрении и предрешении в бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР с последующим утверждением, вероятнее всего, Политбюро ЦК (по примеру того, как утверждались некоторые постановления Секретариата ЦК ВКП(б)) всех без исключения вопросов, касавшихся РСФСР, которые вносились на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариата ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Именно высшие органы власти – Политбюро и Секретариат ЦК партии – подразумевались при формулировке «внести на рассмотрение в ЦК ВКП(б)» (к примеру, такие формулировки содержали некоторые предложения отделов ЦК ВКП(б)). То есть все касающиеся РСФСР вопросы, которые выносились в высшие властные инстанции отделами ЦК ВКП(б), министерствами и ведомствами, обкомами и крайкомами, по замыслу М.И. Родионова, должны были предварительно рассматриваться бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Фактически тем самым обкомы и крайкомы РСФСР лишались прямого выхода на высшие партийные и правительственные инстанции, и по всем, а не исключительно

но только хозяйственным и культурным вопросам, должны были действовать через посредника – бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР (по аналогии с тем порядком, который был установлен в других союзных республиках). Секретари обкомов и крайкомов со своими проблемами не обивали бы пороги кабинетов секретарей ЦК и заведующих цековскими отделами, зампредов Совмина и союзных министров, а пробивались бы на приём к ключевым фигурам из бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, от мнения которых во многом зависела судьба той или иной инициативы.

Насколько были обоснованы аргументы М.И. Родионова, действительно ли появление такого органа позволило бы региональным властям более эффективно использовать местные ресурсы для выполнения хозяйственных задач? Чтобы получить исчерпывающие ответы на эти вопросы, требуется дополнительное исследование. Нас же, прежде всего, интересует несколько иной аспект, а именно – место этого руководящего органа в действовавшей системе власти.

Предложение М.И. Родионова о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР созвучно с теми идеями, которые высказывали «ленинградцы» в приёмных А.А. Жданова и А.А. Кузнецова. Независимо от названия и организационной формы – предполагалось ли создание бюро в структуре аппарата ЦК ВКП(б) или предполагалось учреждение республиканской компартии с её руководящими органами, – в любом случае речь шла о создании такого высшего партийного (точнее будет сказать – партийно-государственного) органа власти в РСФСР, которому бы непосредственно подчинялись все российские обкомы и крайкомы партии, все республиканские властные структуры, включая Совмин РСФСР. То есть, учитывая масштабы РСФСР, её экономическое значение, предстояло создать «малое Политбюро», на уровне которого бы решался и предрешался весь спектр республиканских вопросов, включая организационно-партийные, кадровые и хозяйственно-экономические. Вполне очевидно также, что одновременно с учреждением такого органа власти должен был появиться его руководитель.

Каково же должно быть место этого руководителя (не важно, как бы он назывался – заведующий, председатель или пер-

вый секретарь) в действующей системе власти? Вполне определённо речь идёт об одной из самых влиятельных фигур на вершине власти, ведь даже первые секретари таких крупнейших парторганизаций РСФСР, как московская и ленинградская, обладали весьма сильными позициями и нередко одновременно входили в состав Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК. Для главы государства на протяжении всего существования СССР было немаловажным, кто возглавляет эти региональные парторганизации и насколько они к нему лояльны. Вполне очевидно, что появление партийного руководителя РСФСР существенно меняло расклад сил в высшем руководстве страны. Можно с большой долей уверенности предполагать, что партийный лидер РСФСР по своему влиянию мог вполне успешно конкурировать, по крайней мере, со вторым секретарём ЦК ВКП(б) – с человеком № 2 в партии (при условии, если из повестки дня Секретариата ЦК партии были бы изъяты все касающиеся РСФСР вопросы и переданы в ведение новообразованного органа власти). Вполне очевидно, что появление столь могущественной фигуры не входило в планы ни Сталина, ни его преемников. Неслучайно, создавая в 1956 году бюро ЦК КПСС по РСФСР с подведомственным ему аппаратом, Н.С. Хрущёв назначил себя председателем бюро, хотя в действительности им не руководил и управление этим органом возложил на заместителя председателя. Во избежание возможной конкуренции между бюро ЦК КПСС по РСФСР и Президиумом ЦК КПСС, бюро было подчинено непосредственно Президиуму ЦК КПСС, и последний же утверждал его персональный состав, а не пленум ЦК КПСС. Об опасности, которую таило в себе учреждение партийного руководства РСФСР, Н.С. Хрущёв прямо заявил на организационном пленуме ЦК 27 февраля 1956 года: «Мы считаем, что такой орган должен утверждаться не пленумом ЦК, а Президиумом ЦК. Почему? Мы считаем – это сделать необходимо для того, чтобы не создавать прецедента двоевластия. С этим тоже надо считаться. Российская Федерация очень большая, и надо, чтобы в партии не получилось какого-то раздвоения. Сперва может начаться с мелочей, а потом углубиться и привести к плохим последствиям. Мы должны думать об этом и

не дать повода к созданию малейших щелей, которые могли бы породить такие явления»⁶.

В последующем, учитывая большие властные полномочия зампреда бюро, Хрущёв прилагал усилия по созданию в бюро системы властных противовесов. После отставки Н.С. Хрущёва в 1964 году должность председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР «по наследству» перешла к Л.И. Брежневу. Иначе говоря, пост-хрущёвское высшее руководство, которое сочло нецелесообразным совмещение обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, признало вполне оправданным совмещение постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР. И такая практика сохранялась вплоть до ликвидации бюро в 1966 году⁷.

Документальные данные о том, что «ленинградская группа» предполагала утверждение И.В. Сталина на пост партийного руководителя РСФСР в дополнение к уже имеющимся у него должностям, насколько нам известно, в настоящее время отсутствуют. А вот о намерении «ленинградцев» поставить первым секретарём ЦК РКП(б) А.А. Кузнецова говорится в проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 октября 1949 года⁸. Хотя, безусловно, эти сведения требуют дополнительной проверки и уточнений.

Следует также отметить, что одних только разговоров среди «ленинградцев» было вполне достаточно для того, чтобы со стороны Сталина последовала резкая реакция, и чтобы эта реакция не ограничивалась одними лишь наставлениями Попкову на заседании Политбюро. Отсутствие обвинений в намерении создать Российскую компартию или бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР в проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) или в обвинительном заключении и приговоре «центральной группе» вовсе не означает, что Сталин не воспринимал эти разговоры всерьёз. Суть разговоров «ленинградцев» вполне укладывалась в формулировки приговора, что те «...вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе советского правительства и ЦК ВКП(б)»⁹. Появление в высшем руководстве страны нового руководящего органа, должности партийного руководителя РСФСР как раз и являлось изменениями в

составе ЦК ВКП(б), причём изменениями, как уже было сказано, весьма существенными.

Свои властные амбиции «ленинградцы» старались не афишировать, необходимость создания РКП обосновывали стремлением снизить нагрузку на аппарат ЦК ВКП(б) и тем, чтобы у русского народа появились «партийные защитники». Вот как об этом говорил на февральском пленуме обкома и горкома сам П.С. Попков: «Я неоднократно говорил, причём говорил здесь, в Ленинграде, в присутствии Бадаева, Капустина, Николаев слышал и другие. Говорил это в приёмной, когда был в ЦК, не со Ждановым, а в приёмной Жданова, говорил в приёмной Кузнецова. Идёт давно вопрос о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую штуку: как только РКП создадут, легче будет ЦК ВКП(б). ЦК ВКП(б) руководить будет не каждым обкомом, а уже через ЦК РКП. С другой стороны, я заявил, что когда создадут ЦК РКП, тогда у русского народа будут партийные защитники. Это уже явно антипартийное заявление. Что же выходит? Попков хочет защищать русский народ, а ЦК ВКП(б), товарищ Сталин не защищают его? Это явно антипартийное заявление»¹⁰.

Разумеется, эти высказывания – об облегчении нагрузки на ЦК партии, о необходимости каких-то совершенно непонятных «партийных защитников русского народа» – не более чем демагогический приём, попытка скрыть подлинные стремления к ещё большей власти¹¹. Притом попытка весьма слабая и неубедительная, чтобы ввести кого-то из партийных чиновников в заблуждение, не говоря уже о цековских и кремлёвских «акулах». О больших властных амбициях Кузнецова, его «партийном барстве» достаточно говорилось на том же пленуме обкома и горкома. Напрямую с его стилем руководства, его поведением, которые переняли другие «ленинградские вожди», будут связывать фальсификацию результатов тайного голосования на ленинградской конференции 1948 года. Расследование всех обстоятельств вольного обращения «ленинградцев» с системой выборов партийных органов сыграло не последнюю роль в «ленинградском деле».

Глава II

Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти?

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединённой партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счётной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчёте голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С. Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф. Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф. Бадаева. Тем не менее, председатель счётной комиссии, завотделом горкома А.Я. Тихонов объявил на конференции о единогласном избрании перечисленных руководителей. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов? – возмущался заявитель. – Как это стало возможным в Ленинско-Сталинской большевистской партии? Боясь репрессии – не подписываюсь»¹.

**«Вы знаете, что это – преступление, граничащее
с провокацией?»**

К содержанию письма в Москве отнеслись более чем серьёзно. Расследование возглавил лично второй секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Согласно воспоминаниям работавшего на тот момент заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома

ВКП(б) В.В. Садовина, в начале февраля 1949 года заведующий отделом тяжёлой промышленности Ленинградского горкома Александр Яковлевич Тихонов был вызван для объяснений на Старую площадь. Следом в ЦК вызвали приятеля Тихонова, первого секретаря Смольнинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда В.В. Никитина. Коллеги Тихонова и Никитина для себя решили, что те были вызваны на предмет повышения по службе, как наиболее молодые и перспективные партработники. И были крайне удивлены их состоянием по возвращении из Москвы. «Это были совершенно другие люди, – вспоминал Садовин. – Всегда жизнерадостные и весёлые, они стали, как осенняя ночь, мрачными, неразговорчивыми, до неузнаваемости изменившимися в лице, буквально поседевшими за два-три дня пребывания в Москве. <...> Когда они зашли ко мне, то рассказали только, что Маленков оскорблял их самым непозволительным образом, стучал кулаками по столу, топал ногами, то есть обращался с ними как с особо опасными преступниками». Оказалось, что Тихонова вызывали к Маленкову как председателя счётной комиссии на конференции, а Никитина – как его лучшего друга, который должен был знать о фальсификациях при подсчёте голосов².

Первый секретарь Смольнинского райкома ВКП(б) В.В. Никитин действительно знал о подтасовке. Через некоторое время после конференции он разговаривал с Тихоновым и между прочим поинтересовался, на самом ли деле руководители обкома и горкома не получили ни одного голоса «против». От своего приятеля Тихонов скрывать правду не стал, сказал, что были голоса по кандидатурам Попкова, Капустина и Бадаева, но «счётная комиссия сделала всё в порядке». Никитин хранил эту тайну до последнего и даже на беседе в ЦК ВКП(б) с Г.М. Маленковым «раскололся» не сразу. Поначалу секретарь райкома на вопросы Маленкова отвечал отрицательно, но потом, видимо, осознав, чем ему грозит обман хозяина кабинета, попросил время «вспомнить», и, в конце концов, поведал о своём разговоре с Тихоновым³.

Членов счётной комиссии тоже вызвали для объяснений в ЦК, после чего их детально опрашивали в Ленинграде, устраивали очные ставки. Как выяснилось в ходе учинённой провер-

ки, сведения, содержащиеся в анонимном письме, действительно имели место: против П.С. Попкова было подано четыре голоса, Г.Ф. Бадаева – два, Я.Ф. Капустина – 15. Кроме того, оказалось, что счётная комиссия проигнорировала два голоса «против», полученные председателем Ленинградского горисполкома П.Г. Лазутиным. Главное, что пытались установить проверяющие, – кто дал санкцию на подделку результатов голосования. П.С. Попков в Секретариате ЦК и потом на пленуме обкома и горкома в Ленинграде отрицал свою осведомлённость и какую бы то ни было причастность. По его словам, впервые об этом он услышал от самого А.Я. Тихонова, когда они оба сидели в приёмной Маленкова, и был возмущён произошедшим: «Как вы могли это сделать? Вы знаете, что это – преступление, граничащее с провокацией?» Попков принялся выяснять у Тихонова подробности, самостоятельно он это сделал или кто-то на него воздействовал, но тот ответил, что самостоятельно, никто ему не подсказывал. «Потом нас вызвали на Секретариат, – рассказывал П.С. Попков на пленуме в Ленинграде. – На Секретариате меня спрашивали об этом факте, я в присутствии товарища Маленкова сказал, что ничего об этом не знал. Мне правильно предъявили претензию, ссылаясь на Никитина, что вот секретарь Смольнинского райкома сомневался, а вы не сомневались. И я действительно не сомневался. У меня никаких подозрений с точки зрения фальсификации выборов не было. Да ведь очень немногие получили сравнительно с другими много голосов “против”, всего несколько человек: Левин, Николаев, Колонтырская. А все остальные были: ноль, один-два голоса “против”. У меня никаких сомнений не вызывали выборы»⁴.

М.Ф. Шкирятов – заместитель председателя Комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б) на заседании Секретариата задавал вопрос Попкову, почему у него не вызвало сомнений отсутствие голосов «против» по кандидатурам первого, второго и третьего секретарей? Но Попков повторял, что не вызвало. «Я со своей стороны и пленуму говорю, и в ЦК говорил, что моя совесть как коммуниста совершенно чиста», – уверял П.С. Попков⁵.

Последний не исключал, что нити могли тянуться к его заместителю в горкоме Я.Ф. Капустину. Это было бы весьма кста-

ти для Петра Сергеевича: обелить себя и заодно свалить опасного соперника и недоброжелателя. Посоветовавшись с П.Г. Лазутиным, Попков связался с заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Б.Н. Черноусовым и попросил вызвать на Старую площадь члена счётной комиссии В.Ф. Грудина – замзавотделом горкома, а также его непосредственного начальника, завотделом А.Ф. Павлова. Через них Попков и Лазутин надеялись выйти на Капустина и уличить его (судя по всему, Павлов находился в доверительных отношениях с Капустиным), однако из этой затеи ничего не вышло. Да и сам Тихонов уверял Попкова с Лазутиным, что кроме Никитина никому о реальных итогах выборов не говорил. Даже Капустину, удивлённому единогласным голосованием по своей кандидатуре, соврал, что у того не было ни одного голоса «против»⁶.

Я.Ф. Капустин, продвигавший Тихонова по властной лестнице, зная о его «тёмных делах» в годы блокады – присвоении продуктовых карточек, которые затем жена Тихонова обменивала на различные вещи, – тоже не признавал, что давал своему протеже либо кому-то ещё указания о подделке протоколов голосования. «Я не думал, что такое холуйство со стороны Тихонова», – заявил он с трибуны пленума⁷.

Тем не менее, сомнения в непричастности Капустина или Попкова у проверяющих были. Секретарь обкома А.А. Елхов, докладывавший на февральском пленуме обкома и горкома о результатах расследования, сообщил об очной ставке с одним из членов счётной комиссии Крупениным: «Крупенин утверждал вчера и сегодня: “Когда я стал возражать, то есть спросил: “А как быть, если будут голоса «против», как же мы скажем, что наши руководители избраны единодушно?” – то Тихонов сказал: “Тихо, тихо, насчёт этого есть указание товарища Попкова”. Когда мы стали второй раз спрашивать, он сказал: “Есть указание руководства””. Было ли указание Попкова в этом смысле или чьё-либо другое, нам пока установить не удалось. Но нам ясно одно, что Тихонов на такую авантюру сам не мог бы пойти, не додумался бы, а если он додумался до этого, то это уже настоящий провокатор, авантюрист. Если же сделал по указанию,

то – подхалим и не годится не только в партийном аппарате, но и в партии»⁸.

Каковы были итоги расследования и, самое главное, имелись ли соответствующие обвинения в материалах уголовных и партийно-следственных дел фигурантов «ленинградского дела», в настоящее время неизвестно.

Обращает на себя внимание отношение профессиональных историков к фальсификации результатов тайного голосования. Историк В.А. Кутузов в своих первых работах, посвящённых «ленинградскому делу», рассматривал поступление в ЦК ВКП(б) анонимного письма как начало политической дискредитации ленинградских руководителей, как отправную точку для открытого наступления на «ленинградскую группу»⁹. В статье, опубликованной в 1987 году в журнале ленинградских обкома и горкома КПСС «Диалог», историк дал однозначно негативную оценку действиям председателя счётной комиссии: «Несколько лет назад А.Я. Тихонов ушёл из жизни. Уже невозможно из первых уст узнать, что заставило его пойти на явный подлог, за который, кстати сказать, он жестоко поплатился. Этот беспринципный поступок А.Я. Тихонова не делал ему чести»¹⁰. В вышедшем спустя три года сборнике «Ленинградское дело» историк, хотя и назвал действия Тихонова нелепой авантюрой, вместе с тем существенно сменил оценку факта фальсификации, поставив под сомнение его значимость: «Но ведь это же – более чем из тысячи делегатов. Мизер. И так ли уж виноваты в этом сами руководители?»¹¹. В увидевшей свет 20 лет спустя статье «“Ленинградское дело”: мифы и реалии» В.А. Кутузов признаёт, что из всех предъявленных «ленинградцам» обвинений лишь одно имело под собой реальную почву – это подтасовка результатов голосования на конференции. Но в оценках произошедшего его точка зрения не изменилась: «Напомним, что речь идёт буквально о нескольких голосах, поданных против П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Г.Ф. Бадаева и П.Г. Лазутина». Тем более что Тихонов всю вину взял на себя, «...объяснив это не столько желанием сделать приятное ленинградским руководителям, сколько продемонстрировать в духе тех лет железное единство тысячи с лишним делегатов»¹².

Как правило, другие исследователи ещё меньше внимания обращают на фальсификации: если не игнорируют их, то просто констатируют произошедшее либо, в лучшем случае, квалифицируют данный факт как незначительные нарушения и формальный повод для организации «ленинградского дела»¹³. Некоторые петербургские историки даже утверждают, что в Ленинграде ничего особенного не случилось, что фальсификации итогов тайного голосования при проведении выборов партийных комитетов в сталинском СССР были вполне обычным явлением. Так, доктор исторических наук А.З. Ваксер, говоря о допущенных нарушениях при подсчёте голосов, приходит к выводу: «Это лишний раз свидетельствует, что антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ему вторит другой петербургский историк, кандидат исторических наук А.А. Амосова: «По всей видимости, объявлять победу на выборах партийных функционеров единоголосной было не такой уж редкой практикой, даже если она таковой не являлась»¹⁴. Позже А.А. Амосова и её соавтор, доктор наук, американский профессор Д. Бранденбергер делают ещё более категоричное заявление: «Отметим, что объявление результатов выборов единоголосными было распространённой партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов»¹⁵. Но можно ли признать эти утверждения научно аргументированными? Тем более что историки не подкрепляют их ссылками на какие-либо архивные документы либо на результаты проведённых научных исследований. А.А. Амосова и Д. Бранденбергер ссылаются на сборник «Ленинградское дело», где речь действительно идёт про «мухлёж» с итогами голосования на ленинградской конференции. Однако там ни слова не говорится об этой «распространённой партийной практике в сталинское время»¹⁶.

Воздержимся от заявлений, что подобных прецедентов с фальсификацией результатов тайного голосования в региональных парторганизациях не было и ленинградский случай был уникальным в своём роде. Сразу отметим лишь следующее: учитывая, что постоянные призывы советской пропаганды к «большевистской бдительности» и «большевистской прин-

ципиальности» находили непосредственный отклик среди коммунистов и беспартийных и те активно отправляли «сигналы» о различных нарушениях и недостатках «наверх» (чтобы убедиться в этом, достаточно открыть в РГАСПИ перечни вопросов, рассмотренных Секретариатом ЦК ВКП(б) в конце 1940-х годов), то сохранение в секрете манипуляций с результатами тайного голосования при «позднем Сталине» становилось весьма проблематичным. Тем более круг посвящённых оказывался достаточно широким, что неизбежно повышало риск утечки информации. Ведь в том же Ленинграде о подтасовках в ходе голосования мог сообщить не только один из членов счётной комиссии, а любой из делегатов конференции, кто проголосовал против кого-то из ленинградского начальства, а потом при объявлении результатов узнал, что тот не получил ни одного голоса «против». Сам факт фальсификации, который автоматически квалифицировался как грубое нарушение «внутрипартийной демократии», вполне мог представлять в то время гораздо более серьёзную опасность для карьеры того или иного чиновника, пожелавшего получить «красивые цифры» на тайном голосовании, нежели реальные результаты, пусть даже с высоким процентом «чёрных шаров». Сомнительно, чтобы цель в данном случае оправдывала средства.

Фальсификации не обязательно должны были выражаться в обнулении голосов «против» – их количество могли занижать до приемлемого уровня (как, например, произошло на IX Ленинской районной партконференции г. Ленинграда, где счётная комиссия вдвое сократила количество голосов, поданных против первого секретаря райкома Л.С. Ананьева¹⁷). А.А. Амосова и Д. Бранденбергер, тем не менее, говорят именно об обнулении, объявлении результатов выборов единогласными, как это произошло на объединённой областной и городской конференции в Ленинграде. Вполне очевидно, что для утверждений о каких-либо устоявшихся практиках необходимо иметь на руках результаты тайного голосования как минимум в половине областных, краевых и республиканских партийных организаций СССР. Авторы, однако, не приводят ни одного подобного случая за пределами Ленинграда.

Результаты голосования по выборам членов обкомов (крайкомов) партии не составляют ни государственную, ни персональную тайну и, как правило, для исследователей доступны без каких-либо ограничений (если, конечно, архивисты прилагали усилия и стремились к рассекречиванию документов, чего, к примеру, нельзя сказать о бывшем московском партархиве¹⁸). Проблема заключается лишь в получении этих документов для научного анализа, а также в их сохранности. Дело в том, что протоколы заседаний счётных комиссий, как правило, находятся на хранении в региональных архивных учреждениях, а не сосредоточены в одном месте в каком-либо федеральном архиве (во всяком случае, о таком нам ничего неизвестно). К тому же бывает, что эти протоколы не отложились в материалах конференций, а были в своё время уничтожены. В некоторых случаях заменить их могут стенограммы конференций, ведь председатели счётных комиссий зачитывали протоколы комиссий перед делегатами. Однако сделать это возможно, разумеется, только в том случае, если содержание этих протоколов в деталях (с указанием количества голосов, поданных «за» и «против» каждого кандидата) было зафиксировано в стенограмме конференции. Хотя и нечасто, но имеют место ситуации, когда не сохранилось ни самих протоколов счётных комиссий, ни их достаточно полного воспроизведения в стенограммах. С сожалением приходится констатировать, что в число таковых попали партконференции в достаточно крупных, экономически значимых регионах: к примеру, VI Ярославская областная конференция ВКП(б) 1945 года, VI Саратовская областная конференция ВКП(б) 1948 года¹⁹, результаты тайного голосования на которых представляли бы значительный интерес.

Рассмотрим итоги работы счётных комиссий по выборам региональных партийных комитетов (членов обкомов и крайкомов ВКП(б)) на некоторых областных и краевых партконференциях, проходивших в РСФСР. Выберем лишь те конференции второй половины 1940-х годов, которые состоялись до того, как фальсификация итогов тайного голосования на ленинградской конференции стала одним из пунктов обвинений против ленинградских руководителей, то есть до 1948 года включитель-

но. Дело в том, что мы не можем полностью исключить вероятность распространения информации о произошедшем в Ленинграде, гарантировать, что печальный опыт ленинградцев не стал известен областным и краевым первым секретарям. Последние, в свою очередь, имели возможность предпринять конкретные шаги, чтобы не допустить нулевого голосования и тем самым избежать каких-либо подозрений в свой адрес. Тем более что это не составляло никакого труда, в отличие от сокрытия полученных голосов «против».

Прежде всего, нас интересуют результаты голосования по главным лицам регионального руководства: первый секретарь обкома (крайкома) и горкома ВКП(б), второй секретарь обкома (крайкома) ВКП(б), председатель облисполкома (крайисполкома). Рассмотрим также результаты по второму секретарю горкома ВКП(б) областного (краевого) центра, хотя следует признать, эта должность не имела столь же высокий вес в системе региональной власти, как это было в Ленинграде второй половины 1940-х годов.

Начнём с Дальнего Востока. На III Хабаровской краевой партийной конференции, состоявшейся в апреле 1948 года, в ходе тайного голосования по выборам членов крайкома ВКП(б) первый секретарь крайкома и горкома Р.К. Назаров получил 70 голосов «против», второй секретарь крайкома Т.Г. Калинин – 10, председатель крайисполкома Ф.А. Мамонов – 56 голосов, второй секретарь Хабаровского горкома ВКП(б) П.В. Решетников – 14. Всего в голосовании приняли участие 465 делегатов. Назаров и Мамонов стали абсолютными рекордсменами по числу голосов «против» на этой конференции. Особенно их «достижения» бросались в глаза на фоне показателей остальных претендентов на места в крайкоме, среди которых самое большое количество «чёрных шаров» – 15 – набрал главнокомандующий войсками Дальнего Востока, маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский – будущий министр обороны СССР²⁰.

В Сибири делегаты конференций, прошедших в марте 1948 года, по-разному оценивали руководителей «своих» регионов. Наиболее лояльными оказались делегаты VI Красноярской краевой партийной конференции. В голосовании приняли уча-

стие 392 делегата, из которых лишь трое проголосовали против первого секретаря крайкома и горкома А.Б. Аристова, семеро – против второго секретаря крайкома С.М. Бутузова, восемь голосов «против» получил председатель крайисполкома Е.П. Колущинский, и только один делегат проголосовал против второго секретаря Красноярского горкома ВКП(б) А.П. Глазкова. Нужно особо отметить, что делегаты проявили лояльность ко всем кандидатам в члены крайкома, а не исключительно к первым лицам. Самый большой результат был у заведующего краевым отделом торговли Е.Н. Лотошникова – 26 «чёрных шаров», подавляющее большинство остальных получили один-два голоса «против», а три десятка человек были избраны единогласно. Но среди этих трёх десятков не было главных лиц края: секретарь крайкома по пропаганде и агитации В.Л. Черненко получил два голоса «против», секретарь крайкома по кадрам Н.Г. Фалалеев – пять, первый заместитель председателя крайисполкома М.И. Генер – 10 голосов²¹.

Н.И. Беляев, в то время возглавлявший Алтайский крайком и Барнаульский горком, авторитету соседнего секретаря Аристова мог только позавидовать. На IV Алтайской краевой партийной конференции из 395 делегатов его фамилию в ходе голосования вычеркнули 23 человека. Против второго секретаря Алтайского крайкома И.П. Скулкова проголосовали два делегата, против председателя крайисполкома А.М. Батамирова – 16, против второго секретаря Барнаульского горкома ВКП(б) Н.О. Игнатика – пятеро. Отметим, что первого секретаря значительно опередили два других секретаря крайкома ВКП(б): секретарь по пропаганде и агитации М.Д. Корабельников (30 голосов «против») и третий секретарь В.В. Митюшкин (36 голосов «против»). Результаты голосования у главных краевых начальников резко контрастировали с показателями у остальных кандидатов в члены крайкома, набравших по нескольку голосов «против» или вообще ни одного²².

Н.И. Беляев ещё неплохо смотрелся на фоне своего северного соседа, первого секретаря Новосибирского обкома и Новосибирского горкома М.В. Кулагина. На IV Новосибирской областной партийной конференции фамилию М.В. Кулагина вычеркну-

ли 42 делегата из 481 принявшего участие в голосовании. Второй секретарь обкома В.В. Косов набрал ещё больше – 57 голосов «против», а вот председатель Новосибирского облисполкома Л.И. Соколов, напротив, – всего 10. Против второго секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) М.Н. Никитина проголосовали 35 делегатов. Однако рекордсменом стал не Косов, а председатель Новосибирского горисполкома В.И. Благирев, которого не захотели видеть в составе членов обкома ВКП(б) 83 делегата конференции²³.

Все отрицательные результаты у А.Б. Аристова, Н.И. Беляева и М.В. Кулагина меркли на фоне показателей омского секретаря С.С. Румянцева. 102 делегата V Омской областной партийной конференции из 396 принявших участие в голосовании вычеркнули фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б). Румянцев лидировал с огромным отрывом от других кандидатов на места в обкоме партии. Кандидатура второго секретаря обкома П.П. Елисеева вызывала значительно больше симпатий: лишь 18 делегатов не захотели видеть его в новом составе обкома. Против председателя облисполкома Л.И. Кузика проголосовали 32 делегата. Только что назначенный вторым секретарём Омского горкома ВКП(б) Д.Ф. Ситнянский получил 11 голосов «против», но для омичей он был человеком совершенно новым. Поэтому обратим внимание на результаты, полученные другими секретарями обкома ВКП(б). У третьего секретаря Я.Н. Заробяна они были такими же, как и у второго секретаря, – 18 голосов «против», у секретаря по кадрам С.И. Циркина они совпали с количеством голосов, поданных против председателя облисполкома, – 32. А секретарь по пропаганде и агитации П.А. Шуркин получил только семь «чёрных шаров»²⁴. Как показало время, в ЦК партии учли итоги голосования в Омске и отреагировали кадровыми перестановками.

На Урале делегаты областных конференций ВКП(б), состоявшихся в том же марте 1948 года, в ходе голосования весьма критически подошли к оценке местного начальства. На VI Челябинской областной партконференции первый секретарь обкома и горкома А.А. Белобородов получил 24 голоса «против» из 563 проголосовавших. Его, на первый взгляд, немалые показа-

тели стали незаметны на фоне результатов у остальных первых лиц области. Второй секретарь Челябинского обкома Ф.Н. Дадонов получил 85 голосов «против», а председатель облисполкома И.В. Заикин – 131. И только ко второму секретарю Челябинского горкома А.В. Лескову делегаты были более лояльны – против него было подано лишь 12 голосов. Остальным секретарям обкома ВКП(б), а не только вышеупомянутым, уйти «чистыми» с конференции тоже не удалось: третьего секретаря Г.А. Бездомова из списка вычеркнули 22 делегата, секретаря по кадрам П.И. Матвейцева – 57, секретаря по пропаганде и агитации А.Г. Лашина – 93 делегата. По несколько десятков «чёрных шаров» получили и другие руководящие работники областного масштаба, но ни они, ни другие претенденты на членство в обкоме партии превзойти председателя облисполкома не смогли²⁵.

У северных соседей челябинцев – свердловчан – эти показатели тоже были немалыми. На VI Свердловской областной партконференции, где в тайном голосовании приняли участие 647 делегатов, первый секретарь обкома и горкома В.И. Недосекин получил 42 голоса «против», председатель облисполкома Г.С. Ситников – 57, второй секретарь Свердловского горкома П.А. Жуков – 34 голоса. Второго секретаря обкома А.П. Панина во время конференции отозвали на работу в ЦК ВКП(б), поэтому его кандидатура на выборах в новый состав обкома не выдвигалась. Взамен можно привести результаты голосования по остальным секретарям обкома: против третьего секретаря обкома И.С. Цыганова проголосовали 25 делегатов, секретаря по пропаганде и агитации И.С. Пустовалова – 8, секретаря по кадрам Н.М. Кокосова – 102 делегата. Последний стал рекордсменом: у его ближайшего «преследователя» – заведующего организационно-инструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) П.Е. Бармасова – было 63 голоса «против»²⁶.

В голосовании на III Молотовской областной партийной конференции приняли участие 649 делегатов. Фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) К.М. Хмелевского вычеркнули 34 делегата, против второго секретаря обкома П.Ф. Пигалёва было подано 6 голосов, против председателя облисполкома К.Г. Пысина – 16, второй секретарь Молотовского горко-

ма П.А. Лошкарёв получил 23 голоса. Цифры показывают, что молотовская партноменклатура куда лояльнее относилась к своему начальству, нежели свердловская и челябинская. Больше всех голосов «против» набрал прокурор Молотовской области Д.Н. Куляпин – его фамилию вычеркнули 54 делегата²⁷.

Благожелательно была настроена ростовская партноменклатура по отношению к главным лицам области. IV Ростовская областная партийная конференция прошла за несколько месяцев до окончания войны, в январе 1945 года. В тайном голосовании приняли участие 456 делегатов, из них только семеро проголосовали против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) П.И. Александрюка, девять голосов «против» получил второй секретарь обкома ВКП(б) О.С. Шпаков. Против председателя облисполкома И.П. Кипаренко проголосовали 12 делегатов, а второй секретарь Ростовского горкома ВКП(б) П.Н. Пастушенко получил лишь три голоса «против». Итоги голосования по первым лицам области не вызывают особых подозрений, так как своими низкими цифрами они не выделялись на общем фоне. Только шесть претендентов на места в обкоме партии набрали более десятка голосов «против», а многие вообще не получили ни одного, поэтому показатель председателя Ростовского облисполкома И.П. Кипаренко можно даже рассматривать как достаточно высокий²⁸.

Совершенно иная картина складывалась у их северо-восточных соседей. В тайном голосовании на VI Сталинградской областной партийной конференции, состоявшейся тремя годами позднее, в марте 1948 года, приняли участие 438 делегатов с правом решающего голоса. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) В.Т. Прохвятилова проголосовали 46 делегатов – это был второй результат по итогам голосования. Самое же большое количество голосов «против» оказалось у председателя облисполкома Я.В. Ларина – 104 делегата вычеркнули его фамилию из бюллетеней. Второй секретарь Сталинградского горкома ВКП(б) А.А. Вдовин получил 27 голосов. Второго секретаря обкома партии сменили во время конференции: на эту должность из Москвы был командирован И.Т. Гришин – бывший слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, ра-

нее занимавший руководящие посты в Новосибирске. Поэтому рассмотрим результаты голосования по остальным секретарям обкома ВКП(б), хорошо знакомым сталинградской номенклатуре. Третий секретарь М.И. Сухов получил 36 голосов «против», секретарь по пропаганде и агитации М.А. Водолагин – 16, секретарь по кадрам М.Н. Сомова – 32. Все действовавшие руководители Сталинградской области вошли в десятку самых непопулярных кандидатов в члены обкома партии (всего кандидатов было 75 человек). Притом что 46 кандидатов не набрали более десяти голосов «против», а ещё 16 – прошли единогласно (в их числе были И.В. Сталин, А.А. Жданов и Г.М. Маленков)²⁹. Иначе говоря, своё руководство сталинградский управленческий корпус оценивал весьма критически.

IX Куйбышевская областная партийная конференция проходила почти одновременно со сталинградской. В тайном голосовании на конференции приняли участие 610 делегатов. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А.М. Пузанова проголосовал 21 делегат, против второго секретаря обкома Ф.Р. Козлова – 33, председатель облисполкома А.П. Бочкарёв получил лишь четыре голоса «против». Фамилию второго секретаря Куйбышевского горкома Л.Н. Ефремова из бюллетеней для голосования вычеркнули восемь делегатов. Данные по остальным секретарям обкома ВКП(б) весьма разнились между собой. Если третий секретарь Г.А. Малёхоньков получил чуть не самый высокий результат на конференции – 54 голоса «против», то у секретаря по пропаганде и агитации А.Я. Бурвиной было 24, а у секретаря по кадрам Г.Ф. Худобина – всего лишь 5. Следует сказать, что делегаты не проявили лояльности к областному руководству: большинство, а именно более полусотни, кандидатов либо не получили ни одного, либо – от одного до пяти голосов «против», а тех, у кого этот показатель был выше, насчитывалось всего 18 человек. В числе этих 18-ти оказались все вышеперечисленные областные начальники, за исключением секретаря обкома по кадрам³⁰.

В том же марте 1948 года состоялась IX Горьковская областная партийная конференция, где в тайном голосовании приняли участие 422 делегата. Первый секретарь обкома и горкома

С.Я. Киреев, второй секретарь обкома В.В. Тихомиров и председатель облисполкома Н.В. Жильцов набрали одинаковое количество голосов «против» – по 20. Второй секретарь Горьковского горкома ВКП(б) А.Н. Курятников получил значительно больше – 41 голос. Но не ему, а третьему секретарю обкома А.П. Смолину довелось набрать самое большое количество голосов «против» – его фамилию вычеркнули 76 делегатов. Секретарь обкома по кадрам А.Д. Проскурин получил только 12 голосов (секретаря обкома по пропаганде и агитации на конференции сменили на другого). Эти цифры выглядели достаточно внушительными на фоне общего благосклонного отношения делегатов к кандидатам. Главным горьковским начальникам – первому, второму и третьему секретарям обкома ВКП(б), второму секретарю горкома и председателю облисполкома – довелось собрать наибольшее количество голосов «против»³¹.

Таким образом, для анализа мы отобрали достаточно крупные региональные партийные организации РСФСР и не выявили ни одного результата тайного голосования, подобного тому, что был получен на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединённой партийной конференции касательно первых лиц областного и городского руководства. Повторим: вполне возможно, что ленинградский инцидент не был уникальным, и где-то на территории СССР подобное вполне могло иметь место. Тем не менее приведённые выше данные свидетельствуют об отсутствии каких-либо оснований для утверждений, что «...объявление результатов выборов единогласными было распространённой партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов». Нет никаких оснований рассматривать фальсификации на ленинградской конференции как вполне обыденный случай и типичный пример того, что «...антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Авторы делают столь однозначные, категоричные заявления о «распространённых партийных практиках», «антидемократических порядках», не имея при этом ни одного доказательства, что подобное имело место где-то за пределами Ленинграда. Симпатии к погибшим в ходе «ленинград-

ского дела» руководителям и стремление показать негативные стороны действовавшей в то время системы власти не даёт профессиональным историкам права прибегать к домыслам.

После ознакомления с результатами вышеприведенного исследования Д. Бранденбергер в своей статье «О некоторых аспектах “ленинградского дела”» не стал их оспаривать, тем не менее, вновь попытался доказать свою правоту. Какие-либо новые данные по итогам тайного голосования в региональных парторганизациях СССР он приводить не стал. На сей раз в качестве аргумента Д. Бранденбергер указал на несколько районных партконференций г. Ленинграда и области, где были «почищены» результаты относительно «почётных делегатов» (или «привилегированных кандидатур») – И.В. Сталина и других членов Политбюро. Историк полагает, что подобные фальсификации имели место практически по всей стране (цитируем: «Дело в том, что в 1948 г. практически на всех партконференциях, начиная с районного уровня, проходили также выборы “почётных делегатов”, в качестве которых выступали И.В. Сталин и другие члены Политбюро»). А виновность ленинградских партаппаратчиков заключалась лишь в том, что они посмели приравнять ленинградских руководителей к кремлёвским вождям в правах на «единогласное избрание»³².

Ошибки, которые при этом допускает Д. Бранденбергер, вполне очевидны. В качестве примера он приводит скомпрометированную подтасовками ленинградскую парторганизацию и при этом не называет ни одного подобного случая за пределами Ленинградской области. Вновь, как это уже было, частный случай или несколько эпизодов преподносятся в качестве сложившихся управленческих практик. Произошедшее в нескольких районных парторганизациях историк пытается представить как типичную картину, характерную для всей партийной системы власти СССР.

Историк ошибочно полагает, что «привилегированные кандидатуры» «практически на всех партконференциях, начиная с районного уровня», проходили через процедуру тайного голосования. В действительности же члены Политбюро во главе со Сталиным, как правило, избирались в так называемые почётные

президиумы конференций, эта процедура проводилась путём открытого голосования. Выдвижение членов высшего руководства СССР в составы местных партийных комитетов или делегатами на партконференции (съезды) не было обязательным элементом отчётно-выборных кампаний в региональных партийных структурах. Даже если в Ленинграде и области и, возможно, где-либо ещё была распространена практика избрания тайным голосованием Сталина и членов Политбюро в составы партийных комитетов или делегатами на вышестоящие партконференции, это вовсе не означает, что подобное имело место во всех других парторганизациях страны. Доводы Д. Бранденбергера, в частности, не подтверждаются рассмотренными нами материалами районных, городских и областных (краевых) конференций в Красноярске, Челябинске и Свердловске.

Выше были проанализированы результаты тайного голосования на региональных партийных конференциях в Хабаровске, Красноярске, Барнауле, Новосибирске, Омске, Челябинске, Свердловске, Молотове, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Куйбышеве и Горьком. Из перечисленных конференций (к которым добавим результаты на V Ростовской областной партконференции от 11 февраля 1949 года³³) только в двух случаях кремлёвские вожди были избраны членами обкомов: на IV Новосибирской областной партконференции (И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.А. Андреев и Г.М. Маленков) и на VI Сталинградской областной партконференции (И.В. Сталин, А.А. Жданов и Г.М. Маленков)³⁴. На других конференциях, документы которых были нами проанализированы, Сталин и члены Политбюро в составы обкомов и крайкомов партии не избирались.

Вполне очевидно, что практика избрания Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б) делегатами ленинградских конференций, членами Новосибирского и Сталинградского обкомов партии носила исключительно формальный, декоративный характер и являлась, судя по её распространённости, сугубо местной инициативой. Ни Сталин, ни другие члены Политбюро заведомо не могли исполнять обязанности членов Новосибирского и Сталинградского обкомов и заведомо не являлись делегатами конференций в Ленинграде и области. Однако как таковая

система тайного голосования в парторганизациях носила не декоративный и формальный, а сугубо практический, утилитарный характер и выполняла вполне конкретные задачи. Поэтому приравнивать «почётных делегатов», «привилегированных кандидатур» к остальным кандидатам на места в партийных комитетах и в составы делегаций на вышестоящие конференции нет никаких оснований. Не И.В. Сталину и другим членам Политбюро, а П.С. Попкову и остальным ленинградским руководителями предстояло в 1948 году пройти через процедуры избрания (начиная с низовых парторганизаций), получить статус члена Ленинградского горкома и Ленинградского обкома, чтобы в итоге сохранить занимаемые должности. И если своих местных «вождей» ленинградский партаппарат приравнивал к вождям кремлёвским, то это были сложившиеся практики именно в ленинградской парторганизации, а не повсеместной устоявшейся практикой в партийных структурах СССР.

Таким образом, пока не будут обнаружены архивные документы о массовых фальсификациях результатов тайного голосования в других регионах СССР, выводы о повсеместном распространении подобных практик следует рассматривать как домыслы³⁵.

**«Конечно, нет оправдания этому политическому
жульничеству», или «Товарищи помнят,
как волновались эти товарищи»**

Как уже ранее говорилось, систему тайного голосования по выборам партийных комитетов И.В. Сталин ввёл в управленческую практику в 1937 году. На региональном уровне она показывала, насколько тот или иной руководящий работник пользуется поддержкой местного управленческого корпуса. Сталин полагал, что тайное голосование является своеобразной проверкой руководящих кадров, осуществляемой «снизу»³⁶. Действительно, крайне непопулярный работник мог «завалиться» на выборах: как в ходе обсуждения выдвинутых кандидатур, так и по итогам тайного голосования. Но даже в случае, если кандидат

проходил и при том набирал высокий процент голосов «против», это обстоятельство учитывалось в ходе проверки на предмет его соответствия занимаемой должности. Если к этому работнику имелись какие-либо иные крупные претензии, шансы потерять должность существенно возрастали.

В подтверждение, что эта система не являлась ширмой, прикрывавшей «антидемократические порядки», а реально функционировала, можно привести случай на Свердловской областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1940 года. В ходе тайного голосования в состав членов обкома действующий секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам, андриановский выдвиженец Г.Г. Попов получил критическое количество голосов «против» – 108 из 380 делегатов вычеркнули его фамилию (претендентов было чуть больше, чем мест). Вместе со статусом члена обкома ВКП(б) он автоматически потерял рабочее место – кресло секретаря обкома по кадрам и заведующего отделом кадров. Для первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова такой исход тайного голосования явился полной неожиданностью, и ему в экстренном порядке пришлось подбирать новую кандидатуру. А для Г.Г. Попова пришлось подыскивать новую работу: сначала его пристроили заместителем начальника политотдела железной дороги по кадрам, затем перевели на освободившееся место первого секретаря Камышловского райкома ВКП(б) Свердловской области³⁷.

Некоторые рекордсмены по числу голосов «против», выявившиеся в ходе отчётно-выборной кампании 1948 года, вскоре лишились своих постов. Ранее уже говорилось, что четверть делегатов с правом решающего голоса Омской областной партконференции выразили недоверие первому секретарю обкома и горкома С.С. Румянцеву. Большинство голосов он прошёл в состав обкома, а после вновь был утверждён первым секретарём Омского обкома ВКП(б). Но не истекло и года, как Румянцева освободили и направили слушателем курсов переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ЦК ВКП(б). В июне 1951 года ему предоставили работу, как тогда говорилось, «меньшего объёма» – первого секретаря

ря Великолукского обкома ВКП(б)³⁸. Секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам Н.М. Кокосов, набравший на областной партконференции рекордные 102 голоса «против», через полгода перешёл с руководящей партийной на научную работу – старшим научным сотрудником отдела экономических исследований Уральского филиала АН СССР. Председатель Челябинского облизполкома И.В. Заикин, против которого проголосовал 131 делегат, спустя несколько месяцев был отозван с Южного Урала и с понижением направлен в Пензенский облизполком – получил лишь кресло заместителя председателя³⁹.

Разумеется, основанием для должностных перемещений этих руководителей могли быть не только результаты тайного голосования. Но случалось и так, что именно от них напрямую зависели карьерные перспективы того или иного начальника.

Так, итоги тайного голосования сорвали планы свердловского руководства, когда в начале 1950 года в СССР проходило разделение постов первых секретарей обкомов и горкомов ВКП(б). Можно сказать, что работавший до того момента вторым секретарём Свердловского горкома ВКП(б) И.Ф. Красножёнов, которого обком партии наметил на место первого секретаря горкома и уже согласовал его кандидатуру в ЦК ВКП(б), пал жертвой «внутрипартийной демократии». Всего за год работы в этой должности он успел настроить против себя свердловский управленческий корпус. На состоявшейся в феврале 1950 года IX Свердловской городской партконференции делегаты подвергли его резкой критике за слабое руководство и грубость, а при тайном голосовании по выборам нового состава горкома 204 делегата из 593-х проголосовали против его кандидатуры. И хотя он прошёл в состав горкома, как набравший больше половины «за», бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло решение не только не выдвигать его первым секретарём горкома, но и не оставлять вторым. Исходя из сложившейся ситуации, когда иной готовой, согласованной с ЦК кандидатуры не было, представитель обкома партии обратился к членам пленума горкома с просьбой воздержаться от избрания первого секретаря, и следующие полтора месяца кресло руководителя горкома оставалось вакантным. Самого И.Ф. Красножёнова через полгода

да вынужденного отдыха трудоустроили в облисполком заведовать отделом местной промышленности⁴⁰.

Результаты голосования использовались для оценки деятельности не только партийного и исполкомовского начальства. Когда в середине 1949 года в Москве решалась судьба директора Челябинского Кировского завода, Героя Соцтруда, генерал-майора, депутата Верховного совета СССР И.М. Зальцмана (обвиняемого в коррупции и в покровительстве совершавшим коррупционные действия заводским руководящим работникам; в незаконном расходовании государственных средств; в демонстративно вызывающем и оскорбительно-унижающем поведении по отношению к подчинённым; в ошибках и недостатках в руководстве предприятием; в расправе над теми заводскими коммунистами, кто смел его критиковать, то есть в «зажиме критики», нарушении «внутрипартийной демократии»; в многочисленных сексуальных домогательствах к молодым женщинам; и т. д.), то специально созданная межведомственная комиссия докладывала Г.М. Маленкову о результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана при выборах партийных органов и депутатов Верховного совета СССР. Комиссия использовала эти результаты для оценки деловых и личных качеств директора: «При выборах заводского партийного комитета в 1946 году против т. Зальцмана голосовало 65 человек, или 18,2 %, и он прошёл в состав парткома предпоследним. При наличии ещё одного-двух голосов против т. Зальцман оказался бы избранным. При выборах обкома ВКП(б) в 1948 году против т. Зальцмана голосовало 65 человек, или 11,5 %. Эти факты говорят о том, что вследствие неправильного отношения т. Зальцмана к людям, его авторитет среди части коммунистов и трудящихся завода был подорван»⁴¹.

Ленинградскому начальству на партконференции 1948 года было далеко небезразлично, какие цифры они получают по результатам тайного голосования. «Я позволю напомнить товарищам следующее, – говорил на пленуме обкома и горкома в феврале 1949 года первый секретарь Смольнинского райкома В.В. Никитин. – Известно, что на конференции из секретарей городского комитета партии больше всех голосов “против” получил Николаев и Левин. Товарищи помнят, как волновались эти

товарищи. Видимо, это волнение было тоже не случайно. Видимо, товарищи предполагали, что полученное количество голосов против них могло сказаться на окончательном решении – избрании их как секретарей». На вопрос Г.М. Маленкова – если бы Капустин по количеству полученных голосов «против» прошёл бы в члены пленума последним или предпоследним, могло ли это обстоятельство отразиться на его избрании секретарём горкома – Никитин отвечал: «Если бы товарищ Капустин получил большое количество голосов “против” – этот вопрос мог быть поставлен»⁴².

Разумеется, полтора десятка голосов «против» не представляли непосредственной угрозы должностному положению Капустина, для этого требовалось набрать сотни голосов⁴³. Но для ленинградского начальства результаты тайного голосования были весьма чувствительны, ведь это был вопрос их авторитета, престижа и карьерных перспектив. Не случайно секретарь горкома Н.А. Николаев, услышав высокую цифру голосов «против», залился краской, что не осталось незамеченным среди участников конференции⁴⁴. Секретарю горкома было от чего краснеть, ведь его показатели особенно бросались в глаза на фоне нулей, полученных первыми лицами города и области.

«Свои нули» «ленинградские вожди» восприняли как должное⁴⁵. Председатель счётной комиссии Тихонов сделал всё от него зависящее, чтобы им не пришлось краснеть перед делегатами.

Вне зависимости от того, как оценивать фигуру И.В. Сталина – считать его жестоким тираном с прогрессирующей подозрительностью на фоне естественных возрастных изменений в психике, озабоченным исключительно упрочнением личной власти, или выдающимся государственным деятелем, все усилия которого были направлены на укрепление могущества государства, – нетрудно догадаться, как воспринял он информацию о том, что внедрённую им систему тайного голосования – неотъемлемую составляющую всех проходящих в стране партийных отчётно-выборных кампаний – оказывается, можно без особого труда свести на нет, что с успехом продемонстрировали на ленинградской партийной конференции. Не будет удивительным,

если в последующем, после рассекречивания и введения в научный оборот всего комплекса документов по «делу», выяснится, что реакция вождя была исключительно острой и даже болезненной.

Не столь важно, что счётная комиссия обнулила лишь по несколько голосов «против», которые набрали ленинградские начальники, и что ей не пришлось скрывать десятки и сотни голосов. Главное здесь – сам факт фальсификации. И то, что этот факт имел место в Ленинграде, вне зависимости от того, получил ли Тихонов указания свыше или это была его собственная инициатива, сам этот свершившийся факт свидетельствует о склонности ленинградской партноменклатуры к различным фальсификациям и иным нарушениям законности, о нарастающей атмосфере парадности в ущерб деловитости и о самовозвеличивании ленинградского начальства.

Фальсификация получила жёсткую оценку в докладе первого секретаря горкома Ф.Р. Козлова на IX Ленинградской городской партийной конференции в 1950 году. Когда докладчик стал говорить о том, что «пробравшаяся к руководству ленинградской партийной организации антипартийная группа Кузнецова, Попкова и других причинила большой вред Ленинграду», первое, на чём он конкретно остановился, были не пьянство, растраты партийных и государственных средств и самоснабжение, а всё та же фальсификация протокола счётной комиссии на областной и городской партконференции. Это лишний раз подчёркивает тяжесть содеянного ленинградским начальством по действовавшей в то время оценочной шкале партийных проступков. К тому же, как стало известно из доклада Ф.Р. Козлова, этот случай с фальсификацией был далеко не единичным в ленинградских властных структурах. Как показала проверка, результаты голосования были нужным образом «исправлены» на Ленинской и Фрунзенской районных партконференциях, в некоторых первичных парторганизациях Василеостровского района и даже на комсомольских собраниях. На IX Ленинской районной партконференции по указанию секретаря райкома Л.С. Ананьева были скрыты голоса против избрания П.С. Попкова делегатом на городскую партконференцию⁴⁶. Иначе говоря, Тихонов не совер-

шил революции в технологии подсчёта голосов, а это уже была исподволь складывающаяся практика в функционировании ленинградских властных структур.

Именно фальсификацию результатов голосования на областной и городской конференции считал очень серьёзным обвинением работавший в то время секретарём партбюро одного из ленинградских НИИ Николай Николаевич Родионов, впоследствии занимавший должности первого секретаря Ленинградского горкома КПСС, затем – Челябинского обкома. Будучи делегатом скандальной конференции, он запомнил, как Тихонов под бурные аплодисменты зала вещал с трибуны о единогласном и единодушном избрании Попкова. Нужно сказать, что Н.Н. Родионов не скрывал симпатий к жертвам «ленинградского дела», тем не менее, о фальсификации в воспоминаниях высказался недвусмысленно: «Конечно, нет оправдания этому политическому жульничеству». И здесь же поделился другими своими впечатлениями от того времени: «Нехорошо было и то, что в дни праздничных демонстраций с трибуны Дворцовой площади раздавались возгласы: “Руководителю ленинградских большевиков П.С. Попкову – Ура!”»⁴⁷. Эти и подобные возгласы в адрес Попкова запомнились также другим участникам демонстраций⁴⁸.

О том, что подтасовка результатов голосования не являлась случайностью, а была вполне закономерным явлением в ленинградских властных структурах, достаточно много говорилось уже на февральском пленуме обкома и горкома 1949 года.

Второй секретарь обкома Г.Ф. Бадаев, выступивший первым в прениях на февральском пленуме, фальсификацию на конференции увязал с «заискиванием и подхалимажем», которые, по его выражению, «насаждались» в руководстве Ленинграда А.А. Кузнецовым. «Вчера на бюро члены бюро по этому вопросу много и подробно говорили, – заявил Бадаев. – На пленуме сегодня присутствуют целый ряд товарищей, которые знали работу Кузнецова в нашей организации, которые знали и замечали самовлюблённость, стремление к неограниченной власти, поставление себя выше всех и вся, умнее всех и вся, нетерпимое отношение не только к критике, а даже к малейшим замечаниям, которые делались в адрес руководства»⁴⁹.

Секретарь горкома Н.А. Николаев увязал фальсификацию на областной и городской конференции с желанием подчеркнуть «непогрешимость» партийных руководителей Ленинграда и области. Рекламой и восхвалением, потерей скромности назвал председатель горисполкома П.Г. Лазутин публикацию в местной печати информации о единогласном избрании на конференциях ленинградских руководителей и в качестве примера привёл публикацию заметки о единогласном избрании на конференции Кировского завода Попкова, Капустина, Бадаева, себя и других делегатами Кировской районной партконференции. Бывший партийный руководитель, а ныне – директор завода «Большевик» И.И. Егоренков назвал самохвальство, самовлюблённость и властолюбие руководителей обкома и горкома факторами, способствовавшими появлению ошибок в руководстве. «...У “руководящей головки” много кичливости, вождизма в плохом смысле этого слова», – подтверждал первый секретарь Октябрьского райкома И.Н. Платонов⁵⁰.

«Мне хочется отметить ещё одну сторону, крайне отрицательную для нашей ленинградской партийной организации и руководящих работников ленинградской партийной организации, – говорил на этом же пленуме председатель облисполкома И.Д. Дмитриев. – У нас в городе Ленинграде (этому в меньшей мере подвержена область) слишком развито чувство бахвальства. Уж слишком часто мы на всякого рода собраниях, митингах и заседаниях употребляем слова: “мы – ленинградцы”, “город-герой” и так далее. Мы слишком часто слышим об этом, и такие неоднократные заявления не только не пресекались товарищами Попковым и Капустиным, а, скорее, поощрялись. Это привело к тому, что и вождизм у нас появился, и, видимо, Тихонов, делая такое грязное преступление перед нашей областной и городской партийной организацией, тоже заразился мыслью, что как же таких вождей, как Попкова и Капустина, мы можем зачитать в протоколе, как не получивших единогласных выборов в состав областного и городского комитета партии. С этим бахвальством и вождизмом надо покончить. Задач очень много стоит и перед областным, и перед городским комитетом партии, и сейчас не до бахвальства, не до вождизма»⁵¹.

Из выступлений на февральском пленуме постепенно стала проявляться подлинная картина того, какая атмосфера царствовала во властных структурах Ленинграда в послевоенные годы и как она была далека от декларируемой.

Сразу необходимо оговориться, что стенограмма пленума не показывает необычайную атмосферу страха, охватившую его участников. Хотя на пленуме присутствовал второй секретарь ЦК ВКП(б) и член Политбюро Г.М. Маленков, вместе с ним прибыли цеховские работники, да и сама повестка дня, несомненно, добавляла волнений ораторам и сидящим в зале, тем не менее, сковывающего страха на пленуме не было. Пленум не носил разгромного характера, как это бывало в 1930-е годы. Напротив, деловая атмосфера, отсутствие грозных или язвительных комментариев и поправок со стороны президиума (за исключением, разве, выступления Я.Ф. Капустина) развязывали языки участникам пленума, провоцируя их на откровения, на которые они ранее никогда бы не решились. Сановные представители ЦК партии демонстрировали желание терпеливо выслушать всех, кому было предоставлено слово. Поднимавшиеся на трибуну, разумеется, поддерживали решение Политбюро, приводили как отдельные примеры поведения ленинградского начальства, так и сложившиеся управленческие практики. Порой дополняли, поддерживали или оспаривали сказанное предыдущими выступавшими, из зала раздавались отдельные реплики в знак одобрения или несогласия (последнее не слишком часто и излишне резко, чтобы сбить выступавшего). Бывшему местному «вождю» П.С. Попкову предоставили возможность выступить дважды, во времени его не только не ограничивали, а дали дополнительное, репликами из президиума не перебивали, шума недовольства в зале не было. Создавалось впечатление, что это довольно типичный для той поры пленум по организационным и внутрипартийным вопросам, созванный после «разбора полётов» в Москве, с должностей снимали нескольких проштрафившихся руководителей, ни о каких обвинениях в государственных преступлениях и даже исключениях из партии речи не шло (на пленуме исключили из партии только А.Я. Тихонова). Бывший «ленинградский шеф» А.А. Кузнецов оставался членом ЦК партии и членом Орг-

бюро, участникам пленума было известно, что он возглавит цековское представительство на Дальнем Востоке – что он утверждён секретарём Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б)⁵². Снятому с должности П.С. Попкову решением Политбюро, несмотря на обвинения в «антипартийных действиях», объявили выговор и направили на учёбу на партийные курсы при ЦК ВКП(б), при этом статус кандидата в члены ЦК партии, члена президиума Верховного совета СССР на тот момент за ним сохранялся⁵³.

«Ленинградские вожди» отнюдь не были повержены, поэтому излишнее рвение в разоблачениях неизвестно как могло обернуться против желающих сплясать на их костях. Отсюда следует, что нет никаких оснований отвергать всё сказанное на пленуме, рассматривая это как следствие чрезвычайного давления и угроз Г.М. Маленкова.

«Будучи в Ленинграде, Кузнецов чувствовал себя вождём», или «Это царь и бог Ленинграда»

«Отцом» своеобразного стиля руководства, сложившегося в ленинградских властных структурах, выступавшие называли А.А. Кузнецова. Самого его характеризовали как человека исключительно властолюбивого, своенравного, не терпящего возражений. «Будучи в Ленинграде, Кузнецов чувствовал себя вождём, – говорил с трибуны пленума заведомо партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома ВКП(б) А.Ф. Павлов. – Больше того, перейдя на работу в аппарат Центрального комитета, он вообразил себя вождём чуть ли не всей партии. В Ленинграде перед Кузнецовым все преклонялись, в том числе и я, и многие присутствующие»⁵⁴.

«Это царь и бог Ленинграда, – говорил о Кузнецове секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Г.Г. Воротов. – Все, кто поперечил ему, немедленно слетали с поста, независимо, какой чин. Мы пытались немножко ставить, но робко, очень робко и, видно, не по-партийному. Если бы мы поставили это дело не в Ленинграде, а в Центральном комитете партии, мы призвали бы Кузнецова к порядку»⁵⁵.

Первый секретарь Калининского райкома ВКП(б) В.М. Ремезов рассказал на пленуме, что Ленинградский горком оценивал первую послевоенную районную партконференцию по тому, как будет встречен на конференции Кузнецов, все ли встанут, долго ли ему будут аплодировать.

Услышав это, Г.М. Маленков не выдержал и попросил уточнить: «Что же, вам эти указания из горкома давали?»

Ремезов ответил утвердительно, сказав, что в бытность его работы вторым секретарём райкома и в оргинструкторском отделе горкома такая практика существовала: горком интересовало то, как встретили Кузнецова и долго ли ему аплодировали. По этим же параметрам оценивалось качество подготовки встреч А.А. Кузнецова с избирателями, когда он избирался депутатом Верховного совета СССР⁵⁶.

В.М. Ремезов и бывший первый секретарь этого райкома В.П. Щербаков рассказали на пленуме о прибытии на районную конференцию «ленинградского вождя». Наиболее подробно, с интересными деталями эту историю изложил В.П. Щербаков, работающий завотделом машиностроения горкома: «Товарищ Ремезов в своём выступлении говорил, как оценивали районную партийную конференцию с позиций городского комитета партии. Я помню, как меня, первого секретаря Калининского райкома партии, только что сменившего товарища Турко, очень резко ругали за то, что мы недостойным образом встретили первого секретаря областного и городского комитетов партии товарища Кузнецова. Что мы не прервали конференцию до конца выступления оратора, а дали ему возможность выступить до конца, а [только] потом пригласил[и] товарища Кузнецова в состав президиума. Мне очень попало за то, что на его мандате я поставил не цифру “один”, а поставил порядковый номер той делегации, от которой был избран товарищ Кузнецов»⁵⁷.

Как позже выяснилось, во избежание подобного «конфуза», в райкомах устраивали репетицию, как следует встречать А.А. Кузнецова на пленуме или партактиве: оратор прерывался, сообщали о прибытии «вождя», участники репетиции вставали и учиняли овацию⁵⁸.

Выступавшие на февральском пленуме вспоминали некоторые фразы Кузнецова, которые интерпретировали как проявление вождизма и желание выделиться на фоне популярного в Ленинграде А.А. Жданова. «Вот сейчас Андрей Александрович уехал, – приводил слова Кузнецова на одном из совещаний первый секретарь Октябрьского райкома И.Н. Платонов. – Мы приступаем к восстановлению Ленинграда. Мы не можем восстанавливать так, как раньше. Что сделали мы за прошедшие годы большого, солидного? Ничего. Вот теперь мы начинаем делать солидное». Редкое упоминание Жданова во время празднования второй годовщины со дня снятия блокады секретарь райкома тоже увязал с желанием Кузнецова принизить роль того в обороне Ленинграда⁵⁹.

На этом же пленуме прозвучала история с помпезным отъездом Кузнецова на работу в Москву, которая в последующем будет фигурировать среди обвинений в адрес многих ленинградских начальников. «Товарищи, мы помним скромный отъезд на работу в Центральный комитет ВКП(б) нашего любимца, руководителя ленинградских большевиков, члена Политбюро товарища Жданова, – говорил заведомо горкома ВКП(б) А.Ф. Павлов. – Это почти никому не было известно, никто не провожал его, никакой помпы не было сделано и, больше того, мы все были угнетены, не знали, почему Андрей Александрович Жданов уезжает с ленинградской организации. Мне кажется, это тоже не без руки Кузнецова Алексея Александровича. Он оставался после Андрея Александровича, и ему было выгодно принизить в какой-то степени Андрея Александровича Жданова, а себя возвысить. И вот, сравнивая со скромным отъездом товарища Жданова нескромный губернаторский отъезд секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова, все вы, особенно секретари райкомов, заведующие отделами, помните, как мы фотографировались, как делали адрес, подарок, как мы провожали его на вокзал, причём на вокзале была устроена целая демонстрация. Делали мы это, может быть, из подхалимства, а может быть, из того ложного авторитета, который сами создавали товарищу Кузнецову. Провожая, мы восхищались, радовались, что принимаем участие в этом торжестве, и я не скрываю, что был польщён своим непосредственным в этом участии»⁶⁰.

Не осталась без внимания Г.М. Маленкова история о том, как А.А. Кузнецов допускал достаточно высокомерные высказывания о членах центрального руководства. К рассказанному первым секретарём Ленинского райкома ВКП(б) Л.С. Ананьевым об одном таком случае подключился основной свидетель — П.С. Попков, который уточнил некоторые детали «происшествия». Ананьев говорил, что на заседаниях бюро горкома и других собраниях Кузнецов нередко предпочитал высказываться от имени ЦК ВКП(б), после чего привёл пример. «Мы часто могли слышать целый ряд резких замечаний по отношению к отдельным руководителям, очень крупным руководителям даже нашего Правительства. Я имею в виду товарища Косыгина. Я могу привести случай на бюро городского комитета партии, когда товарищем Кузнецовым была брошена реплика в адрес товарища Попкова по вопросу развития городского хозяйства. Товарищ Кузнецов спросил: “А с кем вы согласовали?” Товарищ Попков говорит: “С товарищем Косыгиным”. Товарищ Кузнецов сказал: “Подумаешь, нашли с кем согласовывать для Ленинграда, согласовывайте с Молотовым”».

В рассказ Ананьева решил вмешаться П.С. Попков: «Он сказал не так, он сказал: “Плевать я хотел с высокого дерева на Косыгина”. Тут свидетели есть».

Ананьев продолжил: «Он говорил это от имени Центрального комитета партии. Мне кажется, что направление актива, воспитание его было таково, что мы видели в товарище Кузнецове непосредственного представителя Центрального комитета партии здесь, в Ленинграде, и поэтому...»

Тут Ананьева перебил Маленков: «Легко было сообразить, что ЦК никогда не учил плевать. Что это за нравы? Высший партийный орган данной организации заседает, что это за нравы?»

Ананьев продолжил: «Я привёл этот случай, он у меня сейчас в голове совершенно иначе ассоциируется, но в тот момент это резануло нас по уху, но никто ничего не сказал. А Пётр Сергеевич сказал: “Хорошо, поговорю с товарищем Молотовым”».

Попков подтвердил: «В этом духе что-то было»⁶¹.

Сам П.С. Попков в своём выступлении не стал останавливаться на конкретных примерах властолюбия и высокомерия

А.А. Кузнецова, а лишь заметил: «Я знал, что Кузнецов честолюбив и его стремление руководить ленинградской организацией я объяснял его честолюбием, властолюбием». Но не преминул возможностью охарактеризовать те же качества Я.Ф. Капустина, который, по его мнению, многое перенял от Кузнецова: «Он очень честолюбив. Я должен сказать, он очень любит власть, так, как и Кузнецов. Страшно любит власть, хлебом не корми, а дай повластвовать». Попков привёл в пример высказывания Капустина о других членах бюро обкома и горкома, когда тот отказался вместе со всеми ехать в Дом отдыха – «десятку»: «А что мне с ними за одним столом сидеть? Пусть они горбом поработают и доберутся до того, до чего я дошёл»⁶².

Однако и Попкову с его приближёнными также досталось на пленуме за вождизм. «Я очень хорошо вспоминаю, как мне, как первому секретарю районного комитета партии, попадало после демонстраций, – говорил тот же заведомо горкома В.П. Щербачков. – Наш район, – я по-прежнему называю “наш”, потому что я воспитан этим районом, – Калининский район шёл всегда первым от трибуны. И как только демонстрация, так накачка. В чём она выражалась? Вербицкий не раз ругал меня за то, что нет связи демонстрации с трибуной, что товарищ Попков бросает приветственный лозунг, а товарища Попкова демонстрация не приветствует. Я виноват, и товарищ Ремезов продолжал эту линию в том, что мы собирали до демонстрации секретарей партийных организаций района и учили их, чтобы они организовывали приветствие товарищу Попкову»⁶³.

На заседаниях бюро горкома царило соглашательство и поддакивание «вождям»⁶⁴. Не только за критику, но даже за инициативу можно было получить нагоняй. «Ведь между собой у нас были разные разговоры, – приоткрывал горкомовское закулисье заведомо лёгкой промышленности П.Г. Куракин. – Соберутся товарищи и говорят, что зачем активничать? Будешь активничать – возьмут и сомнут. Я даже могу привести пример, как на одном из бюро после моего выступления Никитин – секретарь Смольнинского райкома – приходит ко мне и говорит: “Чего ты лезешь, чего ты активничаешь, возьмут тебя безного и сомнут”. Вот такие настроения у нас были»⁶⁵.

Рассказали участники пленума и о так называемом «зажиме критики и самокритики» в ленинградских властных структурах, иначе говоря – о нарушении установок И.В. Сталина. Выше уже цитировался фрагмент выступления секретаря Ленинградского обкома Г.Г. Воротова о Кузнецове, что все, кто поперечил ему, независимо от занимаемой должности снимались с работы. «...Никто не смел пикнуть, так как Кузнецов сразу обрывал: “помолчи”, “сиди”, “не ваше дело”, “потом скажете”», – рассказывал об обстановке на заседаниях А.Ф. Павлов⁶⁶.

«Кузнецовский стиль» работы активно использовался в Смольном и после его отъезда в Москву. Известна была необычайная грубость Капустина, что тот не терпел возражений, любил без разбора накричать на подчинённых, вплоть до мата, и по делу, и не по делу⁶⁷. Никаких возражений и какой бы то ни было критики своей работы «ленинградские вожди» не терпели, выходившие на трибуну члены пленума подтверждали, что критиковать было небезопасно. В пример приводили недавние события, как на той же областной и городской конференции 1948 года первые секретари райкомов А.М. Гребеньков и И.Н. Платонов в своих выступлениях посмели покритиковать горком ВКП(б) и в ответ услышали грозный окрик П.С. Попкова, когда последний произносил заключительное слово⁶⁸. Секретарь Октябрьского райкома И.Н. Платонов поведал о своём предложении, сделанном в кулуарах объединённой областной и городской конференции, покритиковать обком и горком. В ответ на это первый секретарь Невского райкома Г.М. Нестеров заявил коллеге: «Выступай, если хочешь, с критикой, а у меня пять человек семьи»⁶⁹.

Так что даже без приукрашивания и передёргивания Г.М. Маленкову было что рассказать Сталину о ленинградских порядках – вождизме, «зажиме критики и самокритики» и о том, что процветанию этих порядков во многом способствовал секретарь ЦК партии и недавний руководитель цековской кадровой службы А.А. Кузнецов. Можно предположить, что прозвучавшие в ходе пленума в Ленинграде нелицеприятные оценки А.А. Кузнецова поставили крест на планах направить его на руководящую партийную работу цековского масштаба – секретарём Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). Решениями Политбюро он был вы-

веден из состава членов Оргбюро ЦК ВКП(б) и утверждён слушателем Военно-политической академии имени В.И. Ленина⁷⁰.

А вскоре в Москву стали поступать новые компрометирующие «ленинградцев» материалы. Они появились в результате проверок финансово-хозяйственной деятельности властных структур, в обязательном порядке сопровождавших смену партийного руководителя региона.

В ходе этих проверок вновь подтвердилось, что скромностью ленинградские руководители не отличались. И дело на этот раз было не в возгласах на демонстрациях и не в трёхметровых портретах во весь рост Кузнецова, Попкова и Капустина, украшавших залы Музея обороны Ленинграда⁷¹.

Завтра — выборы в Верховный Совет Союза ССР

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

Трудящиеся Ленинграда и Ленинградской области! Голосуйте за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных!

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Михаил Иванович КАЗИШИН

ВОЛОДЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Андрей Александрович ЖЕДНОВ

КРАСНОВАРСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Алексей Александрович КУЗНЕЦОВ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СЕЛЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Алексей Николаевич КОСЫН

ОКТАЯРСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Леонид Александрович ТОВАРОВ

Товарищ избиратель тов. Казышин Михаил Иванович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Жеднов Андрей Александрович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Кузнецов Алексей Александрович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Косын Алексей Николаевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Товаров Леонид Александрович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

СЕРДЮКОВСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Илья Федорович КАЦЕНСКИЙ

ФУНТИНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Петр Сергеевич ПОПОВ

КОЛОДЦОВСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Иосиф Михайлович ГЛУХОВ

ГАТЧИНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Николай Васильевич СОЛОВЬЕВ

САНЧУЛАНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Петр Николаевич КУЗЬМИН

ВЯЗЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Борис Константинович СЛАДКОВ

ДЛЯЖБИНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Николай Степанович ТИХОНОВ

Товарищ избиратель тов. Казенский Илья Федорович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Попов Петр Сергеевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Глухов Иосиф Михайлович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Соловьев Николай Васильевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Кузьмин Петр Николаевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Сладков Борис Константинович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Тихонов Николай Степанович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СЕЛЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Петр Андреевич ПИЛЮТОВ

МОСКОВСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Александр Алексеевич КОЛОД

ПЕТРОВСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Ольга Николаевна ПОДВОСКОКАЯ

ВЯЗЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Николай Емельянович ТИТОВ

ОДЕРСКОПОЛЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Валентина Михайловна БУДЬИЦЕВА

КИНСКО-ПЕЛЬСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Михаил Иванович ПИМЕНОВ

ПРИОМСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬСКИЙ ОКРУГ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

Николай Васильевич ЧЕЛОВКОВ

Товарищ избиратель тов. Пилутов Петр Андреевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Колод Александр Алексеевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Подвоскокая Ольга Николаевна, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Титов Николай Емельянович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Будычева Валентина Михайловна, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Пименов Михаил Иванович, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Товарищ избиратель тов. Челокhov Николай Васильевич, инженер-электрик, завод «Сигнал» завода «Сигнал».

Газета «Ленинградская правда» от 9 февраля 1946 г. с портретами кандидатов в депутаты Верховного совета СССР от г. Ленинграда и Ленинградской области

П.С. Попков, первый секретарь Ленинградского обкома и Ленинградского горкома ВКП(б)

П.Г. Лазутин, председатель Ленинградского горисполкома

П.Г. Лазутин, Я.Ф. Капустин, П.С. Попков и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов в президиуме
X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединённой конференции ВЛКСМ.
Ленинград. Январь 1949 г.

чтобы обучить ребят, поставить их на ноги, вывести их из благотворной трудовой юты.

Она учила не только детей. Часто в школе или в любительском объединении крестьяне, чтобы послушать своего учительницу. Она учила их читать и писать, пела с ними песни, заучивала беседы.

Питаться лет проработала Антонина Ивановна в Грибовской сельской школе, а потом была отослана на работу в Старую Руссу. Провожать ее в город вышло все село. Каждый говорил ей тогда что-то хорошее и теплое, и каждый крепко ждал ее terug.

И снова школа. Она часто после уроков отправлялась она то в один, то в другой хутор. Антонина Ивановна Маркова приходила сюда для того, чтобы поговорить с детьми, с которыми ее роднит общность интересов, сказать им слово большинства партии—слово правды, надежды и мужества.

Так походил тот незабываемый день, что ее погнали на поиски ни печаль-

Всю войну Антонина Ивановна Маркова провела на фронте. После первой контузии Маркову оставили работать в госпитале, но и тогда она не порвала связи с бойцами, находившимися на переднем крае. В боях поразившихся и частях Антонина Ивановна выступала с лекциями и лекциями, участвовала в концертах красноармейской художественной самодеятельности, исполнявших ее себе, по-материински ухаживала и забавляла раненых, ночами присиживала возле их коек.

Одним из госпиталей были доставлены три тяжело раненых мальчика. Один из них, Савченко, был настолько слаб, что за жизнь его охладели и врачи. Липь скорая и сложная операция, которую невозможно было сделать в полевой обстановке, могла спасти этого человека.

— Нужно срочно отправить его в Москву, — сказал главный хирург, ослепший рыли летчика Савченко. — Да вот самовлет же любить?

Так по обстановке были ослеплены разные полугни Антонина Ивановна Марковой — протест советской женщины, заслуженной учительницы и депутата Верховного Совета РСФСР, для которой нет ничего выше, как служить своему народу, своей большевистской партии.

Сейчас Антонина Ивановна снова вернулась к труду. Она заведует Коммунистическим районным отделом народного образования. И, как прежде, она продолжает школу в детях, часто находит коллег по цеху. Она любит людей и созиданию и творчеству, стремится к тому, чтобы человек видел по только настоящее, но и будущее, и знает шаг вперед.

Труженица Нарвского городского избирательного округа, решая вопрос о выдвижении кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР, назвала имя Марковой.

— Она не опешит в выборе. Антонина Ивановна достойна оказанного ей высокого доверия.

М. ГРИШИН

Кировский избирательный округ Александр Яковлевич Тихонов

Рабочий, служащий и интеллигент Кировской области, член партии, секретаря Кировского района ВКП(б), единственного выдвиженного трудящимися Кировского избирательного округа кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Тов. Тихонов родился в семье крестьянина в 1913 году. Юношей начинает он работать учеником слесаря в железнодорожных мастерских в городе Вольске. Молодой рабочий настойчиво стремится к знаниям и поступает в техникум путей сообщения, а в 1935 году — в Ленинградский политехнический институт.

В институте Александр Яковлевич принимает активное участие в общественной жизни. Его избирают секретарем партийного бюро механического факультета. После окончания института Выборгским райком ВКП(б), по достижению оценки организации способности молодого инженера-коммуниста, рекомендует его секретарем парткома на завод «Русский дизель».

Деятельность тов. Тихонова на заводе протекла в начале Великой отечественной войны, и здесь с особенной силой проявились его инициатива, настойчивость.

Партийная организация направляет силы коллектива на быстрейшую постройку иеюв. Все переключается на военный лад, завод начинает выпускать оружие для фронта. Тов. Тихонова часто можно было видеть в цехах и отделах завода. Он выступает с лекциями, разъясняет политику партии и интеллигентства, принимает к беспощадной борьбе с джорданштрактерами тла — шпионами и трусами.

В ноябре-декабрь 1941 года тов. Тихонова выдвигают на руководящую советскую работу — председателя комитета Выборгского районного Совета депутатов трудящихся. На этой работе Александр Яковлевич показал себя волевым руководителем, преобладающим в то же время чутким товарищем, умеющим прислушиваться к олеоуду трудящихся, опираясь в своей работе на советский актив.

Выборгский районный Совет провозглашает большую заботу о трудящихся. Борьба за тепло, за воду, за свет — это была борьба за жизнь людей и тов. Тихонова проявил всю свою энергию и способности, чтобы максимально облегчить тяжелые в ту зиму бытовые условия населения. Он часто бывал в общежитиях, квартиро-

Тов. Тихонов в кругу коллег по работе.

рабочих и служащих, интересовался работой каждой семьи, детьми учреждений. В 1944 году тов. Тихонов избирается первым секретарем Фрунзенского района ВКП(б). Районный комитет партии омирялся в своей повседневной работе на широкий актив, приступил прежде всего к мобилизации трудящихся на восстановление промышленных предприятий, учреждений и жилищ. Это большую организаторскую работу усел паракрал секетарь района партии тов. Тихонов.

В короткий срок многие предприятия района были восстановлены, расширены и приступили к выпуску продукции для населения и народного хозяйства страны. Завод имени Второй пятилетки еще в 1946 году выпустил вторую в мире машину по изготовлению искусственной кожи. Возобновили свою работу высшие учебные заведения — Технологический институт имени Ленского, Инженерно-экономический институт имени В. М. Молотова, Институт советской торговли им. Янгельса и другие. Восстановлены десятки тысяч метров жилой площади. Трудящиеся Фрунзенского района одними

из первых в городе после войны получили в свои квартиры газ.

В начале 1946 года Александр Яковлевич Тихонов избирается первым секретарем Кировского района ВКП(б). Ленинградский городской комитет партии в этот период выдвигал внимание прежде всего на организационное укрепление партийных организаций, на всемерное усиление партийно-организационной и партийно-политической работы. Кировский райком успешно справляется с этой задачей.

Много внимания райком уделяет промышленности района. Он требует от партийных и хозяйственных руководителей, чтобы они настойчиво заботились о внедрении передовой технологии, более совершенных методов труда.

Промышленность района 8 декабря выполнила план первого года послевоенной пятилетки. Особою закончили годовую программу Кировский завод, завод имени Молотова, «Курский завод пластмасс, фабрика суконных изделий, Ремонтостройка и др. Вают успехи в развитии культуры, спорта и интеллигентской тов. Тихонова.

Наш кандидат в депутаты хорошо знает нужды и запросы трудящихся. Он постоянно заботится о дальнейшем улучшении жизни рабочих и требует этого от партийных и хозяйственных руководителей. Благодаря постоянному контролю со стороны райкома партии в районе за год установлено и введено в эксплуатацию 25.000 квадратных метров жилой площади, заметно улучшился порядок в общественных столовых, магазинах.

Решный сын народа, воспитанник партии Ленина—Сталина, А. Я. Тихонов — достойный кандидат в депутаты Верховного Совета Российской Федерации. Мы искренно избираем Кировского избирательного округа в день выборов в Верховный Совет РСФСР отады свои голоса за Александра Яковлевича Тихонова.

Секретарь Кировского района ВКП(б) Ф. И. КОЗОЙ, председатель исполкома Кировского райсовета Г. А. ИВАНОВ, парторг ЦК ВКП(б) на Кировском заводе Н. М. СИНЕВ, парторг ЦК ВКП(б) на заводе им. Жданова П. И. СЕМЕНОВ, помощник секретаря Кировского района ВКП(б) М. С. СИЗАНКОВ.

Секретарь Выборгского районного ВКП(б) И. Л. БУЛКИН, председатель исполкома Фрунзенского райсовета Ф. П. КУКУШКИН.

различные организационные формы, но мог стать стей и борьба.

Несколько лет пром. ст. Молодой боец по Спасска и в боях по

В бою под Березине отослания тов. Бонзаву уничтожить группу противника. Молодой командир софорировал реву, превув допуст отагдагой узе в нескольких ш сех пулеметчиков, и грузу. Однако он злоей и унег о том, что приказ кровь дхмудга годило сознание. Но: ты же был по оидейм. За этот бой отослания комсомолец был награжден орденом. То был первый медаль, которые у раалейтванта.

В 1923 году товчлен ВКП(б). Груджа на. Партия ставит в задачу настойчиво со боеиспособности. Тов на артиллерийском становитс командиром командиром батареи. реходит на политичеюветас политбюроком боь на ВКВД он у го батальона, успеши дания командования екатских милитарии

ПРЕДВЫБИ

На предсезонные селой человек в ген знаком Сталинского. Он открыл второе о оеиспособности Петриго округа. Это был дои выдвигавший совети стальной член И

и Академии Мелш К. М. Быков.

С трибуны со люди разных волеи Директора Института тов. П. А. Проффе тельный член А наук профессор С. (укачелся молодежь комитета комсомола института тов. В. томолюжев — избери паричева. Их пел оной мыслью — не прудит к урам Сталина в сердцах, чуждою ноже и у рода не раз потрпаса ра имени Ленинского

В всех речях з ренешть, что з

Из р

— Я хочу выраж бойей благозавности которую мне оказали все силы, чтобы вышего доверия. З о моих достоинствах

Статья о кандидате в депутаты Верховного совета РСФСР А. Я. Тихонове в газете «Ленинградская правда» от 15 января 1947 г.

в тот час и в вынужденных
мих, но народ не лопот
кровой бой.

Великие империалистические пере-
говы между СССР и США по
очередь Союзнических Штатов
и Англии, открыто провозгласи-
вать победу над коммунизмом и
новой мировой войны. С помощью
ли рассчитывают изменить ход исто-
рии, предотвратить возникнове-
ния коммунистической системы и завое-
вание господства.

Формальная историческая обоснова-
ние выдвинутой мировой войны,
имеет сила на международном уровне
в образе идеологии и провозгла-
сия в пользу лагеря мира, демокра-
тизма, в ущерб империалистиче-
ской войны.

Демократия, силы сторонников мира
превосходят силы реакции, силы
новой войны, это положение создает
в возможности объединения миллион-
ных масс агитаторов и превращения
А в один империалистический фронт
волею воле же по полноте
решениях по поводу войны, что она
вклад в крайней системе империали-
стического фронта мира неизбежен. Он
не потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах
и за все ставит несоюзнический Союз,
но и потому, что объединяет силы ин-
тересующихся борьбой во всех странах

сторонники мира в Советском Союзе
проблема против задержания в связи с Советиза-
цией Штата Америки и Голландии. За-
дача Норманнского комитета Всемирного конгресса
сторонников мира, упреждающего
в отношении войны, что она не является
натуральной и неизбежной. Выходя-
щие изобретения об изменении не-
обходимо этих антиимпериалистических целей.

Америкой и Голландией делегации
комитета, правительства этих стран
вызвали, что они не являются
своей намерев, стоящих за укрепление мира
и решительно выступивших против
преступных действий империалистической
войны.

Мы убеждены, что действия этих правительств
не отражают мнения миллионов лю-

Голландии, которые вместе со всеми народами
мира задерживаются в предотвращении
войны и поощряют прекращение, импери-
алистическую войну.

Президиум Советского комитета защиты
мира: И. ГИКОЛОВ, академик С. ГАРИ-
ЛОВ, А. ФАДЕЕВ, академик В. СРЕКОВ,
Н. АХМАДОВ, И. ПОПОВА, А. СУРКОВ, К. СИМОНОВ,
С. ТЕРАСИМОВ, Т. БРЮХА

Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР

Ждановский избирательный округ

Андрей Алексеевич КУЗНЕЦОВ

Трудовое Ждановское избирательное
округа является самым многочисленным
в депутаты Совета Союза Верховного Совета
СССР первого созыва советского народа пред-
ставляет Исполнительного комитета Ленинградского
городского Совета депутатов тру-

дольщиков Андрей Алексеевич Кузнецов.
Жизнь т. А. А. Кузнецова — пример са-
мостоятельного служения народу. Андрей
Алексеевич родился в 1903 г. в семье рабоче-
го. В детстве была его любовь к искусству, пре-
жде всего к живописи, которую он осуще-
ствлял самостоятельно.

Работа учеником-аппrentиса, затем
перекладывался он с трудовым коллективом,
знает его силу и прожитая самостоя-
тельная жизнь и стремление к профес-
сии.

Вскоре Андрей Алексеевич становится
кадрилистом завода и сам так
обучает тридцатилетних молодежи.

Все эти годы Андрей Алексеевич страстно
желает учиться, однако осуществление
этого приносит работу на фабрику челя-
бинской Облисполкома социалистическая
революция.

Путь в Ленинград, великая работа
Ленина — Сталина широко открыла перед
работы в крестьянские земли шло, резуль-
татом является учебный кабинет.

В 1921 г. Андрей Алексеевич Кузнецов
поступил на работу, пошивая переселен-
цам шубы советскими меховыми.

На фабрике А. А. Кузнецов получает ве-
личную обобщающую работу по подго-
товке и вскоре его назначили в первый
Ленинградский техникум текстильного ин-
женерства.

В 1930 г. А. А. Кузнецов становится ин-
женером.

В это время молодой инженер, Андрей
Алексеевич Кузнецов работает заместителем
начальника цеха тракторного завода в
Ленинграде.

Немало сил в организации и разра-
ботке производства в освоении советских
машин страны он, работал в 1933—
1935 гг. в качестве начальника технологи-
ческого бюро на и. Ленинга.

За эти годы т. Кузнецов вырос и окреп
как специалист и как хозяйственный руково-
дитель.

Вскоре его назначают заместителем ин-
женера машиностроительного завода, а в
1941 г. он становится во главе крупного
заводского цеха. Вскоре лет
назад возглавлял Андрей Алексеевич
завод, являясь любовью и уважением большо-
го рабочего коллектива. В годы Великой
Отечественной войны завод оказался на
линии фронта, однако не на один час не пре-
кратилась работа цеха. Исполняя
историческую задачу Советской Армии,
завод вел работу великого завода народом
Сталина, работе предприятия придала
титул героя, полки отступают, фронт об-
рубают на завоевать коритса тыны бой-
ца в сражении, по нему то много славных
американской войн советских людей.

После исторической победы советского
народа на фронте, возвращаясь по трудово-
му контракту в Ленинград, великого
вожжа и учителя товарища Сталина, коллек-
тив завода приступил к вышнему индуст-
риализму. Много сил приложил в эти годы
тов. А. А. Кузнецов, чтобы вернуть завод
прежнюю славу поставил технического про-
цесса, творца новых машин, техниче-
ской промышленности.

В эти дни коллектив завода, возглавляе-
мый партийной организацией, добился
существенных производственных успехов.

Советское правительство высоко оценило
заслуги Андрея Алексеевича Кузнецова, на-
градив его орденом Ленина, орденом Отече-
ственной войны II степени, орденом Красной
Звезды, медалью «За оборону Ленинграда»
и «За доблестный труд в Великой Отече-
ственной войне 1941—1945 гг.»

В 1949 году трудящиеся Ленинграда избрали
тов. А. А. Кузнецова членом бюро.
Он был избран заместителем председателя,
а своего иже — председателем Исполни-
тельного комитета Ленинградского городско-
го Совета депутатов трудящихся. С таким
ответственным отношением отнесся тов. А. А.
Кузнецов к своему избранию. На своем
ответственном посту он все свои силы,
все внимание, знания и опыт отдал вы-
полнению почетной работы, поставленной
партией, правительством и лично товарищем
Н. С. Сталиным перед Ленинградом, —
создать город Ленинга в период техниче-
ского прогресса, город передовой культуры.

В качестве председателя Исполнительного
комитета Ленинградского городского Совета
тов. А. А. Кузнецов главным образом решал
вопросы благоустройства города, улуч-
шения жилищно-бытовых условий тру-
дящихся. В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

В результате самостоятельного
труда ленинградских строителей и само-
стоятельного творчества тысяч тру-
дящихся жилищные перемены. В част-
ности, это относится к спешной работе
по созданию нового жилого района,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом,
называемого жилищно-бытовой районом.

Ленинградцы являются свидетелем
важного участия
за последние время
работы городского
транспорт. Это важ-
нейшая отрасль го-
родского хозяйства, имеющая
полностью отвечаю-
щая на самую широ-
кую потребность в
развитии постави-
тельного руководства во
главе товарища
Ленинградского горо-
дского Совета.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

Важнейшим направлением
своей работы на деятельности
комитета городского
и районных Советов,
на широкой акции об-
щественного характера,
членов постави-
тельного комитета,
присутствие
Исполнительного
комитета и председа-
тели. Важнейшим на-
правлением является
каждого советско-
го работника он
неизменно в изуче-
нии трудящихся, об-
щественности тру-
дящихся в жилищно-
бытовом развитии
основного завода го-
родского хозяйства.

ЛЕНИНГ.: секретариат — 5-30-04, м.м. ответственного секретаря—35-83, городская информация — 59-98, отдел партийной работы—02-05, 60-10, общ. дела—18-14, 1-4023, 5-28-91, советский отдел — 42-80, 59-25, отдел культуры и искусства — 1-59-06, 4-04-07, отдел писем — 5-23-50, 4-62-30, выходящий редакция — 1-12-14, 1-12-72, 5-25-50, отдел обслуживания — 4-17-29.

Хронограф между Валдайского

Общественный редактор М. И. СИВЦОВ

№ 360 № 404

Статья о кандидате в депутаты Верховного совета СССР А.А. Кузнецове
в газете «Ленинградская правда» от 10 марта 1950 г.

И.В. Сталин и М.Ф. Шкирятов на трибуне Мавзолея во время парада на Красной площади. Москва. 1945–1948 гг.

К.Е. Ворошилов, М.Ф. Шкирятов, И.В. Сталин и другие в Большом театре в президиуме торжественно-траурного заседания, посвящённого 25-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина. Москва. 21 января 1949 г.

А.Н. Косыгин, А.А. Кузнецов, М.А. Суслов и М.Ф. Шкирятов на трибуне Мавзолея во время празднования 31-й годовщины Октябрьской социалистической революции. Москва. 7 ноября 1948 г.

Н.С. Патолитчев, А.А. Кузнецов и А.Н. Косыгин в первом ряду президиума торжественного заседания, посвящённого 29-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Москва. 6 ноября 1946 г.

М.И. Родионов, А.А. Жданов и председатель президиума Верховного совета СССР Н.М. Шверник в группе депутатов Верховного совета РСФСР.
Москва. Июнь 1946 г.

Г.М. Маленков, второй
секретарь ЦК ВКП(б),
член Политбюро
ЦК ВКП(б)

А.Г. Зверев, министр
финансов СССР

СССР

МИНИСТР ФИНАНСОВ

20/IX 1949 г.

№ 8-228/3

Москва, ул. Кузнецкая, д. 9.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

55562 88
2. Секретно
МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ЧУЖИХ ДЕЛ

О грубых нарушениях финансовой дисциплины бывшими руководящими работниками Ленинградского горисполкома депутатов трудящихся

*1) Отправить в ЦК ВКП(б) секретарю Маленкову
2) Внести в протокол Президиума ЦК ВКП(б) от 21/IX*

Произведенной работниками Контрольно-Ревизионного Управления Министерства финансов СССР по гор. Ленинграду ревизией финансово-хозяйственной деятельности этого отдела Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств бывшим руководством горисполкома и использования ими своего служебного положения в личных целях.

Нарушение постановлений ЦК СССР от 2 января 1945 года, с санкции бывших председателей горисполкома Попкова и Лазутина, неоднократно устраивались банкеты для бывшего руководства горисполкома с их семьями и для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива.

Всего с 1946 по 1949 годы израсходовано было на банкеты 296.316 рублей, из них 104.610 рублей на спиртные напитки. В частности, в мае 1946 года был проведен банкет, на который было израсходовано 22.983 руб.; банкет, приуроченный к дню 1 мая 1947 года, обошелся в 43.240 рублей; банкет 7 ноября 1947 года - 59.820 рублей; встреча нового 1948 года - 9.264 рубля; банкет по случаю празднования в январе 1949 года 5-й годовщины снятия блокады Ленинграда - 58.000 рублей.

*Копия на имя
и. Зверева
Сухомин
21/IX*
228
1690

Записка министра финансов СССР А.Г. Зверева на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова о грубых нарушениях финансовой дисциплины бывшими руководящими работниками Ленинградского горисполкома. 20 сентября 1949 г. (РГАСПИ)

В.М. Андрианов, первый секретарь
Свердловского обкома
и Свердловского горкома
ВКП(б)

А.В. Носенков, начальник
экономического отдела УНКВД
по Свердловской области

Ф.Р. Козлов, второй секретарь
Ижевского горкома ВКП(б)

В.М. Андрианов, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б)

Ф.Р. Козлов, первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б)

Глава III

Привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы

Использование служебного положения в личных целях стало одним из обвинений, предъявленных главным фигурантам «ленинградского дела». В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР было указано на коррупционные действия «вражеской группы»: «Кузнецов, Попков, Капустин, Лазутин, Турко, Закржевская и Михеев расхищали крупные государственные средства и пользовались ими для личного обогащения»¹.

Насколько перечисленные обвинения были справедливы, в достаточной ли мере они были подтверждены конкретными фактами, каковы были формы и масштабы коррупционных действий? В очередной раз приходится констатировать, что доступная историкам источниковая база не позволяет дать исчерпывающий и научно обоснованный ответ на эти вопросы. В настоящее время имеются лишь отдельные документы, на основе которых можно сделать некоторые предварительные выводы.

«Установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств»: Минфин против Ленсовета

20 сентября 1949 года министр финансов СССР Арсений Григорьевич Зверев подписал составленную на имя Г.М. Маленкова служебную записку «О грубых нарушениях финансовой дисциплины быв. руководящими работниками исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». На следующий

день записка лежала на столе Маленкова, который распорядился ознакомить с ней секретарей ЦК, а также заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова. Копия записки по указанию Маленкова была направлена министру государственной безопасности СССР В.С. Абакумову².

Подобных документов, имеющих отношение к «ленинградскому делу», в научном обороте пока не так много. Основные положения этой записки ранее были опубликованы³, тем не менее, несомненный интерес представляют конкретные примеры и детали «незаконного расходования государственных средств». Особый колорит сухие цифры финансовых растрат приобретают на фоне свидетельств о тяжёлой послевоенной повседневности, когда в отдельных районах Ленинградской области фиксировалось по несколько сотен страдающих от дистрофии жителей, для многих десятков из которых истощение закончилось смертью. Вновь, как и в блокадное время, появились случаи убийства людей с целью употребления трупов в пищу⁴. Поэтому считаем возможным привести текст этой записки полностью, без купюр:

«Произведённой работниками контрольно-ревизионного управления Министерства финансов СССР по гор. Ленинграду ревизией финансово-хозяйственной деятельности общего отдела исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств бывшим руководством горисполкома и использования ими своего служебного положения в личных целях.

В нарушение постановления СНК СССР от 2 января 1945 года⁵, с санкции бывших председателей горисполкома Попкова и Лазутина периодически устраивались банкеты для бывшего руководства горисполкома с их семьями и для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива.

Всего с 1946 по 1949 годы израсходовано было на банкеты 296 316 рублей, из них 104 610 рублей на спиртные напитки. В частности, в мае 1946 года был проведён банкет, на который было израсходовано 22 983 руб.; банкет, приуроченный к дню 1 мая 1947 года, обошёлся в 43 240 рублей; банкет 7 ноября 1947 года – 59 820 рублей; встреча нового 1948 года – 9264 руб-

ля; банкет по случаю празднования в январе 1949 года 5-й годовщины снятия блокады Ленинграда – 58 000 рублей.

На бесплатное угощение в 1946–1948 гг. членов президиума в дни торжественных заседаний и сессий, а также руководящих работников в праздничные дни на трибунах, стадионах и в других местах израсходовано 137 892 рубля, в том числе 24 956 рублей на напитки.

Кроме бесплатного снабжения продуктами через сектор спецназначения Ленинградского областного управления Министерства госбезопасности СССР и получаемой дотации на питание через столовую, руководство горисполкома тт. Попков, Лазутин, их заместители и быв. секретарь горисполкома т. Бубнов незаконно, сверх установленных лимитов и ассигнований на социально-бытовые нужды, бесплатно получали питание и продукты из буфета и других мест, всего за 1946–1947 годы на сумму 302 382 рублей, в том числе на 104 556 рублей продукты при поездках тт. Попкова, Лазутина, членов их семей и сопровождающих лиц. Отпуск продуктов на квартиру т. Лазутину, на банкеты для бывшего руководства горисполкома и их семей и на поездки в Москву в бухгалтерском учёте отнесены на расходы по приёму делегаций и на прочие затраты.

За счёт государственных средств оплачивались также квартиры, дачи, домашние телефоны, папиросы и т. д. В частности, содержание квартир, занимаемых т. Лазутиным (особняк под шифром К-1 и квартира на ул. Карповка, 13) обошлось за 1946–1949 годы в 115 091 руб., из которых на содержание домашней прислуги израсходовано 17 549 рублей и на фураж для коровы 9180 рублей.

За счёт средств горисполкома оплачено было в 1946 году содержание квартир тт. Попкова и Кузнецова – 6197 рублей и 8 дач руководящих работников – 12 804 руб. Всего произведено незаконных расходов на руководящий состав горисполкома в количестве 7 человек (т. Лазутин, его заместители и быв. секретарь исполкома) 664 842 руб., не считая затрат на банкеты и угощения и за счёт фонда соцбыта Ленгорисполкома.

Из ассигнований по “прочим (особым) расходам” Ленгорисполкома израсходовано было 443 681 руб. на содержание

особняка под шифром К-2, предназначавшегося для официальных приёмов делегаций, а используемого главным образом как место отдыха в воскресные и праздничные дни для руководства Ленгорисполкома и их семей.

С июня 1946 года по июнь 1949 года при Ленгорисполком существовало незаконно организованное охотничье хозяйство, в дальнейшем переименованное в рыболовецкое хозяйство для обслуживания личных интересов небольшого круга руководящих работников. Финансирование этой охотничьей базы производилось за счёт фонда соцбыта, “особых расходов”, местного бюджета, сметы управления домами горисполкома и других с грубым нарушением финансовой дисциплины. Так, в 1947 году из средств соцбыта Ленгорисполкома было уплачено лечсануправлению горздравотдела 41 281 руб. якобы за путёвки. Фактически эти деньги были израсходованы здравницей “Репино” на продукты и спиртные напитки для приезжавших на охотничью базу. За счёт ассигнований расходовались средства на покупку боеприпасов, охотничьих собак, подсадных уток и т. д. Никакого систематического учёта по улову рыбы, удою молока, сбору картофеля и овощей на базе не велось, что создавало условия для преступных действий лиц, имевших отношение к базе. Продукция полностью не приходовалась. Прямой ущерб государства от этой базы составляет более 245 тысяч рублей.

За счёт ассигнований “на прочие (особые) расходы” делались дорогостоящие подарки руководящим работникам: т. Попкову золотые часы стоимостью в 5350 рублей, быв. секретарю обкома и горкома ВКП(б) т. Кузнецову подарена была художественная ваза с его личным портретом стоимостью в 5400 рублей, врученная ему т. Попковым, для него же приобретены были за 3000 рублей две книги “Царская охота”, быв. секретарю горисполкома т. Бубнову и трём другим ответственным работникам горисполкома выданы были костюмы на сумму 4738 рублей, было закуплено и роздано руководящим работникам патефонных пластинок на 8254 руб., на новогодние пакеты с продуктами для работников исполкома израсходовано было 5000 рублей.

Часть инвентаря из Мариинского дворца на сумму 172 700 рублей была передана в личное пользование отдель-

ных работников, проживающих в домах Ленсовета, главным образом, на обмоблировывание особняка К-1 (квартиры т. Лазутина).

Поступившие в горисполком трофейные пианино и радиоприёмники разбазаривались среди работников исполкома. Так, в личное пользование т. Лазутина было передано два трофейных пианино стоимостью в 8000 рублей; начальник трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома т. Сорока был премирован трофейным пианино; было продано работникам горисполкома по низким ценам 6 трофейных радиоприёмников и стенные часы.

Из средств, предназначенных на оказание единовременной помощи нуждающимся гражданам, было незаконно израсходовано 10 765 рублей на выдачу пособий штатным работникам исполкома и его отделов. Из ассигнований по соцбыту незаконно израсходовано было 40 558 рублей на выдачу пособий сверх месячного оклада содержания.

На содержание особой парикмахерской для руководящих работников Ленгорисполкома затрачено было в 1946–1947 году 9312 руб. за счёт ассигнований на “прочие расходы”.

С целью искусственного сокращения остатка бюджетных средств на 1 января 1948 года, 31 декабря 1947 года закуплено было на 19 400 рублей письменных приборов и перечислено 85 000 рублей лечсануправлению Ленгорздравотдела в счёт оплаты путёвок на 1948 год.

В 1946–1949 гг. незаконно оплачено было командировочных, не подтверждённых оправдательными документами, 38 633 руб., в том числе по авансовым отчётам т. Лазутина 23 675 рублей.

В нарушение инструкции о проведении денежной реформы выписанные, но неполученные до 15 декабря 1947 года рядом руководящих работников Ленгорисполкома и его отделов денежные пособия были выданы позже полностью рубль за рубль, вместо одной десятой части. В результате была допущена переплата 17 630 рублей.

Сообщая об изложенном, Министерство финансов СССР направляет на Ваше рассмотрение проект постановления Совета министров СССР по данному вопросу»⁶.

К записке А.Г. Зверева был приложен трёхстраничный проект постановления Совета министров СССР «О грубых нарушениях финансовой дисциплины и расхищении государственных средств бывшими руководящими работниками исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». Констатирующая часть проекта постановления представляла собой сокращённый вариант той же записки, из которой была удалена детализация некоторых незаконных расходов. Постановляющая часть состояла из двух пунктов. В первом – Совет министров СССР поручал генеральному прокурору СССР Г.Н. Сафонову «...привлечь к уголовной ответственности лиц, допустивших расхищение государственных средств в исполкоме Ленинградского городского совета депутатов трудящихся». Второй пункт обязывал нового председателя Ленинградского горисполкома А.А. Кузнецова (бывший директор Ижорского завода) «...навести порядок в финансовом хозяйстве горисполкома, установив строжайшую финансовую дисциплину и привлекая к уголовной ответственности лиц, допускающих незаконное расходование государственных средств». Г.М. Маленков, тем не менее, рассудил иначе. В начале октября по его предложению Секретариат ЦК принял постановление о передаче записки А.Г. Зверева на рассмотрение в цеховскую комиссию партконтроля и в Министерство госконтроля СССР⁷. Действия Маленкова вполне оправданны: материалы проверки Минфина пошли в те инстанции, которые уже на тот момент были задействованы в расследовании по «делу», которые имели необходимый потенциал и опыт в рассмотрении подобных финансово-хозяйственных злоупотреблений, а также имели полномочия осуществлять проверку партийных структур.

«Это вы барином большим стали. Вы – большущий барин!» Картины из жизни ленинградской партноменклатуры

Начиная с 1949 года на партийных конференциях и пленумах, проходивших в Ленинграде, оглашались факты «антипартийных» действий бывшего городского и областного началь-

ства, часть которых можно квалифицировать как использование служебного положения в личных целях. Некоторые сведения о коррупции во властных структурах были обнародованы на IX Ленинградской городской партконференции, состоявшейся в мае – июне 1950 года. Первый секретарь горкома Ф.Р. Козлов, выступивший с основным докладом, сообщил о растратах миллионов партийных и государственных средств на личные катера для прогулок, на содержание охотничьих хозяйств и на банкеты. «Только за 1947 год из партийного бюджета, не считая поборов с предприятий, на банкеты было растрчено более двух миллионов рублей, – говорил докладчик. – Из партийной кассы на содержание семьи Попкова противозаконно затрачивалось более 2000 рублей в сутки»⁸.

Как следовало из доклада, к каждому празднику с предприятий лёгкой и пищевой промышленности бывшие секретари горкома под видом получения образцов вымогали большое количество выпускаемой продукции. Эти «образцы» Капустин лично распределял среди ответственных работников горкома. Банкеты устраивали в Смольном, на дачах Попкова и председателя горисполкома Лазутина, в зданиях райкомов партии, в ресторанах. Поводом служили как государственные праздники, так и назначение на вышестоящие должности. Так, перевод первого секретаря Куйбышевского райкома г. Ленинграда Т.В. Закржевской на работу в аппарат ЦК ВКП(б) вначале отмечали в ресторане «Москва» (как уточнил секретарь партколлегии А.Я. Новиков, ресторан специально закрыли для посетителей, виновнице торжества, несмотря на февраль месяц, преподнесли корзину роз⁹), затем устроили застолье на квартире Закржевской.

В райкомах копировали поведение городского начальства, для организации празднеств тоже практиковали поборы с предприятий. В качестве примера Ф.Р. Козлов привёл Выборгский райком ВКП(б), ранее возглавлявшийся Г.Т. Кедровым. Директор Ленинградской кондитерской фабрики имени Микояна Л.Е. Мазур однажды привёз столько «образцов продукции», что еле втащил на второй этаж райкома. «Когда потный и запыхавшийся Мазур явился в приёмную Кедрова и его спросили: “Что это?”, Мазур, ухмыляясь и показывая в сторону кабинета Кедро-

ва, сказал: “Это – дегустация!”». Перевод Кедрова в горком в 1946 году райкомовские работники праздновали два дня. Начали в разгар рабочего дня в самом райкоме, закрыв его для посторонних. Вечером застолье переместилось на квартиру заведующей особым сектором райкома, а на следующий день продолжили уже на квартире самого Кедрова. Виновнику торжества преподнесли большую картину, которая висела в райкоме и была приобретена на партийные деньги. В другом райкоме, Свердловском, его первый секретарь Краснов для застолий приспособил райкомовский парткабинет (библиотеку). Проблему с нехваткой места решили просто: пособия по истории и теории большевизма перенесли в подвал. В конечном итоге пагубное пристрастие Краснова довело его до того, что за водку в Тресте столовых он заложил некоторые вещи райкома¹⁰.

«Насаждалась распушенность, пьянство, парадность и шума, самовосхваление, глушилась большевистская критика и самокритика, на руководящие посты протаскивались чуждые партии сомнительные люди, замаскированные враги партии – троцкисты и зиновьевцы, которые продолжали вести враждебную работу против партии и ЦК ВКП(б), – громил с трибуны Козлов. – Антипартийная группа культивировала в руководящих организациях семейственность, круговую поруку, широко применяла и поощряла подачки, подкупы и другие способы разложения актива»¹¹.

В подтверждение слов о «разложении актива» Ф.Р. Козлов привёл, в частности, следующий пример: «Участники антипартийной группы и их приспешники расхитили ценности в Ленинградском ломбарде, а документы сожгли»¹². Козлов имел в виду установленные в ходе ревизии факты приобретения прежним руководством в ломбарде и ювелирторге ценностей, невостребованных умершими ленинградцами. Ценные вещи были выкуплены за государственный счёт и в последующем использованы для премирования партийных и исполкомовских чиновников¹³.

О «деле Ленинградского ломбарда» достаточно подробно говорилось на состоявшемся в октябре 1949 года пленуме обкома и горкома. Поначалу об этом вскользь, среди других коррупци-

онных преступлений «антипартийной группы», упомянул в своём докладе В.М. Андрианов: «Они на миллионы разворовывали ценности трудящихся Ленинграда, находившихся в ломбарде, которые были сданы ленинградцами в период блокады». И добавил: «Составами завозили ценности из Германии и распределяли между собой»¹⁴.

В ходе прений на «деле» подробно остановился председатель Ленинградского горисполкома, преемник П.Г. Лазутина – Андрей Алексеевич Кузнецов (бывший директор Ижорского завода): «С целью личного обогащения бывшее руководство Ленгорисполкома – Бубнов и другие – встали на путь обворовывания граждан города, направляя на работу в Ленинградский ломбард всякого рода жуликов и проходимцев, которые в прошлом привлекались к уголовной ответственности. На работу в ломбард привлекались такие люди, как Никитина, Сараев, Бочков, которые укомплектовали себе специальный аппарат из числа своих родственников и людей, не внушающих доверия, в результате этого на протяжении многих лет безнаказанно расхищалось имущество трудящихся города. Так, за 1944–1948 годы нанесён ущерб более 3,5 миллиона рублей, из них наибольшая часть – в виде подарков бывшему руководству Ленгорисполкома. По далеко не полным данным, эта сумма составляет свыше 500 тысяч рублей. “Чёрным делам” ломбарда способствовала и неудовлетворительная работа бывшего руководства Ленгорфо, Гужкова, который с 1943 [по] 1947 год не проводил инвентаризацию материальных ценностей ломбарда. Так, бывшим работником Ленгорисполкома Бубновым и Решкиным были вручены Попкову золотые часы стоимостью 5350 рублей, в то же самое время и в тот же самый день Попковым были вручены бывшему командующему Балтфлота Трибуцу золотые часы стоимостью 6000 рублей и золотая цепь стоимостью 6800 рублей. Такие же подарки были сделаны Сороке – золотые часы стоимостью 3000 рублей, Решкину в честь дня рождения вручены золотые часы с браслетом стоимостью около 3000 рублей и так далее¹⁵. Следует сказать, что к этому “благовидному делу” приобщились и некоторые секретари райкомов партии и председатели исполкомов районных советов»¹⁶.

По поводу золотых часов из ломбарда ещё до выступления А.А. Кузнецова состоялся интересный диалог между начальником трамвайно-троллейбусного управления Ленгорсовета М.Х. Сорокой и первым секретарём обкома и горкома В.М. Андриановым. Последний спросил у стоявшего на трибуне М.Х. Сороки, награждало ли его бывшее ленинградское руководство золотыми часами. Тот был вынужден признать, что награждали, добавив, что он честно трудился:

– В.М. Андрианов: «А когда это было?»

– М.Х. Сорока: «Это было в 1942 году».

– В.М. Андрианов: «Зачем же было в 1942 году золотые часы дарить? Вы представляете, какой это был год?»

– М.Х. Сорока: «В августе 1942 года наградили золотыми часами многих за восстановление жилищного хозяйства: секретарей райкомов, председателей райисполкомов. Как только было выполнение задания, так и награждали».

– В.М. Андрианов: «Но вы знали, что всё это брали из ломбарда?»

– М.Х. Сорока: «Нет, я не знал. В этом деле я не участвую. Мы вообще были устранены от этого дела. Никогда в жизни ни в охоте, ни в делах ломбардных я не участвовал. Я не знал, откуда они брали золотые часы»¹⁷.

Андрианов пытался выяснить подробности того, как в горисполкоме были списаны ценности на 3,5 миллиона рублей. Но Сорока, хоть и был членом горисполкома, причастность к этому отрицал, ссылаясь, что списание производилось городским финотделом: «Я при этом не присутствовал, когда списывали имущество. Они списывали самовольно, а потом лишь оформляли решением, прикрываясь исполкомом»¹⁸.

На других коррупционных эпизодах в деятельности бывшего ленинградского руководства Ф.Р. Козлов на городской партконференции 1950 года не останавливался. О них на этой конференции рассказывали остальные делегаты, некоторые детали озвучивались на пленарных заседаниях горкома и обкома. Достаточно много обличающих фактов обнаружил секретарь партколлегии при обкоме и горкоме ВКП(б) А.Я. Новиков – опытный партийный следователь, бывший ответственный контролёр Ко-

миссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) – ведь разбираательства по коррупционным делам как раз входили в его прямые обязанности.

Большое значение бывшие ленинградские руководители придавали своему отдыху и на его организацию государственных средств не жалели. Возводили и обустраивали дачи, отдыхали и в так называемой «десятке» – однодневном Доме отдыха обкома и горкома, располагавшемся на Каменном острове, в доме № 10 (отсюда название). Ещё одну дачу «для отдельных руководителей города» при санатории организовал заведующий Ленинградским городским здравотделом Ф.И. Машанский. Дача содержалась за счёт горздравотдела, и для высокопоставленных отдыхающих – не самой нуждающейся категории населения – там было предусмотрено бесплатное питание¹⁹.

Пётр Сергеевич Попков слыл заядлым охотником. Чтобы быстро и комфортно добираться до охотничьего хозяйства, Пётр Сергеевич и его приближённые пользовались специальной железнодорожной дрезиной. Учитывая, что на переоборудование специального железнодорожного вагона для П.С. Попкова было затрачено более 200 тысяч рублей, следует полагать, что и эта дрезина также была крытой и достаточно удобной для облечённых властью пассажиров. Тем более если принимать во внимание, что когда первый секретарь обкома и горкома направлялся на охоту, этой дрезине на железнодорожной магистрали придавался статус «литерного», «правительственного» подвижного состава. При движении по магистрали «литерная дрезина» обладала приоритетом, другие поезда подстраивались под график её движения, иначе говоря, останавливались. Начальники станций, чтобы гарантировать безаварийное прохождение «правительственного поезда» по вверенным им участкам магистрали, лично исполняли роль стрелочников. Не только доставка больших чинов, но и содержание охотничьего хозяйства также требовало немалых затрат, и, разумеется, исключительно партийных средств на это не хватало. Использовались даже деньги из системы здравоохранения. Известно, что услужливый заведующий горздравом Машанский перевёл для этих целей 50 тысяч рублей и снабжал охотников спиртом²⁰.

Положенным отпуском П.С. Попков не пренебрегал, и ежегодно «с помпой» отправлялся на отдых. Об этом говорил Я.Ф. Капустин, оскорблённый на февральском 1949 года пленуме обкома и горкома предъявленными ему Попковым обвинениями в пьянстве и чрезмерном властолюбии. В ответ Капустин с трибуны пленума заявил в лицо Попкову: «Это вы барин-большим стали. Вы – большущий барин!»²¹.

Перед отъездом на работу в Москву, уже будучи назначенным секретарём ЦК, А.А. Кузнецов рекомендовал работникам горкома и горисполкома строить себе дачи. Многие с охотой прислушались к мнению недавнего «хозяина области» и принялись за строительство, разумеется, залезая при этом в «государственный карман». Дачи для исполкомовского начальства возводились, в частности, силами и средствами управления строительства Ленинградского горисполкома, занимавшегося строительством жилых домов и школ. Строительством собственных дач озаботились П.Г. Лазутин, его заместитель В.М. Решкин и секретарь горисполкома А.А. Бубнов. Тогда же Кузнецов решил наделить первых секретарей райкомов Ленинграда персональными автомашинами. «Нуждались ли в этом первые секретари? – задавался вопросом завотделом горкома партии А.Ф. Павлов на февральском пленуме обкома и горкома 1949 года, сам бывший первый секретарь Смольнинского райкома и впоследствии репрессированный по «ленинградскому делу». – У каждого первого секретаря районного комитета ленинградской партийной организации имеется не по одной, а по две автомашины. Зачем потребовалось ещё давать по персональной машине?»²² Секретари райкомов обзавелись персональными дачами, обнося их трёх-четырёхметровыми заборами: «...скрывали то, что делают, от глаз народа»²³.

Большие масштабы в Ленинграде приобрело использование партийным начальством материальных ресурсов и денежных средств государственных организаций и промышленных предприятий в личных целях. Подобная практика получила широкое распространение в СССР в середине 1940-х годов и вызвала немалую обеспокоенность у высшего руководства страны. Свидетельство тому – специальное постановление Политбю-

ро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 года, где среди прочего говорилось: «Осудить практику премирования хозяйственными руководителями руководящих партийных и советских работников как неправильную и вредную. Разъяснить, что такая практика премирования, получения подачек, наград приводит к неправильным взаимоотношениям между партийными и хозяйственными органами, по существу носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей, приводит к отношениям семейственности и связывает парторганизации в критике недостатков в работе хозяйственных организаций, в силу чего руководящие партийные работники теряют своё лицо и становятся игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства». В констатирующей части постановления в качестве одного из примеров незаконного премирования был приведён тот факт, что министр лесной промышленности СССР М.И. Салтыков награждал золотыми часами первого секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А.П. Чекинова и председателя Совета министров Удмуртской АССР А.В. Тронина (все трое получили от Политбюро по выговору). Политбюро запретило партийным и советским работникам получать премии или награждения от министерств и хозяйственных организаций, постановление было разослано всем министрам, в союзные хозяйственные организации, обкомы, крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик. Следом была опубликована передовая статья в газете «Правда», где были даны недвусмысленные разъяснения по этим вопросам²⁴.

В выступлении на Ленинградской городской партконференции 1950 года секретарь партколлегии А.Я. Новиков приводил в качестве примера такой практики бывшего секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Пантелеймона Ивановича Левина: «За преступные дела Левина в 1943 году сняли с поста секретаря Дзержинского райкома партии, но вскоре назначили секретарём Свердловского райкома партии, где он без зазрения совести занимался расхищением государственных средств. Только на отделку квартиры для своей матери он израсходовал более 30 тысяч рублей государственных средств. Левин брал с предприятий всё, что попадалось под руку: автомашину и пылесос, радиопри-

ёмник и бензин, обувь и отрезы на костюмы. За счёт предприятия ему специально изготовили лодку». Другой партийный начальник, первый секретарь Василеостровского райкома партии Нестеров вместе с третьим секретарём этого райкома Журавлёвым за счёт поборов с подведомственных предприятий устраивал попойки. Для кутежей и сексуальных утех они использовали отдельную квартиру, куда приглашали сотрудниц райкома. Порой пьянки затягивались на длительное время, и чтобы скрыть прогул их участниц, тем выдавали фальшивые больничные листки²⁵. Ещё об одном случае, только уже в Кировском районе, когда партийные начальники не удержались от соблазна воспользоваться материальными благами с завода, на пленуме в феврале 1949 года рассказал П.С. Попков. По результатам разбирательств кто-то лишился занимаемой должности, а первый секретарь Кировского райкома А.Я. Тихонов, впоследствии прославившийся фальсификацией итогов тайного голосования на ленинградской партконференции, и директор Ленинградского Кировского завода А.Л. Кизима отделались выговорами²⁶.

Семья П.С. Попкова без подарков от хозяйственников тоже не осталась. Главный инженер ленинградской меховой фабрики «Рот-Фронт» Гальперин преподнёс жене «хозяйина Смольного» манто²⁷.

Разумеется, руководители предприятий и организаций, оказывавших услуги партийному начальству, внакладе не оставались. Они чувствовали себя полноправными хозяевами в своих владениях, всю пользовались государственными ресурсами в личных целях, устраивали свои порядки и расправлялись с неудобными. Они могли не опасаться, что жалобы на них пойдут в вышестоящие партийные инстанции, ведь там, в этих инстанциях, сидели «свои люди». К примеру, тот же директор кондитерской фабрики Мазур всех недовольных, не желавших исполнять его прихоти, убирал с фабрики либо в наказание направлял на тяжёлые работы – лесозаготовки, торфоразработки и другие²⁸.

Директор треста столовых Шилов подбирал на работу проворовавшихся работников и с их помощью за государственный счёт обогащался. Когда из правоохранительных органов в Ленинский райком поступили материалы о тысячных растратах и

необходимости привлечения Шилова к уголовной ответственности, то второй секретарь райкома Чистяков наложил на них резолюцию: «Суду не предавать, разобрать в партийном порядке». Что не было удивительным, ведь Шилов на «собственные» средства организовывал начальственные банкеты²⁹.

Директор швейной фабрики «Комсомолка» Алексеева в 1947 году, используя своё служебное положение, получила с гардинно-тюлевой фабрики 53 метра тюля для собственных нужд. После поступления в Петроградский райком соответствующей информации из городского суда в райкоме решили ограничиться разговором с директором фабрики. Почувствовав безнаказанность, Алексеева превратила выстроенный в фабричном подсобном хозяйстве дом в собственную дачу³⁰.

А вот директору мебельной фабрики «Интурист» не было нужды кому-либо угождать, и вряд ли кто осмелился бы лезть в фабричные дела с проверками. Ведь он был братом самого Петра Сергеевича Попкова. Про братьев говорили, что в Ленинграде – два Попкова, и оба у власти³¹. Родство с самим «хозяином Смольного» придавало брату уверенности. «Что они делали? – рассказывал о фабричном руководстве первый секретарь Ленинского райкома Л.С. Ананьев на пленуме обкома и горкома в октябре 1949 года. – Брали заказ с фабрики имени Воскова, оформляли в виде договора, но пускали как частный подряд, и тем самым из государственного предприятия превращали фабрику в частную лавочку»³².

Лишь в ходе «ленинградского дела» указанные хозяйственники лишились должностей, и на них были заведены уголовные дела.

Анализ архивных материалов, по крайней мере, имеющихся в нашем распоряжении, позволяет высказать мнение, что на партийных конференциях и пленумах в Ленинграде говорилось далеко не всё, что касалось «антипартийного поведения» бывшего ленинградского начальства. Часто звучали лишь общие фразы об «антипартийных действиях», «враждебной деятельности», «расхищении социалистической собственности», «недостойном поведении», а о том, что конкретно за ними скрывалось, в чём заключались эти действия, оставалось лишь догадываться. Можно

также отметить, что в ходе критики блокадный период стремились обходить стороной. Лишь тот же Новиков посмел нарушить это «табу» и рассказал делегатам конференции о поведении в те годы некоторых начальников: в частности, поведал о пьянстве и разврате руководителей завода имени Жданова – парторга ЦК Семёнова и директора этого завода Боголюбова – и о том, как они, будучи «под градусом», в помещении парткома стреляли по портретам «руководителей партии и правительства»; о первом и втором секретарях Кировского райкома Ефремове и Кирееве, организовавших в Доме культуры так называемый «штаб», где вместе с подчинёнными сотрудницами райкома устраивали пьяные оргии³³.

Значительно больше подобной информации, достаточно детализированной, содержат документы Секретариата ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и органов Министерства госбезопасности СССР. По всей вероятности, это было связано с тем, что обнародование сведений о некоторых «антипартийных действиях» ленинградского начальства, имевших место в военные (особенно в период блокады) и в послевоенные годы, могло нанести непоправимый репутационный ущерб действующей в СССР системе власти. Иначе сложно объяснить отказ от широкого обсуждения в относительно закрытой партийной среде тех фактов, которые могли бы ярко проиллюстрировать «вражеское лицо» фигурантов «ленинградского дела».

«...Тем самым был нанесён ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады»

Как уже говорилось, в начале октября 1949 года Секретариат ЦК ВКП(б) поручил цеховской комиссии партконтроля и министерству госконтроля провести проверку фактов грубого нарушения финансовой дисциплины, изложенных в записке министра финансов СССР А.Г. Зверева. В Ленинград для проверки выехали ответственный контролёр комиссии партконтроля

В. Синельщиков и главный государственный контролёр министерства госконтроля П. Разуваев.

Проверка подтвердила, что «...бывшие руководители Ленинградского горсовета длительное время расхищали и разбазаривали большие суммы денежных средств, отпускаемых Правительством на строго целевое назначение». Проверяющие копнули глубже и изучили финансовую документацию, относящуюся к военному времени. В результате их изысканий суммы, которыми исчислялись выявленные нарушения, заметно увеличились. «На устройство банкетов для узкого круга лиц из числа городского партийного и советского актива с 1943 по 1948 гг. незаконно было израсходовано 839 161 руб., в том числе 118 699 руб. на спиртные напитки, – говорилось в служебной записке, составленной В. Синельщиковым и П. Разуваевым на имя своего начальства – зампреда КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова и министра госконтроля Л.З. Мехлиса. – На бесплатное угощение руководящих работников в праздничные дни на трибунах, стадионах и в других местах с 1942 г. по 1947 г. израсходовано 431 529 руб., из них 143 833 руб. на спиртные напитки». Проверка подтвердила установленные минфином суммы расходования бывшими руководителями горсовета на сверхлимитное питание и продукты, а также на содержание особняка для официальных приёмов и фактически использовавшегося «...как место пьянок бывших руководителей горсовета и их членов семей». Проверяющие уточнили сумму расходов на оплату квартир, дач, домашних телефонов и тому подобное – свыше 130 тысяч рублей за период с 1946 по 1949 год³⁴.

В результате проверки были установлены непосредственные исполнители финансовых махинаций, те, чьи подписи стояли под финансовыми документами, и кто непосредственно отдавал распоряжения о незаконном перечислении и расходовании средств. К таковым были отнесены несколько бывших начальников «среднего звена» в ленинградских властных структурах: начальник бюджетного управления Ленинградского городского финотдела А.Н. Прощко, заместитель заведующего горфинотделом Г.Л. Рабинович, главный бухгалтер общего отдела Ленинградского горсовета Д.М. Щеглов, заведующий торговым от-

делом горсовета И.А. Андрееенко и начальник Ленглавресторана А.И. Фельдман.

В вину А.Н. Процко поставили то обстоятельство, что она систематически нарушала установленный Наркоматом финансов СССР порядок, а именно, начиная с 1941 года, открывала кредиты для общего отдела горсовета по статье «прочие (особые) расходы», не имея сметы и расшифровок, и «...тем самым содействовала бывшим руководителям горсовета расхищать и разбазаривать государственные средства». Процко состояла в приятельских отношениях с председателем горсовета П.Г. Лазутиным и первым секретарём Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда Т.В. Закржевской, была одним из организаторов банкета по случаю проводов последней на работу в ЦК ВКП(б). Лазутин и Закржевская поспособствовали продвижению по служебной лестнице столь ценного для них работника: Процко утвердили в должности заместителя заведующего городским финотделом.

О незаконных действиях Процко было известно её бывшему начальнику – первому заместителю заведующего горфинотделом Г.Л. Рабиновичу, который, разумеется, на это никак не реагировал. Рабинович и сам чем мог помогал ленинградскому начальству в военные годы. В частности, в 1942 году он отдал распоряжение Дзержинскому районному финотделу г. Ленинграда о передаче общему отделу горсовета конфискованных золотых изделий (золотые часы, браслеты и т. д.) на общую сумму 46 267 рублей, которые в большинстве своём были присвоены руководящими работниками горсовета. Тем самым он нарушил инструкцию Наркомата финансов, согласно которой все подобные ценности должны сдаваться в управление драгоценных металлов наркомата. В 1945 году Рабинович установил заведомо заниженные цены на трофейные легковые автомобили, приобретаемые работниками горсовета. Некоторые ушлые чиновники не преминули возможностью хорошо на этом заработать. Так, один из них уплатил в горфинотдел за автомашину полторы тысячи рублей и тут же перепродал её фабрике «Работница» за 20 000 рублей, другой – купил за 1200 рублей и продал её свиноводству за 14 тысяч. Трудно представить, что Раби-

нович бескорыстно помогал поправить свои финансы горсоветским работникам.

Не все финансовые работники оказались заражены рвачеством. Старший инспектор по штатам Смольнинского районного финотдела Винницкий в 1948 году сообщил в Ленинградский горком ВКП(б), что с разрешения Рабиновича были незаконно израсходованы государственные средства по безлюдному фонду в Балтийском морском пароходстве в размере 54 тысяч рублей и в больнице имени Боткина – 109 тысяч. Факты в ходе проверки подтвердились, однако Рабиновича взял под защиту секретарь горкома Г.Т. Кедров, и тот не был привлечён ни к партийной, ни к уголовной ответственности³⁵.

Проверяющие подтвердили некоторые факты, установленные минфиновскими работниками. Среди них расходование более 40 тысяч рублей на «царскую охоту» – продукты, спиртные напитки, охотничьи боеприпасы и собак для руководителей горсовета, проведённые по документам как путёвки. Здесь же оплата более 100 тысяч рублей, затраченных на продукты и спиртные напитки для поездок Попкова, Лазутина и других в Москву, оплата командировочных для руководителей горсовета без подтверждающих произведённые расходы документов. Проверяющие установили, что оформлением этих финансовых документов, относящихся к так называемым особым расходам, занимался главный бухгалтер Ленинградского горсовета Д.М. Щеглов и что большинство подобных документов являются фиктивными³⁶.

«Систематическое расхищение и разбазаривание государственных денег в больших размерах бывшими руководителями Ленгорсовета стало возможным также и потому, что бывший заведующий отделом торговли горсовета т. Андрееenko (в настоящее время работает заместителем министра торговли Эстонской ССР) и бывший начальник Ленглавресторана т. Фельдман в период карточной системы самовольно отменили установленный Правительством порядок расходования и отчётности нормированных продуктов, – указывалось в служебной записке В. Синельщикова и П. Разуваева. – Они предоставили право руководителям столовых Смольного, Ленинградского обкома партии и

Ленгорисполкома расходовать продукты питания без соблюдения каких-либо норм и лимитов, а также освободили их от отчетности перед контрольно-учётным бюро, что привело к разбазариванию большого количества продуктов питания, отпускаемых Правительством для трудящихся города Ленинграда, тем самым был нанесён ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады»³⁷.

Проверяющие установили, что Андреекко был приближённым к А.А. Кузнецову, П.С. Попкову, П.Г. Лазутину и «... вместе с ними разбазаривал государственные средства и продукты питания». Андреекко был участником всех начальственных банкетов и вечеринок, регулярно выезжал вместе с Лазутиным в особняк «К-2», где устраивались «попойки за счёт государственных средств». Позже, переехав на работу в Москву, Андреекко почти ежедневно навещал прибывшего в командировку Лазутина. В вагоне Лазутина они пьянствовали, и за период с 17 по 26 марта 1947 года потратили на спиртное и закуски три с лишним тысячи. Расходы были оплачены общим отделом Ленинградского горсовета из средств, предназначенных на охрану Смольного.

Начальник Ленглавресторана А.И. Фельдман со своей стороны тоже как мог старался скрасить трудовые будни ленинградского начальства. «Желая выслужиться и угодить бывшим руководителям Ленгорсовета, т. Фельдман, несмотря на достаточное количество мяса, имевшегося на базах, систематически производил забой молодняка (телят и поросят) для снабжения узкого круга руководящих работников, тем самым наносил ущерб делу восстановления животноводства», – указывалось в записке³⁸.

Андреекко и Фельдман выслуживались не зря: Фельдмана выдвинули на ответственную работу в Министерство торговли СССР, а Андреекко – в аппарат ЦК ВКП(б). При выдвижении Фельдмана в министерство ленинградское начальство умолчало, что тот за неправильное отношение к кадрам (грубость) в 1944 году не был избран в состав членов бюро парторганизации управления Ленглавресторана.

От проверяющих досталось и республиканскому минфину. Они проинформировали своё руководство о том, что Министерство финансов РСФСР ежегодно без смет и расшифровок пере-

числяло в бюджеты Ленинграда и Ленинградской области 7 миллионов 100 тысяч рублей на охрану Смольного. Фактически же на эти цели затрачивалось в несколько раз меньше, а остальные денежные средства «расхищали» и «разбазаривали». «Отсутствие всякого контроля со стороны финансовых органов за расходованием отпускаемых средств на “прочие расходы” создало благоприятную почву для крупных злоупотреблений бывшими руководителями Ленгорсовета», – указали проверяющие³⁹.

Проверка расходования бюджетных средств в Ленинграде заняла достаточно длительное время. Её результаты были рассмотрены на заседании бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) лишь в марте 1950 года. На заседании присутствовали не только фигуранты, которых поголовно исключили из партии, но и заместитель министра финансов СССР К.Х. Янбухтин, а также министр финансов РСФСР И.И. Фадеев. В записке зампреда комиссии М.Ф. Шкирятова, направленной на имя Г.М. Маленкова, была названа сумма, которой исчислялось незаконное расходование бюджетных средств Ленинградского горсовета – более двух миллионов 146 тысяч рублей. Заседание бюро комиссии позволило откорректировать отдельные обвинения в адрес бывшего первого заместителя заведующего Ленинградским городским финотделом Г.Л. Рабиновича. Как отмечалось в итоговых документах, Рабинович неоднократно (а не единственный раз в 1942 году) давал незаконные распоряжения о передаче общему отделу горсовета конфискованных золотых изделий, которые затем присваивались руководителями горсовета⁴⁰.

Золотые часы и драгоценное оружие для «ленинградских товарищей»

О том, что «ленинградские вожди» питали слабость к различным драгоценным изделиям, в частности, следует из «дела» директора Челябинского Кировского завода И.М. Зальцмана, которое рассматривалось в Секретариате ЦК ВКП(б) и цековской комиссии партийного контроля в 1949 году.

В 1944–1945 годах по заказу Исаака Моисеевича Зальцмана на Златоустовском инструментально-металлургическом заводе № 391 было изготовлено несколько экземпляров дорогостоящего подарочного оружия, предназначенного для вручения ленинградскому начальству. Златоустовские мастера изготовили меч для члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, шашки для командующего Ленинградским фронтом маршала Л.А. Говорова и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Кузнецова. Оружие было отделано золотом и драгоценными камнями (по свидетельству председателя завкома В.Г. Силуянова – рубинами), украшено знаменитой златоустовской гравировкой. Над украшением работал ведущий художник, знаменитый златоустовский мастер-гравёр Александр Иванович Боронников – автор большинства уникальных подарочных произведений, преподнесённых руководителям страны и военным деятелям в 1930–1940-е годы. На изготовление оружия для ленинградского начальства было затрачено более 100 тысяч рублей из средств Челябинского Кировского завода⁴¹.

Согласно официальной легенде, инициатором выступил трудовой коллектив завода, решивший собрать деньги на подарки для членов Военного совета Ленинградского фронта, отметив таким образом их вклад в прорыв блокады и разгром немецких войск под Ленинградом⁴². Однако эта версия была не более чем прикрытием. В действительности заводское начальство в лице директора И.М. Зальцмана и парторга ЦК ВКП(б) М.Д. Козина пошло на столь высокие траты, исходя исключительно из личных интересов. Дело в том, что до эвакуации осенью 1941 года в Челябинск Зальцман и Козин занимали те же должности на Кировском заводе в Ленинграде. В ответ на дорогостоящие преподношения ленинградскому начальству они рассчитывали получить содействие в их возвращении на руководящие посты в Ленинград. Именно поэтому в то время, когда материально-бытовые условия рабочих Челябинского Кировского завода были поистине катастрофическими, служили причинами проявления массового недовольства и масштабного «бегства» работников с предприятия, когда заводское начальство отказывало в выделении даже 3000 рублей на ремонт

разваливающейся землянки, деньги на дорогостоящие подарки были изысканы.

Меч А.А. Жданову, шашки Л.А. Говорову и А.А. Кузнецову были вручены делегацией из четырёх заводских коммунистов во главе с парторгом ЦК М.Д. Козиным, специально прибывшими для этой цели в Ленинград. Поездка для Михаила Дмитриевича Козина завершилась весьма успешно: вскоре он получил назначение на должность уполномоченного ВЦСПС по Ленинграду и области и с весьма внушительным скарбом, которым он успел обзавестись за годы войны, перебрался из Челябинска в Ленинград⁴³.

Успех Козина решил повторить директор И.М. Зальцман. По его указанию за счёт средств завода в Москве были приобретены трое золотых часов общей стоимостью более 40 тысяч рублей (стоимость двух часов – 38 580 рублей – была подтверждена документально, документы на третьи часы впоследствии обнаружить не удалось). Часы Зальцман в том же 1945 году привёз в Ленинград и вручил их первому секретарю обкома и горкома А.А. Кузнецову, второму секретарю горкома Я.Ф. Капустину и председателю горисполкома П.С. Попкову⁴⁴.

Зальцман развил «подарочную активность», по всей видимости, неслучайно: на Ленинградском Кировском заводе летом 1945 года меняли директора. Правда, для него эта поездка завершилась безрезультатно, он так и остался директорствовать в Челябинске. Вероятнее всего, причиной неудачи послужил высокий статус должностей – и той, что Зальцман занимал на тот момент, и той, на которую он претендовал. Здесь «ленинградцы» не были всесильны. Директора обоих предприятий (в Ленинграде и Челябинске) находились на особом контроле у наркома В.А. Малышева и в высших партийных инстанциях. Москва предпочла Зальцману главного инженера Уралмашзавода А.Л. Кизиму, которого в июне утвердили директором Ленинградского Кировского завода⁴⁵. Не столь высокая должность М.Д. Козина в данной ситуации давала ему очевидное преимущество: для его перевода на профсоюзную работу в Ленинград не требовались многочисленные согласования в Кремле и на Старой площади.

Как свидетельствуют документы Секретариата ЦК партии и КПК, многие ленинградские начальники не пренебрегали возможностью улучшить своё материальное положение, воспользовавшись теми преимуществами, которые предоставляли занимаемые ими властные кабинеты. Секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б) Т.В. Закржевская заняла квартиру репрессированного и присвоила его имущество. Она пользовалась услугами предприятий района, а в ответ, со своей стороны, защищала от уголовного преследования руководителей этих предприятий, уличённых в воровстве. Дополнительную уверенность Закржевской придавала надёжная «горкомовская крыша». Несмотря на то, что о её «недостойном поведении» писали в «Ленинградской правде», поступали заявления в горком, а устраиваемые проверки подтверждали её виновность, в горкоме «дело Закржевской» замяли. Мало того, предоставили ей хвалебную характеристику, когда она в январе 1948 года переходила на работу в аппарат ЦК ВКП(б)⁴⁶.

Председатель Выборгского райсовета А.Я. Тихонов в годы войны получил партвзыскание за скупку мебели на хлебные карточки. Невзирая на это обстоятельство, в 1944 году его выдвинули на должность секретаря Фрунзенского райкома ВКП(б). Став впоследствии секретарём Кировского райкома ВКП(б), он вновь получил взыскание за невыполнение решения ЦК ВКП(б) о запрещении премирования партийных работников хозяйственными организациями. Но и это нисколько не отразилось на карьере партийного чиновника: вскоре его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного совета РСФСР, а в ноябре 1948 года утвердили заведующим отделом тяжёлой промышленности Ленинградского горкома ВКП(б). Буквально через месяц Тихонов отблагодарил «ленинградских вождей» за благосклонность к нему – сфальсифицировал результаты голосования на областной и городской партконференции⁴⁷.

Не без успеха выслуживался перед начальством секретарь райкома партии П.И. Левин. «Будучи секретарём Свердловского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, Левин широко практиковал устройство банкетов и вечеров за счёт государственных и партийных средств, – говорилось в служебной записке отдела ЦК

ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. – Только за период с января по август 1946 года было израсходовано на пьянки 159 тыс. рублей. Устраивая вечера и банкеты для встречи с бывшими руководителями обкома и горкома Кузнецовым, Попковым и Капустинным, Левин всячески угодничал и пресмыкался перед ними, создавая вокруг них ореол славы и дутого авторитета». Не удивительно, что карьера Пантелеймона Ивановича Левина складывалась вполне успешно. В 1946 году его перевели на работу в Ленинградский горком ВКП(б), где он получил должность заведующего отделом оборонной промышленности, в следующем году он переехал в кабинет заведующего оргинструкторским отделом горкома, а в 1948 году Левин занял высокое кресло секретаря горкома партии. Возможностью воспользоваться материальными благами не пренебрегал, о чём говорилось в записке на имя Маленкова: «В период проведения денежной реформы Левин незаконно приобрёл большое количество промышленных товаров из склада хозотдела управления делами обкома и горкома ВКП(б); расходовал государственные и партийные средства на ремонт квартиры своих родственников; замешан в незаконном получении оружия, собранного у населения в период блокады Ленинграда»⁴⁸.

Петербургские историки, доктора исторических наук В.А. Иванов и Б.А. Старков, опираясь на документы госбезопасности, в своих работах привели описание двухэтажного особняка первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) Алексея Александровича Кузнецова. По документам 1946 года этот особняк, именуемый как «объект Каменный остров», включал более 20 комнат, без учёта различных подсобных помещений. Среди них были две гостиных комнаты, три кабинета и одна библиотека, три спальни, две столовых, две ваннные комнаты. Свой досуг А.А. Кузнецов мог проводить в кинозале либо в бильярдной комнате. В доме насчитывалось девять ковров, восемь ковровых дорожек и ковриков, редкой работы хрустальные люстры, мебель, художественные полотна, дорогая посуда. Всюду ощущалось стремление хозяев особняка к роскоши и изысканности. Даже меню не напоминало об ужасающей ленинградской повседневности: столы украшали изысканные блюда и великолепное вино⁴⁹.

Создать богатую обстановку, приобрести ценности в условиях блокады для людей, обладающих доступом к распределению продовольственных ресурсов или просто имеющих достаточное и регулярное продовольственное обеспечение, не составляло особого труда⁵⁰. Дополнительный тому пример – приобретение А.Я. Тихоновым мебели на хлебные карточки. Снятие блокады открыло перед многочисленными ленинградскими чиновниками новые способы для улучшения собственного материального положения.

«Скорпионы» и ленинградская партноменклатура

Источником относительно благополучной жизни партийного и исполкомовского начальства в послевоенном Ленинграде было не только полагающееся денежное, продуктовое и промтоварное довольствие и даже не только незаконное расходование государственных ресурсов. Как выяснили В.А. Иванов и Б.А. Старков, в руках у органов госбезопасности имелись сведения о связях первых лиц Ленинграда, включая первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А.А. Кузнецова, с развитой коррупционной сетью, опутавшей весь город. Сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом в ходе агентурно-оперативной разработки «Скорпионы» установили, что в городе действует масштабная преступная группа во главе с матёрым мошенником и аферистом Николаем Александровичем Карнаковым. За вознаграждение группа Карнакова бралась решить любую проблему, включая оформление пропуска для въезда в город, незаконную прописку в Ленинграде, получение жилья, демобилизацию из рядов Советской Армии, получение отсрочки от призыва в армию, выдачу медицинских справок об инвалидности, прекращение уголовного дела и даже досрочное освобождение из мест заключения. Огромные масштабы приобрели незаконные прописки в Ленинграде: город, благодаря предоставленным после снятия блокады льготам и улучшенному снабжению промышленными и продовольственными товарами, стал привлекательным местом для проживания. Несмотря на то, что порядок въезда в город и прописка были

строго регламентированы, Ленинград быстро наполнился преступным элементом, количество уголовных преступлений стремительно выросло. Многие из членов преступной группы Карнакова были вооружены, а некоторые имели даже личную охрану. Директора промышленных предприятий, магазинов, баз, складов были обложены данью. Связанные с группой Карнакова работники прокуратуры и органов внутренних дел фабриковали следственные дела с целью вымогательства. В преступную деятельность были вовлечены более полусотни работников ленинградской милиции, почти полсотни сотрудников прокуратуры, суда и адвокатуры, десяток ответственных работников здравоохранения и соцобеспечения, работники райвоенкоматов, жилищной системы, торговых организаций, артелей, баз, столовых. Не остались в стороне чиновники партийно-государственного аппарата, включая высших должностных лиц города и области. Однако нити следствия, ведущие в Смольный, оборвал лично начальник управления МГБ Ленинградской области генерал-лейтенант Пётр Николаевич Кубаткин. Кубаткин находился как в приятельских отношениях с А.А. Кузнецовым, так и был связан с коррупционерами, в частности, получил в подарок от «скорпионов» два трофейных автомобиля. В феврале 1946 года Кузнецов ознакомился с поступившей ему информацией о ходе операции «Скорпионы», но оставил её без какой-либо реакции⁵¹. Сомнительно, чтобы «хозяин Смольного» был заинтересован в раскрутке «дела»: обвинения в коррупции, связях с махинаторами, предъявленные пусть не ему самому, а только лишь его подчинённым, могли серьёзно повредить его карьерным перспективам.

В марте 1946 года А.А. Кузнецов был введён Сталиным в Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б). Распределение обязанностей между секретарями ЦК, оформленное решением Политбюро от 13 апреля того же года, сделало его одним из влиятельных членов высшего руководства СССР, несмотря на отсутствие полномочий члена Политбюро ЦК ВКП(б). На Кузнецова было возложено руководство управлением кадров ЦК ВКП(б) и «работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных органах», председательствование и формирование повестки дня заседаний Секретариата ЦК ВКП(б), «вопро-

сы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». Вскоре его полномочия были несколько откорректированы⁵², руководство Секретариатом ЦК, если судить по протоколам, было возложено на А.А. Жданова. Тем не менее, А.А. Кузнецов оставался влиятельной фигурой на вершине власти.

Следом в июне в Москву перебрался и П.Н. Кубаткин, получивший должность начальника Первого главного управления МГБ СССР. Но, как установил историк Б.А. Старков, в отношении Кубаткина практически сразу началось служебное расследование о его связях с ленинградскими криминальными структурами, от исполнения обязанностей он был временно отстранён. Несмотря на то, что ряд фактов нашёл подтверждение, в ноябре расследование было прекращено, и Кубаткин получил место начальника управления МГБ Горьковской области. Историк небезосновательно предполагает, что за внезапным прекращением расследования и новым назначением Кубаткина мог стоять А.А. Кузнецов⁵³.

Дополнительный импульс расследованию «дела скорпионов» придал новый начальник управления МГБ Ленинградской области Д.Г. Родионов. Известно, что Родионов постоянно информировал министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова и самого Сталина о положении дел в Ленинграде, в том числе «о беспорядках в ленинградском руководстве». Среди прочего, новый глава ленинградской госбезопасности сигнализировал о напряжённых взаимоотношениях между двумя амбициозными начальниками – П.С. Попковым и его замом по горкому Я.Ф. Капустиным, а также об имеющемся компромате на своего предшественника П.Н. Кубаткина⁵⁴. Согласно данным Б.А. Старкова, Сталина особенно интересовали связи П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, П.Г. Лазутина, члена Политбюро Н.А. Вознесенского «...и других высокопоставленных коррумпированных чиновников» с представителями организованной преступности. Из информации Родионова следовало, что ленинградское руководство занимается очковтирательством, игнорирует оперативную информацию органов МГБ о перебоях в снабжении продовольствием и промтоварами, не реагирует на сигналы о недобросовестном исполнении отдельными чиновниками своих служеб-

ных обязанностей⁵⁵. Какие-либо подробности, детали из сообщений Д.Г. Родионова в московские инстанции пока остаются недоступными для исследователей.

Даже далеко не полная источниковая база, тем не менее, позволяет сделать предварительные выводы о том, что предъявленные «ленинградцам» обвинения в использовании служебного положения в личных целях имели под собой реальные основания. Пресыщенная жизнь высшего ленинградского начальства, материальное обогащение за государственный счёт на фоне ужасающей ленинградской повседневности вполне могли стать дополнительным фактором в принятии решения о жёстком наказании основных фигурантов «ленинградского дела».

Как свидетельствуют документы, широкому распространению коррупционных проявлений в ленинградских властных структурах способствовала проводимая руководителями города и области кадровая политика: «свои люди», занимавшие ключевые посты в системе власти, не давали хода поступавшим «сигналам» о различных нарушениях законности. По каким принципам проводились подбор и расстановка кадров на ключевых постах в Ленинграде, насколько кадровая политика Смольного соответствовала требованиям Сталина – ответ на эти вопросы во многом будет способствовать пониманию причин «ленинградского дела».

Глава IV

«...На ряде важных участков были допущены серьёзные упущения в подборе кадров»

Среди обвинений, предъявленных «ленинградцам», была расстановка «своих» кадров в партийно-государственной системе власти. Об этом говорилось и в проекте закрытого письма Политбюро, и в приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР. Действия «ленинградцев» объяснялись их стремлением превратить ленинградскую парторганизацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б) и затем захватить главные посты в СССР.

В проекте закрытого письма речь шла о принципах, по которым отбирались кадры, и о конечной цели, которую преследовали «ленинградцы», – намерении таким путём привести А.А. Кузнецова на пост первого секретаря ЦК РКП(б). Со ссылкой на показания Кузнецова, в письме говорилось о том, что ещё с 1938 года он подбирал верных ему людей «...из числа подхалимов, лиц политически скомпрометированных и имеющих тёмное прошлое». «Окружив себя политически сомнительными и морально разложившимися людьми, – говорилось далее, – Кузнецов, Попков, Капустин, Соловьёв уже перед войной представляли из себя обособившуюся враждебную группу, стремившуюся рассадить угодные им кадры на руководящие посты в Ленинграде. <...> После перехода А. Кузнецова на работу секретаря ЦК ВКП(б) <...> опираясь на расставленные ими свои кадры, группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. <...> В группе было предусмот-

рено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)».

В этом же письме говорилось об ответственности за кадры умершего к тому времени А.А. Жданова: «Сейчас трудно объяснить, как мог Жданов А.А. не разглядеть вражеского лица Кузнецова, Попкова, Капустина, Соловьёва и др., которых он настойчиво выдвигал»¹.

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР указывалось, что А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Н.А. Вознесенский, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин, М.И. Родионов и другие представляли собой «вражескую группу» и проводили «вредительско-подрывную работу в партии». Эта «работа», в частности, заключалась «... в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР с той целью, чтобы, опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках ленинградскую организацию, взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве её руководителей разложившихся людей – пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им»².

Документы, которые легли в основу этих обвинений, историкам пока недоступны. Можно лишь привести известные факты, что многие ленинградские руководители (секретари обкома, горкома ВКП(б), председатели облисполкома и их заместители, первые секретари райкомов г. Ленинграда и др.) в конце войны и первые послевоенные годы были выдвинуты на руководящие должности в различных регионах СССР. Первыми секретарями обкомов ВКП(б) работали: в Новгородском обкоме – Г.Х. Бумагин, в Псковском обкоме – Л.М. Антюфеев, в Ярославском – И.М. Турко, в Крымском – Н.В. Соловьёв. На ближайшем съезде партии эти руководители, если бы их должностное положение осталось без изменений, должны были получить статус членов или кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Ряд руководителей занимали вторые позиции в руководствах регионов. Это вторые секретари: ЦК КП(б) Эстонии – Г.Т. Кедров, Калининградского обкома ВКП(б) – П.А. Иванов, Новгородского обкома ВКП(б) – И.И. Баскаков, Мурманского обкома – А.Д. Вербицкий, Рязанского обкома – П.В. Кузьменко. Занимали посты председателей облисполкомов: Новгородского – П.П. Еремеев, затем – М.И. Сафонов, Псковского – В.Д. Семин, Калужского – А.И. Бурилин. Вторые секретари обкомов и председатели облисполкомов представляли собой ближайший резерв для выдвижения на первые роли в региональных властных структурах.

Кроме того, «ленинградцы» назначались на другие, пусть менее заметные, но достаточно значимые должности в региональных властных структурах – как в партийных, так и советских (исполкомовских).

Несколько руководителей были переведены на работу в ЦК ВКП(б) и в правительственные структуры. Наиболее важные посты заняли: Т.В. Закржевская – заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), И.А. Андреев (бывший заведующий отделом торговли и заместитель председателя Ленгорисполкома) – завотделом кадров планово-финансово-торговых органов управления кадров ЦК ВКП(б), Клеменчук – завотделом управления кадров ЦК ВКП(б), Н.Д. Шумилов (бывший редактор газеты «Ленинградская правда») – завотделом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), В.Н. Иванов – инспектор ЦК ВКП(б), М.В. Басов – заместитель председателя Совета министров РСФСР и председатель госплана РСФСР³.

Список этот далеко не полный, но позволяет сделать некоторые выводы. Ленинградский «кадровый поток» слишком очевиден, чтобы дискутировать о том, имела ли место ленинградская «кадровая экспансия». Некоторые историки признают, что Ленинград в послевоенные годы стал «кузницей кадров», при этом стремятся не связывать сей факт с тем, что Жданов в те годы руководил Секретариатом ЦК ВКП(б), а Кузнецов возглавлял управление кадров ЦК ВКП(б) (ранее, в конце войны, Жданов, как член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), тоже имел воз-

возможность продвигать «свои» кадры, ленинградцами было укомплектовано руководство Новгородской и Псковской областей⁴). Востребованность ленинградских кадров современными исследователями объясняют их широким уважением, авторитетом, особой популярностью, наличием у них уникального «блокадного опыта» – опыта решения народнохозяйственных задач в условиях ограниченности ресурсов⁵. Однако документального подтверждения тому, что именно «уникальный блокадный опыт», широкое уважение и авторитет явились причиной массового выдвижения ленинградских кадров, историки не приводят. К тому же неизбежно возникают следующие вопросы. Почему наиболее востребованным оказался именно ленинградский опыт, а не, предположим, сибирский, уральский или поволжский, где пусть ресурсов было несоизмеримо больше, но и задачи, стоявшие перед индустрией тех регионов, по своим масштабам были совершенно иные? И, если даже согласиться, что ленинградские кадры пользовались широким уважением и авторитетом, то каков был механизм их назначения на руководящие должности в другие обкомы, включая посты первых секретарей? Означает ли это, что обкомы сами выходили на ЦК с инициативой о направлении к ним «ленинградцев»?

Разумеется, возглавляемое А.А. Кузнецовым управление кадров ЦК ВКП(б) должно было положительно характеризовать выдвигаемых из Ленинграда руководителей, как и тех, кто приходил на их место. В противном случае прохождение этих кандидатур через Секретариат и Политбюро ЦК ВКП(б) было бы весьма проблематичным. Многоступенчатая система утверждения кадров предполагала, что обоснование для выдвижения на значимые посты должно быть убедительным, предлагаемая кандидатура не должна была вызывать категорических возражений на Старой площади и в Кремле (какие именно выдавались характеристики кандидатам, насколько объективно оценивались их деловые и личные качества – вопрос, требующий отдельного изучения). Ведь и «ленинградцам» не всегда удавалось продвинуть очередного «своего». Пример тому, в частности, попытка, предпринятая, вероятнее всего, А.А. Ждановым в середине 1948 года (в ходе реорганизации аппарата ЦК), поставить Я.Ф. Капустина

во главе отдела машиностроения ЦК ВКП(б), которая в итоге закончилась неудачей. А планы Кузнецова сделать Ф.Е. Михеева управляющим делами ЦК ВКП(б), «подвинув» с этого важного поста Д.В. Крупина, так и остались планами⁶.

Есть мнение, что И.В. Сталин сам рекомендовал А.А. Кузнецову выдвигать больше молодых, инициативных работников, особо упомянув при этом ленинградцев, и последний лишь не пренебрегал этим советом⁷. Однако даже если это было в действительности, то рекомендация Сталина вовсе не отменяла установленные им самим требования к подбору и расстановке кадров. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Сталин потребовал подбирать кадры не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям, а по деловым признакам. В качестве отрицательного примера он привёл кадровую политику первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Л.И. Мирзояна. Мирзоян игнорировал местные казахские кадры и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей, дружков из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате, создал группу лично ему преданных людей. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – <...> Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно»⁸. Соблюдал ли Кузнецов эти принципы, выдвигал ли ленинградские кадры по их деловым качествам, а не тех, кто был лично ему предан, кто его восхвалял, преподносил ему дорогостоящие подарки и обеспечивал ему и его семье роскошную по тем временам жизнь?

В середине 1948 года не кто иной, как А.А. Жданов, в подготовленном им проекте постановления Политбюро о реорганизации Секретариата ЦК ВКП(б) дал негативную оценку деятельности управления кадров ЦК ВКП(б), которое возглавлял его ставленник А.А. Кузнецов. В проекте говорилось следующее:

«Практика показала, что современная организация Секретариата страдает рядом существенных недостатков:

1) Сосредоточение распределения кадров под руководством одного секретаря в одном управлении кадров не оправдывает

себя и привело к тому, что на ряде важных участков были допущены серьёзные упущения в подборе кадров.

2) Современная система подбора и распределения кадров в министерствах и ведомствах не обеспечивает должного порядка в этом деле. Министры устранились от ответственности за эту работу, а зам. министров по кадрам, как правило, оказались мало подготовленными и допускают ряд крупных промахов в подборе кадров.

3) Чрезмерная централизация подбора кадров в аппарате ЦК нанесла ущерб делу проверки исполнения»⁹.

Что стало причиной столь резких оценок, какие именно претензии были предъявлены А.А. Кузнецову, на ряде каких «важных участков были допущены серьёзные упущения в подборе кадров» – остаётся неизвестным. Известно лишь, что тогда же управление кадров ЦК было ликвидировано, функции по подбору и распределению кадров были переданы отделам ЦК ВКП(б). Всё это свидетельствует о том, что работа управления кадров ЦК ВКП(б) была признана неудовлетворительной на самом высшем уровне. А.А. Кузнецова в Секретариате ЦК оставили и поручили ему курировать отдел машиностроения (на руководство которого предполагался, но не был назначен Я.Ф. Капустин) и административный отдел ЦК ВКП(б)¹⁰.

В ходе «дела» бывшие и действующие ленинградские руководящие кадры были подвергнуты тщательной проверке. В результате этой проверки были выявлены многочисленные компрометирующие сведения самого различного характера: ошибки и недостатки в работе, сокрытие информации о различных нарушениях и недостатках, наличие партвзысканий, восхваление «ленинградских вождей» и участие с ними в застольях, коррупционные действия, пьянство, беспорядочные половые связи и т. д. Безусловно, следует иметь в виду, что раздобыть компромат на того или иного руководящего работника при наличии соответствующих ресурсов было задачей вполне решаемой. Однако при этом нельзя забывать, что компромат компромату рознь. Какие-то материалы «рассыпались» в ходе дальнейшей проверки либо не могли иметь сколько-нибудь существенных последствий для того или иного руководителя, или могли лишь воспре-

пятствовать его дальнейшему служебному росту¹¹. Разбирательства по другим материалам могли закончиться серьёзными партийными взысканиями или исключением из партии, лишением должности и даже уголовным преследованием. Существенным отягчающим обстоятельством являлось наличие взысканий или предупреждений, которые работник уже получил ранее за подобные нарушения (к «чиновникам-рецидивистам» применялось гораздо более строгое наказание). Многое зависело от тех, кто проводил проверку и кто принимал итоговое решение. В ходе этих проверок судьба того или иного руководителя нередко зависела от личных интересов и предвзятых оценок со стороны представителей центральной власти, в определение степени тяжести того или иного проступка и избрание меры наказания вмешивались различные субъективные факторы. «Ленинградцам» в этом смысле не повезло: каждый их проступок получал максимально негативную оценку и часто квалифицировался как «антипартийные действия». Правда, следует заметить, что и многие «ленинградцы» со своей стороны сделали достаточно, чтобы список их провинностей был внушительным по объёму и убедительным по содержанию.

«За политически недостойное поведение...»

В качестве примера можно привести ряд «дел», которые были рассмотрены Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) в сентябре 1949 года. Одно из них – «дело» заведующего финхозсектором Новгородского обкома ВКП(б) Ф.М. Широкова, партийно-следственные мероприятия по которому проводила КПК при ЦК ВКП(б) по поручению Секретариата ЦК партии.

До середины 1944 года Фёдор Михайлович Широков работал заместителем управляющего делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) (его непосредственный начальник – Ф.Е. Михеев, осуждённый в составе «центральной группы»). Широков пользовался доверием у Кузнецова, Попкова и Капустина и в 1941 году был направлен ими в Челябинск для обслужива-

ния эвакуированных туда семей работников ленинградских обкома и горкома партии. Как было установлено в ходе проверки, «на протяжении 1941–1942 гг. при участии Широкова было расхищено промышленных товаров, вывезенных из Ленинграда, на сумму 72 тыс. рублей (рыночная стоимость их 800 тыс. рублей). Кроме того, Широков растратил 13,8 тыс. рублей партийных средств»¹².

Действиями Широкова заинтересовались правоохранительные органы, ему стало грозить уголовное наказание. Чтобы не допустить этого, по рекомендации Кузнецова и Попкова и по ходатайству первого секретаря Новгородского обкома ВКП(б) Г.Х. Бумагина в 1944 году Широкова перевели в Новгородский обком заведующим финхозсектором. В 1946 году решением Ленинградского горкома ВКП(б) за подписью П.С. Попкова уголовное дело на Широкова было прекращено¹³.

Широков верой и правдой служил новому «хозяину». Уже в 1944 году по заданию Г.Х. Бумагина он организовал специальный буфет, в котором сверх установленных лимитов расходовались продукты и спиртное. В этом же буфете за счёт средств партийного бюджета питались семьи секретарей обкома ВКП(б). Перерасход средств только за 1947–1948 годы составил 78,4 тысячи рублей. Заведующий финхозсектором закупил для квартиры Бумагина мебель, потратив на неё 131 тысячу рублей из средств обкома. На квартире Бумагина на партийные деньги содержались домработница и истопник. На те же средства была построена и содержалась баня, которой пользовались секретари обкома и их семьи.

Невзирая на созданные бытовые условия, бывших ленинградцев тянуло в «северную столицу». Работники обкома и члены их семей на обкомовских автомобилях совершали поездки в Ленинград. За один только 1948 год таких поездок проверяющие насчитали 44. Сам Широков съездил в том году в Ленинград 11 раз. Несмотря на то, что вояжи не были обусловлены служебной надобностью и у Широкова имелась в Ленинграде своя квартира, он, тем не менее, свои поездки оформлял как служебные командировки и получал в обкоме суточные и квартирные деньги.

По итогам проверки Ф.М. Широков был исключён из членов ВКП(б) «за недостойное поведение», а материалы о злоупотреблениях были переданы для расследования в Прокуратуру СССР¹⁴.

Приблизительно в это же время в КПК при ЦК ВКП(б) были рассмотрены «дела» на других бывших ленинградских руководящих работников. Со своими партбилетами они расстались уже с несколько другими формулировками: «за политически недостойное поведение».

Занимавшему после войны кресло секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) по кадрам Георгию Тихоновичу Кедрову предъявили обвинение в проведении «небольшевистской линии» в работе по подбору кадров. «Зная о моральном разложении и злоупотреблениях отдельных партийных и советских работников не ставил вопроса об их наказании и принимал участие в выдвижении их на руководящие посты», – говорилось в записке ответственного контролёра Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Колесникова на имя М.Ф. Шкирятова¹⁵, и в подтверждение был приведён ряд примеров.

Первым был назван бывший секретарь Московского райкома ВКП(б) г. Ленинграда П.А. Иванов, перемещённый впоследствии на должность второго секретаря Калининградского обкома партии. Иванов систематически пьянствовал, бывало, пьяным выступал с докладами на собраниях районного партийного актива. Кедров был в курсе происходящего, но вопрос о снятии Иванова с должности не ставил, а при выдвижении последнего в Калининградский обком в январе 1947 года не опротестовал это «неправильное предложение», о фактах его «морального разложения» в ЦК ВКП(б) не сообщил. В Калининграде Иванов окончательно спился и покончил жизнь самоубийством.

В вину Кедрову вменили также, что он не дал хода компромату на секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б) Т.В. Закржевскую. Будучи в годы блокады вторым секретарём Куйбышевского райкома, она сблизилась со своим непосредственным начальником, первым секретарём райкома Н.В. Лизуновым, у которого в то время была своя семья (в 1943 году Лизунов был перемещён на место первого секретаря Петроградского райкома ВКП(б),

а в Куйбышевском райкоме его место заняла Закржевская, впоследствии они оформили свои отношения¹⁶). Т.В. Закржевская обвинялась в том, что заняла квартиру репрессированного, «захватила» его имущество и что пользовалась услугами предприятий района и выгораживала руководителей этих предприятий, уличённых в воровстве. В Ленинградский горком поступали сигналы о действиях секретаря райкома, при проверке они подтвердились. Записка о результатах проверки, где говорилось об «антипартийном поведении» и злоупотреблениях секретаря райкома, в конце июня 1947 года легла на стол Кедрова и других секретарей горкома, но каких-либо последствий за собой не имела. Мало того, когда спустя полгода Закржевскую переводили на работу в ЦК ВКП(б), Кедров эти факты скрыл и дал ей «неправдивую хвалебную характеристику»¹⁷.

Знал Кедров и о «тёмных делах» А.Я. Тихонова, который, будучи председателем Выборгского райисполкома, скупал мебель на хлебные карточки и получил за это взыскание, и, тем не менее, в 1944 году был выдвинут первым секретарём Фрунзенского райкома партии. Кедров был прекрасно осведомлён о «деле Тихонова», ведь он сам в то время работал первым секретарём Выборгского райкома ВКП(б), но проявлять большевистскую принципиальность не стал. Впоследствии Тихонов был назначен первым секретарём Кировского райкома ВКП(б) и, находясь на этой должности, получил взыскание за премирование Кировским заводом. Несмотря на это обстоятельство, с ведома Кедрова – секретаря горкома по кадрам – Тихонова выдвинули кандидатом в депутаты Верховного совета РСФСР и повысили до заведующего отделом тяжёлой промышленности Ленинградского горкома партии. Перед Москвой его представляли как безупречного руководителя: Кедров дважды, в ноябре 1946 года и в июне 1947 года, направлял в ЦК ВКП(б) положительные характеристики на Тихонова. И лишь разоблачение фальсификации результатов тайного голосования на партконференции превало успешную карьеру этого чиновника.

Кедрову вменили в вину, что он закрывал глаза на злоупотребления и моральный облик работников горисполкома. Заместитель председателя Ленинградского горисполкома В.М. Реш-

кин «незаконными путями» выстроил себе дачу и присвоил несколько легковых машин, о чём в Ленинградском горкоме знали из поступивших сигналов и никак на это не реагировали. Как не реагировали на то, что заместитель председателя архитектурного управления горисполкома Морозов «систематически пьянствовал» и приходил пьяным в Смольный¹⁸.

Знал Кедров и о том, что у многих сотрудников аппарата горкома партии и работников райкомов имеются осуждённые родственники или сами они некогда имели судимость или исключались из партии (не всегда по политическим обвинениям: секретарь парткома на Октябрьской железной дороге Попов, сын священнослужителя, ранее был осуждён за уголовное преступление к 8 годам лишения свободы и отбыл 4 года в тюрьме). Среди них были организаторы пьянок и банкетов, любители женщин и покровители «разложившихся» личностей. Кедров, тем не менее, в характеристиках, включая направленные на Старую площадь для утверждения в цеховской номенклатуре, расхваливал эти кадры, а имевшиеся «компрометирующие данные» скрывал¹⁹.

Кедров был близок к руководящей верхушке. Участвовал во многих проводившихся по разным поводам банкетах и вечерах, где присутствующие восхваляли Кузнецова, Попкова и Капустина как «вождей» ленинградской парторганизации. Кедров и сам, являясь секретарём Выборгского райкома, устраивал банкеты для районного партийного и хозяйственного актива, куда приглашал коллег из других районов, того же Н.В. Лизунова. Когда это нужно было, то «закрывал уши»: на одном банкете секретарь Ленинского райкома ВКП(б) А.М. Григорьев выступил с «антисоветским заявлением», но вместо наказания пошёл на повышение – вскоре стал секретарём обкома ВКП(б) по кадрам (вероятнее всего, речь шла об одном из банкетов в 1943 году, на котором Григорьев нелестно высказался в адрес А.А. Жданова и кого-то из ЦК ВКП(б)²⁰). «Не заметил» Кедров, как на одном из заседаний бюро горкома А.А. Кузнецов выругался в адрес одного из заместителей председателя Совета министров СССР²¹.

«Кедров молчал лишь потому, – докладывал Колесников руководителю КПК, – что он сам принимал непосредственное уча-

стие в попойках за счёт государства, устраивавшихся Кузнецовым, Попковым и Капустиным, был постоянным участником посещения “десятки”, ему доставлялись на квартиру в больших количествах продукты, вино и водка, пользовался бесплатно водкой в буфете, организованном в Смольном. Вместе с Попковым, Капустиным и Лазутиным посещал незаконно созданное при Ленгорисполкоме за счёт захвата колхозных земель так называемое “охотничье хозяйство” (В.-Выборгское шоссе, 102-й км), где также обеспечивался бесплатно вином и водкой. Вместе с Капустиным выезжал на рыбную ловлю в специально созданное угодье (на реке Вуокса), где содержались в штате рыбаки и прислуга. На всё это – попойки, содержание специального охотничьего хозяйства и рыбных угодий расходовалось много государственных средств. Будучи секретарём райкома ВКП(б), Кедров по указанию Кузнецова незаконно получал премии за “успешное” выращивание овощей предприятиями района, за сбор металлолома и по другим подобным предложениям. По незаконному распоряжению Попкова Кедров в числе других секретарей райкомов получил в собственность трофейную легковую автомашину, уплатив за неё лишь 800 рублей при фактической стоимости её 20–25 тыс. рублей. Указанную автомашину вернул Ленгорисполкому только во время нашей проверки»²².

Кедров не только сам молчал, но и другим не позволял поднимать шум. Так, при рассмотрении на бюро Ленинградского горкома заявления секретаря горкома по пропаганде И.Г. Стожилова, сообщившего в ЦК ВКП(б) о «неправильном поведении» Попкова и Капустина, Кедров не поддержал эту критику и вместе с другими членами бюро горкома твердил об успехах в работе «ленинградских вождей»²³. Стожилова сняли с должности как не справившегося с работой.

За все эти и другие проступки Г.Т. Кедров решением КПК был исключён из партии. Та же участь постигла упоминавшегося секретаря райкома Николая Васильевича Лизунова, в конце 1940-х – слушателя Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Лизунову вменили, что он присутствовал на многих устраиваемых ленинградским руководством банкетах – в честь награждения корпуса местной противовоздушной обороны, в связи с го-

довщиной снятия блокады и др. – слышал там «антисоветские заявления», в том числе секретаря райкома Григорьева, но не сообщал о них в ЦК ВКП(б) и сам был участником «антипартийных действий». «Как сейчас признаёт Лизунов, на этих банкетах “лишь для приличия” говорились первоначальные здравицы в честь руководителей партии, “а затем превозносились заслуги Кузнецова, Попкова и Капустина”, в чём он принимал постоянное и активное участие», – указывалось в записке Колесникова на имя М.Ф. Шкирятова²⁴.

Лизунов у себя в районе тоже устраивал банкеты для районного партийного и хозяйственного актива. «Как теперь признаёт Лизунов, – говорилось в записке, – на этих банкетах “восхвалялись заслуги горкома”, хозяйственники “благодарили работников райкома за их примерную работу. Критика и самокритика полностью выпадала, райком выглядел в роли победителя, а все работники безупречными, на деле это воспитывало у работников партийного аппарата круговую поруку – элементы групповщины”». Лизунов по приглашениям коллег – секретарей райкомов – часто бывал на подобных «мероприятиях» в других районах Ленинграда: в Выборгском – у Г.Т. Кедрова, в Приморском – у И.С. Харитоновой и в других. О «непартийных действиях» главных ленинградских чиновников в ЦК не сообщал, не предпринимал попыток подвергнуть их критике, наоборот, стремился им угодить. «Лизунову было известно, что секретарь горкома Капустин – разложившийся человек и пьяница, часто пьянствовал с секретарями городских райкомов партии во время своих поездок на предприятия, – говорилось в записке, – но он не выступал с критикой недостойного поведения Капустина и сам принимал участие в попойках с ним. Например, он пьянствовал с ним при отъезде в Москву в составе делегации г. Ленинграда на похороны товарища Щербакова А.С.»²⁵.

Лизунову вменили и отношения с Т.В. Закржевской, «морально разложившимся человеком», что знал о её самообогащении за счёт подведомственных предприятий, что она «выгорала жуликов», о проведении ею празднования в ресторане по поводу перехода на работу в ЦК, на что были потрачены средства Куйбышевского райкома и предприятий района. Как ука-

зывал партийный следователь, Лизунов считал такое поведение Закржевской нормальным, пытался её оправдывать даже после её ареста²⁶.

И Кедрову, и Лизунову (и, судя по всему, другим бывшим секретарям райкомов) в КПК указали на молчание по поводу царивших в Ленинграде «чуждых большевизму нравов самовосхваления, подхалимства и угодничества». Подтверждением тому служили следующие обстоятельства. Как только А.А. Кузнецов стал полноправным «хозяином Смольного», на первом же собрании партийного актива П.С. Попков «все важнейшие дела, связанные с обороной Ленинграда», приписал Кузнецову, «изображая его спасителем города». Во время отъезда Кузнецова на работу в Москву секретари райкомов преподнесли ему поздравительный адрес, в котором «в недостойных, угоднических выражениях» описывались его заслуги. Делегация партийных руководителей подарила Кузнецову модель памятника Петру I. Лизунову дополнительно указали на участие в застолье на даче А.А. Кузнецова, устроенном по случаю назначения последнего секретарём ЦК ВКП(б)²⁷.

Те же угодничество, подхалимство, участие в банкетах, «примиренческое отношение к антигосударственным действиям» бывших руководителей ленинградской парторганизации были предъявлены инспектору ЦК ВКП(б) Всеволоду Николаевичу Иванову, работавшему в 1940–1944 годах первым секретарём обкома и горкома ВЛКСМ, затем, до 1945 года, – секретарём Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. С ведома Иванова на ленинградских улицах и в музеях на самых видных местах вывешивались портреты А.А. Кузнецова, Я.Ф. Капустина и П.С. Попкова. В вину ему поставили также издание в Ленинграде в 1944-м и 1945 году сборников «Ленинград дважды орденоносный» и «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», которые были признаны «политически вредными материалами»²⁸.

В.Н. Иванову вменили также молчание по поводу известного ему «произвола и беззакония», которые А.А. Кузнецов, будучи членом Военного совета Ленинградского фронта, творил по отношению к офицерскому составу. В частности, Куз-

нецов без всякого основания в 1944 году приказал снять орден Красного Знамени с подполковника, члена партии И.К. Борщенко.

Среди прочих обвинений было и сокрытие фактов «разложения» среди комсомольского актива: «Так, в 1943 г. быв[ший] секретарь Фрунзенского райкома ВЛКСМ г. Ленинграда Сизов, напившись пьяным, в здании райкома ВЛКСМ застрелил инструктора райкома комсомола Харитонову, которую пытался изнасиловать. Горком комсомола и в частности Иванов, который был тогда первым секретарём горкома, приняли по этому беспринципному факту беспринципное, политически неправильное решение: квалифицировали как хулиганский поступок и не вскрыли наличия морально-политического разложения в руководящем составе райкома»²⁹.

Кроме того, В.Н. Иванова обвинили в «засорении» кадров вузов и научных организаций Ленинграда троцкистами, вернувшись из ссылки (подобные же обвинения – в проникновении троцкистов на руководящую работу и в партийный аппарат – были предъявлены Г.Т. Кедрову³⁰), а также в использовании материалов «врагов народа» при подготовке диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук³¹.

Спустя некоторое время в «деле» В.Н. Иванова появились дополнительные обвинения. Они были обнародованы первым секретарём горкома Ф.Р. Козловым в отчётном докладе на IX Ленинградской городской партконференции в мае 1950 года. Как отмечалось в докладе, «антипартийная группа» поставила во главе городской комсомольской организации «беспринципных и послушных ей людей» – Иванова, Чернецова и других, которые «...насаждали в комсомольских организациях пьянки, разврат, подхалимство и угодничество». В качестве примера Ф.Р. Козлов привёл следующий эпизод времён войны: «В 1943 году, когда Ленинград находился ещё в блокаде, под предлогом празднования 25-летия ВЛКСМ была организована попойка комсомольских работников в Кавголово, куда специальными автобусами было доставлено большинство руководящих комсомольских работников Ленинграда и области. Эта пьянка длилась в течение трёх суток»³².

Докладчика дополнил первый секретарь Ленинградского горкома ВЛКСМ В.В. Румянцев. Последний сообщил, что в 1948 году обком и горком ВЛКСМ подготовили большую книгу «Комсомол и молодёжь Ленинграда в Великой Отечественной войне Советского Союза», в которой были «увековечены» выступления и статьи Кузнецова, Попкова и Иванова и при этом не была показана роль Сталина в обороне Ленинграда³³.

Румянцев обвинил бывших руководителей обкома и горкома комсомола в сокрытии от ЦК ВЛКСМ различных недостатков в работе комсомольских организаций и в очковитирательстве, а именно – в утаивании «многочисленных фактов аморальных поступков и других отрицательных явлений среди молодёжи». Кроме того – в нарушении «партийного большевистского принципа подбора и воспитания кадров», подхалимстве, угодничестве, организации попок за счёт комсомольских средств, неправильном премировании, барском отношении к молодёжи. Выступавший привёл примеры существовавшей практики премирования: «В 1945 году были премированы 34 работника обкома и горкома комсомола за активное участие в Великой Отечественной войне, в том числе Чернецов – 2000 рублей, хотя на фронте он не был, Воронин – 1500 рублей, Прохорова – 2500 рублей. В 1943 году была выдана премия в сумме 3500 рублей бывшему секретарю обкома и горкома комсомола Иванову за активное участие в социалистическом соревновании по сбору и отгрузке металлолома»³⁴.

В.В. Румянцев назвал суммы, которые тратились из комсомольского бюджета на обеспечение секретарей обкома и горкома ВЛКСМ: «Только в 1944–1945 годах секретарям обкома и горкома комсомола по неполным данным было выдано продуктов на 24 000 рублей, в том числе водки – на 6000 рублей. За этот же период времени куплено папирос 5000 пачек на 33 900 рублей. Дело дошло до того, что даже приёмы иностранных делегаций превратили в организацию попок, на что израсходовано 475 000 рублей. В результате незаконного расходования комсомольских средств, злоупотреблений, в которых повинны Иванов, Чернецов, Воронин, Ситников, за период 1942–1948 годов нанесён ущерб государству в сумме более 800 000 рублей»³⁵.

Румянцев обвинил прежнее комсомольское руководство в «непартийных нравах», семейственности и бытовом разложении, которые распространялись на райкомы и первичные организации. Он привёл тот же пример с секретарём Фрунзенского райкома ВЛКСМ Сизовым, застрелившим инструктора райкома «на почве пьянства и разгула». В качестве другого примера был приведён факт растраты комсоргом ЦК ВЛКСМ на заводе «Электросила» Чернухиным членских взносов в размере 22 300 рублей³⁶.

Не только в КПК при ЦК ВКП(б), но и в Ленинградском обкоме ВКП(б) тоже рассматривались так называемые «персональные дела» высокопоставленных ленинградских чиновников. Так, в начале сентября 1949 года обком партии рассмотрел «дело» Михаила Алексеевича Таирова – первого заместителя председателя Ленинградского облисполкома. Таирова, отвечавшего за сельское хозяйство, обвинили в том, что он «...в своей практической работе встал на антипартийный путь срыва мероприятий партии и правительства, направленных на укрепление экономики области». Этот «антипартийный путь» в практической работе включал в себя недостатки в работе колхозов и сельскохозяйственных органов, невыполнение областью планов по развитию общественного животноводства и повышению продуктивности скота, отсутствие прочной кормовой базы, наличие у колхозного скота туберкулёза и бруцеллёза, низкую культуру земледелия и т. п.³⁷

Из формулировок решения бюро сложно понять, какова была степень персональной ответственности Таирова, предпринимал ли он со своей стороны усилия для преодоления перечисленных недостатков, и вообще, имел ли возможность коренным образом переломить ситуацию в сельском хозяйстве области.

Другие обвинения в адрес М.А. Таирова звучали куда убедительнее. В частности, как установило бюро обкома, с его ведома управление сельского и колхозного строительства сообщило в правительственные органы «ложные, очковтирательские сведения» о том, что в Ленинградской области были ликвидированы землянки, а люди, проживавшие в них, были переселены в новые дома. На самом же деле в землянках продолжали жить около 400 колхозников.

Некоторые обвинения в адрес Таирова относились ко времени его руководства Ленинградским областным земельным отделом (в 1941–1947 годах). «Будучи начальником облзо, Таиров попустительствовал растратам, хищениям и бесконтрольному расходованию сельскохозяйственных продуктов, за что прокуратурой области должен был быть привлечён к ответственности, – говорилось в решении бюро обкома, – но по указанию бывших секретарей обкома ВКП(б) Григорьева и Бадаева Таиров не только не был привлечён к ответственности, а в 1947 г. был выдвинут на пост первого заместителя председателя исполкома областного совета депутатов трудящихся»³⁸.

Кроме того, Таирова обвинили в подхалимстве перед П.С. Попковым и Н.В. Соловьёвым и признали «в бытовом отношении разложившимся». Бюро обкома сняло М.А. Таирова с работы и исключило из партии. Секретариат ЦК удовлетворил просьбу обкома о смещении Таирова с должности, а предложение об его исключении из рядов партии передало на рассмотрение в КПК при ЦК ВКП(б). Впрочем, сам Таиров к тому времени был уже арестован³⁹.

Следует отметить, что не сразу после смещения с постов «ленинградских вождей» – П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина и П.Г. Лазутина – и назначения первым секретарём обкома и горкома В.М. Андрианова в Ленинграде начались тотальные кадровые чистки, и абсолютно всем прежним руководящим кадрам было выражено политическое недоверие. Поначалу на главные посты в Ленинградском горкоме ВКП(б) и Ленинградском горисполкоме, ранее занимавшиеся Я.Ф. Капустиным и П.Г. Лазутиным, были выдвинуты те же ленинградцы. Правда, по разным причинам в этих высоких кабинетах они надолго не задержались.

«Осудить антипартийное поведение второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Николаева Н.А. ...»

4 апреля 1949 года членам пленума Ленинградского горкома ВКП(б) представили Николая Александровича Николаева в качестве нового второго секретаря горкома партии. Высту-

пая от имени бюро горкома ВКП(б), секретарь горкома П.И. Левин охарактеризовал Николаева следующим образом: «Товарищи, бюро городского комитета партии, рассматривая этот вопрос, учитывало, что выполнять эту работу – второго секретаря Ленинградского горкома партии – может человек, который, безусловно, знает партийную работу, хорошо знает нашу промышленность, городское хозяйство, высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты и другие многочисленные организации нашего города. Бюро также учитывало, что для выполнения этой высокой роли в горкоме партии нужен такой человек, который принципиален, партийный человек, обладающий высоким общеобразовательным и политическим кругозором. Учитывая всё это, бюро городского комитета партии решило утвердить вторым секретарём товарища Николаева Николая Александровича. Поддерживая это предложение, я прошу и членов пленума поддержать и избрать товарища Николаева Николая Александровича вторым секретарём городского комитета партии»⁴⁰.

К Н.А. Николаеву в тот момент никаких претензий не было. Утверждать это можно хотя бы потому, что Николаев одновременно с должностью второго секретаря Ленинградского горкома получил место депутата в Верховном совете СССР. 29 марта 1949 года Политбюро утвердило решение пленума ленинградских обкома и горкома о снятии Капустина с поста второго секретаря горкома и приняло предложение тех же обкома и горкома о назначении на его место Николаева, а уже 31 марта одобрило предложение Ленинградского горкома об утверждении Николаева кандидатом в депутаты Верховного совета СССР по Володарскому избирательному округу г. Ленинграда (при этом интересно отметить, что новому председателю Ленинградского облисполкома И.Д. Дмитриеву тем же решением Политбюро от 31 марта досталось лишь место в Верховном совете РСФСР, что лишний раз подчёркивало значимость должности второго секретаря горкома ВКП(б) в ленинградских властных структурах)⁴¹. Если бы к Николаеву в тот момент имелись какие-либо претензии, то Андрианов и Старая площадь не стали бы санкционировать начало его избиратель-

ной кампании, неизбежно сопровождавшейся высокой оценкой деятельности кандидата⁴².

А спустя несколько месяцев, в августе, тридцатидевятилетнего Н.А. Николаева нашли мёртвым в своей квартире. Николаев решил свести счёты с жизнью после того, как в Смольном была запущена процедура по его отстранению от должности. В вину второму секретарю горкома поставили помощь в трудоустройстве некоторым из снятых со своих постов ленинградским руководителям, а также попытки повлиять на ход следствия⁴³.

Стремление пристроить опальных начальников обернулось для Н.А. Николаева тем, что он сам очутился на их месте. 20 августа 1949 года на бюро горкома было принято постановление, формулировки которого не только означали его смещение с занимаемой должности, но и поставили под сомнение его членство в партии: «Осудить антипартийное поведение второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Николаева Н.А. как вредное для дела сплочения городской партийной организации, идущее вразрез с постановлением ЦК ВКП(б) и февральского пленума обкома и горкома ВКП(б). Снять Николаева с поста второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) и вывести его из состава членов бюро и пленума горкома ВКП(б)»⁴⁴. Следом это решение должен был утвердить пленум горкома, возможно – и бюро обкома, а уже затем – ЦК ВКП(б).

Предчувствуя ли арест, так как некоторые фигуранты «ленинградского дела» уже оказались за решёткой, либо тяжело переживая предъявленные партийные обвинения, так или иначе Николаев не стал дожидаться последствий этого решения. В ночь с 25 на 26 августа, когда в квартире никого больше не было, он написал записку, что уходит из жизни честным коммунистом и никакой вины за ним нет, открыл все конфорки газовой плиты и лёг в постель⁴⁵. Смерть Николаева, тем не менее, не остановила процедуру его отстранения от должности, а значительно ускорила этот процесс. Не дожидаясь голосования на пленуме Ленинградского горкома, в тот же день, 26 августа, Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил решение бюро Ленинградского горкома, полностью его процитировав, а уже на следующий день, 27 августа, то же самое было сделано на уровне Политбю-

ро. Пленум горкома решили не созывать, 29 августа члены пленума горкома путём опроса проголосовали за утверждение постановления бюро горкома о Николаеве⁴⁶.

Спустя почти год на IX Ленинградской городской партконференции первый секретарь горкома ВКП(б) Ф.Р. Козлов пояснил претензии к Н.А. Николаеву и другим секретарям горкома: «Бывшие секретари горкома Николаев, Левин и Щербаков исподволь, воровским путём, втайне от бюро горкома, всячески защищали и ограждали участников и пособников главарей антипартийной группы от советского правосудия и суда партийных масс. Снятого с работы за антипартийные действия и отданного под суд за тяжкие преступления против государства Решкина они в обход бюро горкома пытались спасти от ответственности перед советским правосудием и хотели устроить его на крупную руководящую хозяйственную работу. В обход бюро городского комитета партии Николаев стремился устроить на руководящую работу бывшего управделами обкома и горкома партии Михеева, бывшего помощника Попкова – Макарова, бывшего заведующего отделом горкома Павлова, которые за свои антипартийные действия были сняты с занимаемых постов и исключены из партии. Он также пытался устроить Бубнова – этого матёрого расхитителя государственной собственности и организатора массовых попок и злоупотреблений – начальником Ленинградского управления санаториями и домами отдыха ВЦСПС»⁴⁷.

Как минимум неосмотрительностью и необычайной самоуверенностью можно назвать действия Николаева и других, пытавшихся пристроить на «тёплые места» снятых за злоупотребления руководителей. Не исключено, что за попыткой спасти проворовавшихся чиновников от уголовной ответственности стояло не столько «благородство», желание оказать помощь «попавшим в беду» коллегам, а стремление отвести удар от себя как получателей незаконных, сверхлимитных материальных благ. Впрочем, окончательные выводы должны последовать лишь только после рассекречивания всего комплекса архивных документов.

В отличие от Н.А. Николаева, претензий к работе председателя Ленинградского горисполкома – преемника П.Г. Лазутина – новое ленинградское руководство по большому счёту не имело:

кандидатура нового «хозяина» Мариинского дворца, где в послевоенные годы располагался Ленсовет, их вполне устраивала. Но камнем преткновения в его карьере стали давние грехи на прежней работе, включая те, что имели место в военную пору.

«Дело» председателя Ленинградского горисполкома Андрея Кузнецова

Бывший директор Ижорского завода Андрей Алексеевич Кузнецов был утверждён председателем Ленинградского горисполкома решениями Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1949 года. Перед этим его кандидатура, разумеется, прошла проверку в кадровой службе ЦК партии и получила там полное одобрение. Однако вскоре на Старую площадь поступили материалы о «недостойном поведении» А.А. Кузнецова в его бытность директором Ижорского завода. Задание разобраться с предъявленными обвинениями получили сразу две партийные инстанции – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и та, что ещё недавно дала положительное заключение по кандидатуре Кузнецова – отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК. В Ленинград с проверкой выехали контролёр КПК Аблазов и инспектор ЦК ВКП(б) Пушкин⁴⁸.

Как установили проверяющие, работая с 1941 по 1949 год директором Ижорского завода, А.А. Кузнецов «вёл себя недостойно». «В тяжёлый период блокады Ленинграда он организовывал вечеринки, коллективные пьянки, на которые незаконно использовались продукты из фондов рабочего снабжения, – отмечали они в служебной записке. – <...> Выпивки и банкеты устраивались т. Кузнецовым и в послевоенные годы, на что также расходовались государственные средства и нормированные продукты»⁴⁹.

Директор завода пьянствовал не один, а щедро делился имеющимися в его руках благами с нужными людьми. В годы блокады к застолью приглашал первого секретаря Колпинского райкома ВКП(б) П.И. Иванова, заводского парторга ЦК ВКП(б) Семейкина и других. Во время войны и после неё завод посеща-

ли главные городские начальники П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, Н.А. Николаев, которым Кузнецов накрывал стол со спиртным. Столь же тёплой встречи удостоился прибывший на завод работник министерства. Директор выпивал также с прокурорскими работниками района и города, не скупился на подарки руководству райкома партии, райисполкома, сотрудникам прокуратуры, суда, органов МВД и МГБ.

Налаженные неформальные коммуникации позволяли А.А. Кузнецову чувствовать себя достаточно уверенно. Скрыть от чужих глаз попойки и разбазаривание продуктов в голодные годы ему не удавалось, но, используя свои связи, Кузнецову всегда удавалось «выйти сухим из воды». Так, заместитель секретаря заводского парткома, старый рабочий Косаревский ещё в 1942 году писал в Ленинградский обком ВКП(б) о пьянстве и злоупотреблениях директора завода Кузнецова, секретаря райкома Иванова и своего начальника, парторга ЦК Семейкина. Однако реакция последовала совсем не та, на которую рассчитывал Косаревский: заявителя самого убрали и из парткома, и с завода. В 1947 году из органов прокуратуры был уволен помощник прокурора Колпинского района Катков, который был слишком настойчив в разоблачении расхитителей на заводе, особенно начальника заводского ОРСа С.М. Бенцианова.

В 1946 году органы ОБХСС г. Ленинграда выявили факты хищений и незаконного расходования нормированных продуктов и товаров широкого потребления в ОРСе Ижорского завода. Общий ущерб составил без малого 2,5 миллиона рублей. Основным виновником следствие назвало начальника ОРСа С.М. Бенцианова, по указанию которого и с ведома директора завода Кузнецова расходовалось большое количество продуктов «на проведение вечеров, банкетов и групповых пьянок». «Таким путём только с июня 1945 г. по март 1946 г. было незаконно израсходовано 4072 кгр мяса, 937 кгр кондитерских изделий, 725 кгр жиров, 4761 кгр крупы и многое другое, – сообщали в служебной записке Аблазов и Пушкин. – Лишь по сохранившимся запискам Бенцианова было израсходовано нормированных продуктов на 73 тыс. руб. Кроме того, им лично бесплатно и без карточек получено 97 кгр мяса, 46 кгр сливочного масла, 95 кгр

белого хлеба, 155 кг овощных консервов и 3 ящика мандаринов»⁵⁰.

Бенцианова ждала суровая ответственность. Однако прокуратура г. Ленинграда переквалифицировала его действия на более мягкую статью. Директор завода Кузнецов прибыл в суд и на закрытом судебном заседании заявил, что Бенцианов ни в чём не повинен, так как действовал по его указаниям. Государственным обвинителем на суде выступал районный прокурор Вершинин, который сам получал продукты на заводе, участвовал в застольях с работниками завода. В результате начальник ОРСа был осуждён только к трём годам лишения свободы. Но и это не устроило обвиняемого. По кассационной жалобе Бенцианова решение городского суда было пересмотрено. При вторичном рассмотрении дела Вершинин вовсе отказался от обвинений, в результате Бенцианов был осуждён лишь к одному году лишения свободы. Однако и это решение было отменено Верховным судом РСФСР по ходатайству заместителя министра транспортного машиностроения СССР А.Н. Мосина, а уголовное дело было прекращено. Кузнецов добился восстановления Бенцианова в партии и вновь назначил его на прежнюю должность начальника ОРСа.

Кузнецов, как выяснилось, имел сразу две квартиры: одна была в городе, другая – на заводе, и в той, и в другой за счёт завода содержал домработниц. В годы блокады разжился мебелью, но положенной амортизации за неё не платил. С ленинградского завода № 174 взял себе в личное пользование пианино⁵¹.

Но то были мелочи, если иметь в виду некоторые его действия как руководителя крупного предприятия. В стремлении продемонстрировать перед Москвой успехи возглавляемого им завода, А.А. Кузнецов в апреле 1945 года сообщил в наркомат о выпуске заводом 1000 тонн проката, в то время как реально было произведено в 10 раз меньше – 94 тонны. Чтобы документально подтвердить «достижения», он приказал начальнику цеха Фориенкову оформить фиктивный документ о выпуске тысячи тонн проката. В начале 1948 года Кузнецов сообщил по телефону в министерство о восстановлении и пуске в эксплуатацию станов в сталепрокатном цехе, что не соответствовало действительности.

Присутствовавшие при этом главный инженер завода Якимович и начальник производства Сочивко возмутились очковтирательством директора. В ответ Кузнецов их выругал и заявил, что те ничего не понимают в таких делах⁵².

Материалы проверки Аблазова и Пушкина были рассмотрены на заседании бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) 6 апреля 1950 года. На заседании присутствовали сам А.А. Кузнецов, бывший парторг ЦК на заводе Кучкин и бывший работник прокуратуры Колпинского района Катков. Ленинградский обком ВКП(б) представлял секретарь партколлегии при обкоме и горкоме А.Я. Новиков. Кузнецову удалось сохранить партбилет: бюро КПК ограничилось объявлением ему строгого выговора с предупреждением и занесением в учётную карточку «за недостойное поведение в бытность директором Ижорского завода». Ленинградскому обкому было поручено рассмотреть вопрос о партийности бывшего начальника ОРСа С.М. Бенцианова⁵³.

Рассмотрение «дела» в цеховской комиссии партконтроля подорвало позиции А.А. Кузнецова в ленинградских властных структурах, что отчётливо проявилось в ходе состоявшейся в конце мая – начале июня 1950 года IX Ленинградской городской конференции ВКП(б). Поначалу ничто не предвещало «грозы»: Кузнецов был избран в состав президиума конференции, в отчётном докладе Ф.Р. Козлова резкой и персональной критики в адрес председателя горисполкома не прозвучало. Прозвучала она в выступлении первого секретаря Колпинского райкома ВКП(б) Н.В. Подгорнова. Секретарь райкома рассказал, что председателем Колпинского райисполкома в начале 1950 года был избран бывший парторг ЦК ВКП(б) Ижорского завода Кучкин. Последний никак не мог пробиться на приём к Кузнецову по различным районным делам, на все попытки получал один ответ: «Товарищ Кузнецов принять не может, он очень занят». Секретарь райкома усомнился, что проблема крылась в занятости председателя горисполкома. «Истинная же причина здесь заключается в том, что товарищ Кучкин не постеснялся рассказать горкому и ЦК ВКП(б) о некоторых фактах непартийного поведения товарища Кузнецова в бытность его директором Ижор-

ского завода, за то, что товарищу Кузнецову Центральный комитет вынес строгое партийное взыскание, – говорил с трибуны Н.В. Подгорнов. – Вот товарищ Кузнецов и решил, что можно отыграться на товарище Кучкине. Вместо мужественного восприятия правильной критики товарищ Кузнецов пытается заглушить эту критику путём ряда санкций, которые он применяет к товарищу Кучкину и Колпинскому райсовету. Надо вам сказать, товарищи, что товарищ Кучкин выразил мнение не только личное своё, но и мнение большинства трудящихся и коммунистов Колпинского района. Мнение же наше таково, что товарищу Кузнецову надо сделать такой вывод: или коренным образом изменить стиль своей работы, учесть критику, которая имела в его адрес на городской партийной конференции и бюро горкома ВКП(б), или по-честному заявить, что он не в состоянии обеспечить, коренным образом изменить работу Ленинградского совета»⁵⁴.

Резкую адресную критику Подгорнова другие выходившие к трибуне делегаты не поддержали. Тем не менее, когда выступал сам А.А. Кузнецов, то ему не дали сказать всё, что он запланировал, хотя, как правило, регламент на выступления секретарей горкома и председателя горисполкома жёстко не распространялся. Причём голоса из зала: «Хватит. Регламент» – раздались как раз в тот момент, когда председатель горисполкома решил остановиться на вопросах критики. Из президиума, судя по стенограмме, предложение предоставить дополнительное время не поступило, и Кузнецов покинул трибуну. Окончательно судьба председателя горисполкома стала ясной, когда его кандидатура не была включена в список для тайного голосования по составу членов Ленинградского горкома ВКП(б)⁵⁵ (председатель горисполкома по должности входил в состав бюро горкома партии).

В ходе обсуждения кандидатур от делегатов досталось двум заместителям А.А. Кузнецова. Одному из зампредов – Н.И. Овчинникову – задали вопрос о его даче. Тот свою вину признал, сказал, что при возведении дачи в Комарово незаконно использовал стройматериалы, но отчитался, что дачу сдал в ту организацию, которой принадлежали эти стройматериалы. «Дачу товарищ Овчинников сдал», – подытожил председатель-

ствующий Ф.Р. Козлов и предложил оставить его кандидатуру в списке для голосования. Делегаты согласились⁵⁶.

Другому заместителю – М.А. Сорокину – повезло меньше. Делегаты обвинили его в грубости, администрировании и в плохой работе подчинённых ему городских строительных организаций. Ф.Р. Козлов после прений встал на защиту очередного заместителя председателя горисполкома: «Я думаю, что товарищ Сорокин должен учесть, что он допустил неправильность. Но в Ленсовете он ведёт себя хорошо, энергично работает. Действительно, строительство отстаёт, но товарищ Сорокин принимает ряд энергичных мер для того, чтобы поправить положение со строительством. Поэтому считал бы целесообразным товарища Сорокина оставить в списках». Тем не менее, заступничество первого секретаря горкома Сорокина не спасло: 729-ю голосами против 136-ти его кандидатура была удалена из списка⁵⁷.

Если участь М.А. Сорокина после провала при голосовании в состав горкома ВКП(б) была туманной, то в случае с его непосредственным начальником А.А. Кузнецовым всё уже было predetermined: в первой половине июля 1950 года решениями Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) он был освобождён от обязанностей председателя Ленинградского горисполкома⁵⁸.

«...У нас подбирали кадры не по принципу деловых качеств, а по принципу, как человек умеет правильно в рот смотреть, улыбаться и потрафлять начальству»

О принципах подбора кадров в ленинградских властных структурах достаточно говорилось на февральском пленуме обкома и горкома 1949 года. Уже тогда прозвучали претензии к бывшему «хозяину Смольного» А.А. Кузнецову и его преемнику П.С. Попкову.

«Многие товарищи знают, как товарищ Кузнецов расценивал подбор руководящих кадров, – говорил на пленуме первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Л.С. Ананьев. – Он считал так: завотделом, секретарь райкома партии должен быть такой человек, которого я должен лично знать. Мы не придавали

значения этому, считали, что, может быть, и правильно, чтобы первый секретарь обкома и горкома знал руководящие кадры, но под этим “лично” подразумевается теперь несколько иное. Промахи группы людей, которые входили в доверие к руководству, к первому, второму секретарю, подчас их промахи в работе, отдельные недостатки не ставились на принципиальную политическую высоту, а “смазывались”»⁵⁹.

В качестве примера Ананьев привёл продвижение по служебной лестнице пресловутого А.Я. Тихонова, который, по мнению оратора, будучи руководителем районов, допускал крупные ошибки в работе, а Смольный эти ошибки якобы не замечал. По мнению Ананьева, Тихонов «выродился» во властолюбца, «...который любой ценой стремится пройти выше по своей партийной карьере...». Тихонову наверху благоволили: «Активу достаточно вспомнить любой пленум, кто открывает пленум? Обязательно секретарь Кировского райкома товарищ Тихонов. Кто открывает актив? Обязательно Тихонов. И так далее. Почему создавали такой ореол славы? За какие его заслуги?»⁶⁰.

«Я считаю, товарищ Маленков, что у нас вопрос подбора кадров в городе поставлен явно неправильно, что у нас подбирали кадры не по принципу деловых качеств, а по принципу как человек умеет правильно в рот смотреть, улыбаться и потрафлять начальству, – заявил на пленуме директор завода «Большевик» И.И. Егоренков. – Если работник удовлетворял этим качествам – был годен для работы в партийном и советском аппарате, если нет, то такой работник был неудобен. Принцип подхалимства имел решающее значение при подборе кадров. И с Тихоновым так получилось. Тихонов имел большой штраф перед партией, и только из-за беспринципности партийного актива и покровительства, которое имело место со стороны товарища Кузнецова, Тихонов в своё время не был снят с председателей райсовета за допущенную им грубейшую ошибку»⁶¹.

Директор завода рассказал, что об «ошибках» Тихонова знали П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, Г.Т. Кедров и другие члены бюро и работники горкомовского аппарата, но никто из них не воспрепятствовал выдвижению Тихонова на руководящие посты и в депутаты. Кроме того, Егоренков привёл иные примеры не-

удачных, по его мнению, кадровых назначений. В частности – выдвижение в секретари обкома В.А. Колобашкина, который, будучи секретарём Невского райкома, ради того, чтобы пустить «пыль в глаза» – показать работу райкома с наилучшей стороны, заставлял заводы идти на нарушения постановления ЦК и незаконно расходовать средства. «Показательная сторона в работе товарища Колобашкина удовлетворяла полностью руководство, что и послужило причиной взятия его в аппарат областного комитета», – заявил Егоренков⁶².

Об ошибках в подборе кадров говорила первый секретарь Куйбышевского райкома М.А. Вознесенская, впоследствии осуждённая к расстрелу по «ленинградскому делу». Она отметила, что при выдвижении работников и при оценке их деятельности зачастую исходили не из их деловых и политических качеств. «Как многие из нас оценивали деятельность товарища Тихонова? – говорила она с трибуны пленума. – Как большого говоруна, который без записи может говорить большое количество времени на любую тему, как человека, который может красиво выступать. Все его выступления всегда отличались большой поверхностностью, непродуманностью, неубедительностью, а тем не менее, этот человек оказался для нас совершенно неожиданно выдвинутым в аппарат городского комитета партии. Возьмите товарища Колобашкина. Товарищ Колобашкин очень умел показать свою работу и красиво выступать. Он крайне нетерпимо относился к малейшим критическим замечаниям. Вызывало законное возмущение и недоумение, почему так долго этот секретарь не по заслугам пользуется безапелляционным авторитетом. Между тем, как только более серьёзно просматривалась практическая его работа, то всегда обнаруживались крупнейшие недостатки, а порой и прорывы в районе. Слушался вопрос о руководстве комсомольской организацией, слушался вопрос о работе промышленности – крупнейшие предприятия района находились систематически в прорыве, какой бы вопрос ни взяли, всегда обнаруживались крупнейшие недостатки. И, тем не менее, этот человек всегда умел, что называется, подать работу свою так, что он всегда на виду и всегда красиво у него получалось»⁶³.

Негативно отзывались о В.А. Колобашкине и другие участники пленума.

«Возьмите Колобашкина, – говорил заведомом машиностроения Ленинградского горкома В.П. Щербаков. – Нечестный он человек, я никогда этого не скрывал. Как выборы в Верховный совет, всегда у него были красивые цифры, и когда товарищ Левин со своим аппаратом уличил его, городской комитет партии не вынес решения, не желая выносить сор из избы. Когда мы подводили итоги работы промышленности за каждый месяц, у Колобашкина всегда были красивые цифры. Когда я выступил и сказал, что у Колобашкина очень плохие результаты с пополнением рабочих кадров на заводе “Экономайзер”, товарищ Колобашкин вынимает документ, потрясает им, заявляет: “Ложь, клевета”. А после бюро я вызвал представителя завода “Экономайзер”, и тот рассказал, что, оказывается, Колобашкин вызвал руководителей заводов, “накачал” их, срочно получил документ и явился с ним на бюро. Что, товарищам Капустину и Попкову не были известны эти методы Колобашкина? Конечно, были, но Колобашкин всегда находил поддержку и у товарища Попкова, и у товарища Капустина»⁶⁴.

Секретарь горкома П.И. Левин на пленуме отмечал, что Колобашкин «страдает манией величия и нечистоплотностью». Кроме того, Левин тоже «проехался» по Тихонову и заодно рассказал о покровительстве некоторым секретарям райкомов, уличённым в использовании служебного положения для собственного материального обогащения (хотя в будущем получит те же обвинения в свой адрес): «Третий пример – Стельмахович, бывший секретарь Кронштадтского райкома партии. Снимают его с работы за нехорошее поведение, антипартийное поведение, кстати, уже повторное. Раз нахватал мебель у кого-то из известных людей нашего города во время блокады. Горком ему простил. Второй раз в Кронштадте в Осоавиахиме он берёт и ломает печь, и везёт в город Ленинград. Дело дошло до ручки, надо снимать с работы. Сняли. Не успел я прийти из отпуска, как он очутился парторгом ЦК на заводе № 272. Почему? Это номенклатурная должность бюро горкома. Неправильное действие»⁶⁵.

Секретарь обкома В.А. Колобашкин в конце прений взял слово для справки и возразил на обвинения в предоставлении недостоверных сведений о работе промышленности. Кроме того, признал и раскаялся, что давал указания о фальсификации результатов тайного голосования, при этом невольно подтвердил некоторые характеристики, прозвучавшие в его адрес на пленуме. «Я, товарищи, совершил очень грубую политическую ошибку, – заявил Колобашкин. – Дело обстояло следующим образом. Я был представителем обкома партии на Волховской городской партийной конференции. На этой конференции баллотировались три члена Политбюро на областную и городскую конференцию, и я дал там указание председателю счётной комиссии и секретарю горкома партии о том, что в случае, если против членов Политбюро будут голоса, эти голоса при объявлении не показывать. В этом моя глубокая ошибка, так как члены Политбюро не нуждались в такой директиве и были избраны единогласно. Моя ошибка усугубляется тем, что, когда я был вызван в Центральный комитет партии, после конференции прошло два с половиной месяца, и на вопрос, давал ли я такие указания насчёт подсчёта голосов за членов Политбюро и товарища Попкова, мною было отвечено, что я никаких указаний не давал. Это произошло не потому, что я хотел тогда скрыть. Сейчас можно верить мне, можно не верить. Но у меня просто был значительный провал в памяти, и когда потом стали дальше рассматривать дело в ЦК, все эти факты были установлены. Это, конечно, глубочайшая моя ошибка, и за эту грубую политическую ошибку я должен нести то наказание, которое сейчас вынесет мне пленум областного и городского комитетов партии. Является ли это моей системой? Здесь некоторые товарищи, когда рассматривали мою деятельность (конечно, в моей работе было много ошибок), но кое-кто из товарищей и перехлестнули это дело, я не буду на этом останавливаться. Вслед за этим я был на партийной конференции Кингисеппского района, где также баллотировались члены Политбюро и баллотировался Пётр Сергеевич Попков, и на этой конференции я никаких указаний не давал. Здесь присутствует секретарь этого райкома партии. Это свидетельство того, что у меня не было системы, это была грубая по-

литическая ошибка, за которую я должен нести и несу ответ перед нашей партией»⁶⁶.

Колобашкин, обращаясь к Маленкову, выражал готовность понести любое наказание, воспринять его как должное, но тут же просил учесть своё многолетнее пребывание в партии, участие в войне и отсутствие выговоров за двадцать лет «активной работы»⁶⁷.

Из выступлений на пленуме, хотя, как потом выяснилось, о многом его участники предпочли умолчать, тем не менее, следовало, что кадры в Ленинграде подбирались часто не по их деловым качествам, или, по крайней мере, это не было основным приоритетом в кадровой политике Смольного. Главное, чтобы они были послушными, преданными и услужливыми. Здесь же кроется причина негативного отношения к присланным в Ленинград «чужим» кадрам, «варягам», которые не знали и не воспринимали местные порядки. К примеру, командированный по направлению Министерства путей сообщения на должность начальника ленинградского филиала «Метропроекта» услышал от инструктора отдела кадров горкома, что его кандидатура не устраивает горком, так как на этой должности должен быть ленинградец. «Хозяйка Куйбышевского района» Т.В. Закржевская не раз прямо заявляла начальнику «Ленметростроя» и тоже «варягу» К.А. Кузнецову, что он приехал не куда-нибудь, а в Ленинград, что это ему не Хабаровск и не Киев. Она привела в пример одного из работников, присланного в Ленинград министерством, который не слушал местное начальство и в итоге уехал со строгим выговором и ещё благодарил её, Закржевскую, за преподнесённый ему урок. Как и в Смольном, Закржевская негативно воспринимала сам факт направления в Ленинград московских метростроевцев. Зато её не беспокоило, что среди ленинградских метростроевцев сформировалась группа, занимавшаяся продажей материалов на сторону, строительством дач и другими подобными делами. Разумеется, эта группа восприняла прибытие «москвичей» так же, как и «хозяйка района», – резко негативно⁶⁸. Мнение последней вполне объяснимо, ведь она была не прочь попользоваться ресурсами с подведомственных предприятий. Почему она должна была хорошо относиться к К.А. Кузнецову,

когда не он, а начальник трамвайно-троллейбусного управления М.Х. Сорока организовывал ей застолье в ресторане и подарки в связи с отъездом на работу в Москву? Потому Сорока заслужил благодарственный поцелуй от важной, сейчас уже цековской чиновницы⁶⁹.

В ленинградских властных структурах процветало использование служебного положения в личных целях, дезинформация высших властных инстанций, пьянство, круговая порука. В голодные годы ленинградская партноменклатура устраивала банкеты и вечера. Уличённые в растратах продуктов питания и в других злоупотреблениях чиновники, в том числе в страшное блокадное время, выводились из-под ответственности, уголовные дела по распоряжению из Смольного закрывались. Взамен за материальное благополучие, неподсудность и карьерный рост нижестоящие должны были восхвалять, создавать «авторитет», выслуживаться перед вышестоящими, в первую очередь – первыми лицами города и области. Прикормленные, послушные и исполнительные, хитрые и изворотливые партаппаратчики обязаны были исполнить любую волю «хозяев Смольного», создавать видимость благополучия и не замечать недостатков и проблем, которые могли бы уронить «хозяев» в глазах Центра, навредить их репутации и карьере. Вновь, как это было до 1937 года, главных начальников города и области чуть ли не открыто стали нарекать «вождями», их портреты вывешивались на улицах и даже в музеях.

Обвинения в подборе кадров не по деловым качествам, а по другим соображениям наносили дополнительный удар как по руководителям Ленинграда, так и, в большей степени, по недавнему главному кадровику ЦК ВКП(б) и страны А.А. Кузнецову. Выходило так, что Сталин приблизил к себе, включил в состав высшего руководства и доверил возглавлять кадровую службу человеку, который игнорировал его же, Сталина, установки о принципах подбора и распределения кадров.

Эти обвинения значительно пополнили и без того внушительный компрометирующий материал на «ленинградцев», исподволь накапливавшийся в высоких властных кабинетах Кремля и Старой площади.

Глава V

Генеральная чистка «колыбели революции»

Вскоре после смены власти в Смольном в Ленинграде начались масштабные кадровые чистки. В массовом порядке заменялись работники аппаратов обкома и горкома, начиная с руководителей и заканчивая техническими сотрудниками¹. На вакантные места в аппарате подбирались новые партийцы, но и те надолго не задерживались. Секретари райкомов не успевали запоминать фамилии сотрудников отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов горкома, настолько часто они менялись. Длительное время вакантными оставались места в руководстве отдела машиностроения и отдела тяжёлой промышленности. Ленсовет тоже был подвергнут кадровым чисткам: руководство Ленинградского горисполкома было полностью обновлено².

Кадровая чехарда охватила районный уровень ленинградских властных структур. Вслед за первыми лицами своих должностей в райкомах партии лишались рядовые сотрудники. Во многих районах сменились председатели райисполкомов и их заместители. Кадровые чистки устремились вниз – на различные предприятия, в учреждения и организации. Всего за период с февраля 1949-го по май 1950 года по номенклатуре Ленинградского горкома ВКП(б) было заменено 669 человек, из них 57 работали секретарями райкомов партии и 13 – председателями райисполкомов³.

Часто смещение с должностей, – в первую очередь это касалось различных руководящих работников, – сопровождалось исключением из партии: в вину им ставили связь с бывшим «антипартийным руководством». Сама процедура исключения из пар-

тии, по свидетельству испытавших её на себе, была поставлена на конвейер и много времени не занимала. Дополнительный импульс для расширения кадровых чисток в Ленинграде придал судебный процесс над «центральной группой» обвиняемых по «ленинградскому делу» и следовавшие за ним другие судебные процессы⁴.

Новый «хозяин Смольного» Василий Андрианов

Судя по документам, масштабы кадровых чисток в городе во многом определяли новые руководители Ленинграда и области. Место П.С. Попкова в Смольном в феврале 1949 года занял член ЦК ВКП(б), депутат Верховного совета СССР Василий Михайлович Андрианов – опытный и титулованный партийный начальник. В годы войны Андрианов возглавлял Свердловский обком и Свердловский горком ВКП(б), за выполнение заданий Правительства по выпуску военной продукции был удостоен четырёх орденов Ленина. В 1946 году он был переведён на руководящую работу в цековский аппарат и получил статус члена Оргбюро ЦК ВКП(б), работал заместителем заведующего оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б), заместителем начальника управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) и заместителем председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР⁵.

В конце 1938 года В.М. Андрианов сменил на посту первого секретаря свердловских обкома и горкома ВКП(б) К.Н. Валухина – профессионального чекиста, капитана госбезопасности, бывшего начальника омского областного УНКВД, возглавлявшего Свердловскую область лишь восемь месяцев. Неутешительные итоги, с которыми Свердловская область подходила к концу 1938 года, вынудили ЦК ВКП(б) учинить в области инспекторскую проверку. Итоги этой проверки легли в основу констатирующей части разгромного постановления Политбюро ЦК от 30 декабря 1938 года «О работе Свердловского обкома ВКП(б)», где, в частности, говорилось: «В результате отсутствия внимания со стороны Свердловского обкома ВКП(б) к вопросам

хозяйства, ни одна отрасль промышленности в Свердловской области не выполняет государственных планов, крупнейшие предприятия (заводы Востокостали, Уралвагонзавод и др.) находятся в прорыве, уборка урожая 1938 года была проведена с большими потерями хлеба, а часть картофеля осталась под снегом, государственный же план хлебопоставок до сих пор выполнен лишь на 67 %. <...> В результате игнорирования насущных нужд трудящихся города Свердловска, жилищное и коммунальное строительство в г. Свердловске ведётся совершенно неудовлетворительно, отпущенные правительством на эти цели средства использованы лишь наполовину, снабжение города картофелем и овощами фактически сорвано»⁶.

После своего назначения руководителем области В.М. Андрианов стал последовательно проводить в кадровой политике принципы подбора и назначения кадров, указанные И.В. Сталиным. Необходимо заметить, что сам Андрианов, как ни рвался, так и не сумел получить высшее образование: оба раза непреодолимым препятствием на его пути становились партийные инстанции, отзывавшие его с учёбы на руководящую партийную работу, и в итоге он так и остался с тремя курсами механико-математического факультета МГУ⁷. Тем не менее, это обстоятельство не помешало ему сразу по прибытии в Свердловск сделать ставку именно на специалистах высшей квалификации, разумеется, носивших в карманах партийные билеты. Первый секретарь обкома не опасался окружать себя более квалифицированными специалистами, нежели он сам: интересы дела новый руководитель области ставил выше личных. При комплектовании руководящими кадрами партийно-государственных структур он, прежде всего, обратил свой взор в сторону хозяйственников с высшим (реже – незаконченным высшим) техническим образованием и преподавательского состава технических вузов. Предпочтение отдавал специалистам с опытом работы хотя бы в низовых партийных организациях, ячейках: это не только лишней раз свидетельствовало о присутствии у них организаторских способностей, но и наличии хотя бы минимальных представлений о принципах функционирования партийно-государственной системы власти. Немаловажным было и то обстоятельство, что

анкетные данные таких кандидатов на должности неоднократно проверялись и перепроверялись в ходе чисток 1936–1938 годов.

На оставшийся длительное время вакантным пост председателя облисполкома Андрианов выдвинул горного инженера по образованию, тридцатитрёхлетнего директора Свердловского горного института И.Л. Митракова. В кабинет третьего секретаря обкома ВКП(б) (вторым секретарём в обком Москва прислала аграрника – двадцатидевятилетнего Ф.Д. Навозова) переехал выпускник этого же института, недавний инструктор в аппарате обкома партии и первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б) тридцатидвухлетний А.С. Некрылов (правда, с Некрыловым Андрианов не сработался и вскоре заменил его инженером-металлургом, выпускником Ленинградского индустриального института П.Н. Иванищеном). Своим заместителем по Свердловскому горкому (вторым секретарём) Андрианов назначил тридцатиоднолетнего В.И. Недосекина, прошедшего на Уралмашзаводе путь от бригадира до начальника механического цеха, одновременно получившего незаконченное высшее техническое образование и последние месяцы до перехода в горком работавшего первым секретарём Орджоникидзевского райкома ВКП(б) г. Свердловска. В конце 1939-го – начале 1940 года Андрианов «обескровил» Уральский индустриальный институт, забрал на руководящую партийную работу молодых доцентов, кандидатов технических наук А.Б. Аристова и Н.М. Лапотьшкіна, и поручил им заведовать соответственно промышленным и машиностроительным отделами обкома ВКП(б), кандидата экономических наук П.А. Жукова посадил на место заведующего промышленным отделом Свердловского горкома, а аспиранта и ассистента В.П. Головина поставил во главе Свердловского горисполкома. И в последующее время индустриальный институт, к несчастью для его директора А.С. Качко, регулярно «поставлял» во властные структуры своих лучших преподавателей и аспирантов⁸. Именно с этими кадрами Андрианов намеревался осуществлять реализацию постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1938 года, которым новому составу Свердловского обкома было предписано провести «...быстрейшую ликвидацию позорного отставания чёрной и цветной металлур-

гии, лесной промышленности, железнодорожного транспорта и устранение крупнейших недочётов в работе Уралэнерго», «особое внимание уделить развитию добычи топлива...», «...покончить с пренебрежительным отношением к вопросам сельского хозяйства...», «...исправить нетерпимое положение в городском хозяйстве и обслуживании культурно-бытовых нужд населения гор. Свердловска»⁹.

Нужно сказать, что Андрианову в достаточно короткие сроки удалось продемонстрировать свои организаторские способности. Пример тому – строительство крупных заводов в Нижнем Тагиле и Ревде. Строительство Новотагильского металлургического завода началось в 1930 году, ввести в строй его планировалось в середине 1934 года, однако даже спустя восемь лет строительная площадка металлургического и технологически связанных с ним коксохимического и огнеупорного заводов «...являла собой печальное зрелище заброшенности и запустения», состояла из котлованов, канав и остовов зданий промышленных объектов. Но уже в середине 1940 года заводы были введены в строй действующих, в короткие сроки были преодолены трудности этапа освоения производства¹⁰. Тогда же был пущен в эксплуатацию Среднеуральский медеплавильный завод, история строительства которого во многом напоминала историю тагильского завода¹¹. Эти и другие достижения, а также положительная динамика в показателях работы промышленности Свердловской области были обеспечены во многом благодаря грамотной кадровой политике Андрианова.

Кадровую политику В.М. Андрианова нельзя назвать безупречной: были и ошибочные кадровые решения, кого-то из своих выдвиженцев он быстро «задвигал» обратно, как только их деловые качества переставали его устраивать. Порой отклонялся от сталинской кадровой политики, решая участь подчинённого исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств¹². Тем не менее Андрианов стал первым за много лет руководителем области, кто стремился придерживаться установок Сталина в области кадровой политики. Не случайно поэтому многим выдвиженцам Андрианова было суждено занять высокие посты в партийно-государственной системе власти. Так председатель

облисполкома И.Л. Митраков в дальнейшем стал заместителем председателя Госплана СССР, затем – заместителем министра внутренних дел СССР и начальником Дальстроя; секретари обкома Г.С. Ситников, Е.Ф. Колышев и В.В. Косов впоследствии возглавили обкомы партии соответственно в Ярославле, Кемерово и Тюмени, секретари «столичного» горкома ВКП(б) В.И. Недосекин и К.К. Николаев в разное время возглавляли Свердловский обком партии, секретари обкома ВКП(б) А.П. Панин, А.В. Носенков и первый секретарь обкома ВЛКСМ А.Е. Харламов заняли ответственные должности в аппарате Центрального комитета ВКП(б)–КПСС¹³. Наиболее высоких постов во власти достиг андриановский выдвиженец А.Б. Аристов – член Президиума и секретарь ЦК КПСС в последние полгода жизни Сталина и позже, во времена правления Хрущёва.

Вместе с тем нужно отметить, что речь не идёт о формировании «свердловского клана» в партийно-государственной системе власти. В настоящее время неизвестно, чтобы в дальнейшем эти руководители поддерживали тесные контакты с В.М. Андриановым, восхваляли его, пытались решать через него какие-либо вопросы в высших властных инстанциях, а он вмешивался в их управленческую деятельность. Иначе говоря, Андрианову и его выдвиженцам нельзя приписать то, что во многом было характерно для взаимоотношений между секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецовым и руководителями регионов из числа бывших ленинградских чиновников и что им впоследствии вменили в вину¹⁴.

За Андриановым закрепилась слава жёсткого руководителя, человека с крутым нравом. Невыполнение государственных заданий в годы войны даже заслуженным директорам заводов могло стоить должности и партбилета¹⁵. Свердловский обком ВКП(б) нередко выступал с инициативой смещения с постов руководителей заводов и привлечения их к уголовной ответственности¹⁶, а угрозы суровым партийным наказанием и уголовным преследованием были обычной повседневной практикой, что отражено в решениях бюро обкома под грифом «особая папка».

Известно, что обком достаточно резко реагировал на коррупционные действия заводского начальства, даже если завод справлялся с государственными заданиями, а его руководство было на

высоком счету у обкома. Так, в 1942 году в обкоме стало известно, что руководящие работники крупного военного завода «Урал-электроаппарат» – заместитель директора завода Глазков, заведующий подсобным хозяйством Пушкарёв и коммерческий директор Крейнделъ – обменяли в колхозах остродефицитные фондовые материалы завода на сельхозпродукцию. Делалось это под видом помощи колхозам и улучшения общественного питания рабочих завода. На самом же деле вырученные продукты делились между Глазковым, Пушкарёвым и Крейнделем. Решением бюро обкома Глазков и Пушкарёв были сняты с работы и получили строгие выговоры с предупреждением и занесением в учётные карточки, им запретили в течение года занимать руководящие должности. Директору завода предложили снять с занимаемой должности коммерческого директора Крейнделя «за антигосударственные действия». Областную прокуратуру обязали расследовать каждый подобный случай и виновных привлекать к ответственности как «расхитителей социалистической собственности». Постановление в назидание разослали во все горкомы и райкомы партии¹⁷.

Директор небольшого Атигского завода В.Т. Голованов не внял обкомовским указаниям, санкционировал обмен с колхозами заводских фондируемых материалов – керосина и металла – на мясо, масло, мёд и другие продукты, часть которых взял себе и раздал своим заместителям. За это, а также за отсутствие на заводе элементарных жилищно-бытовых условий для рабочих-таджиков решением бюро обкома Голованов был снят с должности и исключён из членов ВКП(б)¹⁸.

В 1942 году бюро Свердловского обкома приняло необычное постановление под наименованием «О проведении на Верх-Исетском металлургическом заводе вечера с закуской и выпивкой». Его содержание было следующим:

«1. Осудить неправильное поведение руководителей Верх-Исетского металлургического завода, организовавших банкет с выпивками и закусками. Предупредить руководителей завода, что за повторение подобных случаев они будут сняты с занимаемых постов и привлечены к строгой ответственности.

2. Обратить внимание Молотовского РК ВКП(б) на то, что они неправильно допустили и прошли мимо фактов организации

коллективного вечера на заводе с выпивками. Предложить бюро РК ВКП(б) решительным образом покончить с подобными нездоровыми проявлениями, а виновных в этом деле привлекать к строгой ответственности.

Настоящее решение разослать всем ГК, РК ВКП(б)»¹⁹.

С секретарями райкомов и горкомов, председателями исполкомов Андрианов вообще не церемонился.

Историк К.А. Болдовский описал обстоятельства изгнания из Ленинграда в Крым двух председателей райисполкомов. В 1946 году два руководителя районных исполкомов – Н.М. Горбунов и И.Г. Нефёдов – были освобождены от работы в Ленинграде «за недостойное поведение как коммуниста-руководителя» и «в наказание» были переведены на работу в Крымскую область, где местный обком возглавлял Н.В. Соловьёв – бывший председатель Ленинградского облисполкома. Н.М. Горбунов, работавший председателем Дзержинского райисполкома г. Ленинграда, занял должность председателя горисполкома в Симферополе, а И.Г. Нефёдов, бывший председатель Петродворцового райисполкома г. Ленинграда, получил место председателя горисполкома в Ялте²⁰.

Как здесь не вспомнить строки из знаменитой пьесы Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца», где Генерал каялся в содеянном и выражал готовность понести любое «наказание»:

«Сознаю свою вину.
Меру. Степень. Глубину.
И прошу меня направить
На текущую войну.
Нет войны – я всё приму –
Ссылку. Каторгу. Тюрьму.
Но желательно – в июле,
И желательно – в Крыму».

Андрианов, когда работал на Урале, проштрафившихся секретарей и председателей исполкомов не направлял на «перевоспитание» в Крым, а отбирал партбилет, отдавал под суд или отправлял на фронт. А взыскания и предупреждения секретарям были обычной повседневной практикой в работе бюро обкома.

Только открытыми (без грифа «особая папка») постановлениями бюро обкома ВКП(б) в 1942 году один секретарь был исключён из партии, пятеро получили строгие, ещё двое – простые выговоры. В середине 1942 года бюро обкома сняло с должностей и исключило из партии первого секретаря Полевского райкома Плотникова и председателя райисполкома Валова за «морально-бытовое разложение», организацию коллективных пьянок, невыполнение предприятиями района государственных планов и срыв графика уборки урожая. На одной из пьянок Плотников из пистолета ранил свою жену, а другая закончилась дракой между зампредом райисполкома и директором промкомбината, с последующим невыходом на работу нескольких руководителей района, включая Валова и его заместителя. Председатель Гаринского райисполкома Фетисов, купивший (а не взявший себе бесплатно) в районном финотделе конфискованные вещи, предназначенные для реализации, решением бюро обкома был снят с должности и получил выговор с занесением в учётную карточку. В 1943 году первый секретарь Ирбитского райкома ВКП(б) И.Е. Путилов, который ранее имел предупреждения от обкома за сексуальную распущенность и выпивки, решением бюро обкома был снят с должности, исключён из партии и отдан под суд за срыв хлебозаготовок и пьянство. В последующем уголовное наказание заменили отправкой на передовую, где он и погиб²¹. В том же году бюро обкома постановило исключить из партии и предать суду бывшего председателя Зайковского райисполкома Березина «за подделку денежных документов, присвоение государственных средств, поборничество денег и вещей у хозяйственных организаций и как организатора клеветнического заявления, направленного на дискредитацию райкома ВКП(б)» (Березин пытался избежать уголовной ответственности, отправив заявление, в котором обвинил руководство райкома в «зажиме самокритики», самоснабжении и т. д. и которое после проверки было признано вымышленным и клеветническим). Бывший первый секретарь Манчажского райкома партии А.Ф. Цаплин, ранее осуждённый к восьми годам лишения свободы за срыв хлебозаготовок и другие проступки, из колонии писал Андрианову оправдательные письма. Цаплин был «помилован»: колонию

ему заменили отправкой на фронт. В 1944 году был исключён из партии и предан суду бывший первый секретарь Талицкого райкома ВКП(б) Г.М. Седых, который, в стремлении остановить покидавших уборочные работы студентов техникума, случайным выстрелом убил одного из них²². Уже после войны бюро обкома сняло с работы первого секретаря Первоуральского горкома ВКП(б) Макаренко и объявило ему выговор с занесением в учётную карточку «за недостойное поведение в быту и шельмование работников горкома ВКП(б)»²³. И это далеко не полный список районных и городских начальников, наказанных в бытность работы Андрианова на Урале.

Считается общепринятым, что Андрианов был креатурой Маленкова. Не отвергая это, необходимо отметить, что в тех условиях кандидатура на место П.С. Попкова самым тщательным образом рассматривалась в высшем руководстве СССР и должна была получить одобрение И.В. Сталина. Деловые качества Андрианова были хорошо известны Сталину. В частности, когда осенью 1946 года в Кремле экстренно разрабатывали план действий в связи с неурожаем и надвигающейся продовольственной катастрофой, Сталин дал письменное указание «усилить» Министерство торговли СССР во главе с А.В. Любимовым, назначив ему одного-двух заместителей «из партийных деятелей типа Андрианова». Оценка способностей Андрианова выглядела ещё более лестной, если учесть предшествующее ей другое распоряжение Сталина: «Никакого доверия не оказывать в этом деле т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения»²⁴. Поэтому нельзя полностью исключать того, что нового «хозяина Смольного» мог выбрать сам Сталин.

«В целях укрепления партийного руководства...». **Фрол Козлов**

После смещения с постов руководителей Ленинграда и области их кабинеты, как правило, занимали чиновники, командированные Центральным комитетом ВКП(б). Заметную роль в

Смольном стал играть сорокаоднолетний партийный чиновник, инженер-металлург по образованию Фрол Романович Козлов.

Ленинград не был для него чужим городом. Впервые он приехал сюда в середине 1928 года, будучи двадцатилетним юношей, из рязанской глубинки. Там он был профессиональным комсомольским работником и получил направление на учёбу в Ленинградский коммунистический университет, на комсомольское отделение. Спустя год бросил комвуз и поступил на геологоразведочный рабфак, по окончании которого стал студентом Ленинградского металлургического института. Учёба давалась деревенскому парню исключительно упорным трудом, к тому же пришлось столкнуться с серьёзными проблемами со здоровьем: полуголодная студенческая жизнь и сырой ленинградский климат способствовали развитию у него туберкулёза лёгких, дело доходило до кашля с кровью. Болезнь, тем не менее, не стала препятствием для целеустремлённого молодого человека на пути к своей мечте – стать дипломированным инженером²⁵.

По окончании вуза в 1936 году молодой инженер-металлург был командирован в столицу Удмуртии на Ижстальзавод, где получил место начальника смены прокатного цеха, вскоре был назначен начальником блюминга. Возглавив ответственный участок работы, молодой специалист активно взялся за укрепление технологической дисциплины. Известно, что он внёс и внедрил ряд рационализаторских предложений по усовершенствованию техпроцесса нагрева быстрорежущей стали (легированные стали, предназначенные, главным образом, для изготовления металлорежущего инструмента), по изменению калибровки прокатных валков, что позволило значительно увеличить производительность блюминга. За пару лет работы на Ижстальзаводе он четыре раза премировался за внесение и внедрение рационализаторских предложений и активное участие в изобретательской работе. Ф.Р. Козлов был избран членом Всесоюзного общества изобретателей, вошёл в состав членов бюро инженерно-технического совета прокатного цеха. Администрация и актив цеха рекомендовали включить способного инженера в члены Совета при наркомате оборонной промышленности СССР²⁶.

Но Ф.Р. Козлову удалось зарекомендовать себя не только в качестве грамотного инженера, но и способного партийного организатора. Имея за плечами опыт руководящей комсомольской работы и уже десятилетний партийный стаж, Ф.Р. Козлов вошёл в состав парткома прокатного цеха и стал осуществлять руководство общезаводским семинаром пропагандистов, постепенно оттачивая своё ораторское мастерство. В марте 1938 года парторганизация цеха делегировала его с правом решающего голоса на I партийную конференцию только что образованного в Ижевске Ждановского района. Начальник цеха, секретарь парткома и председатель цехкома характеризовали Ф.Р. Козлова как активного общественника. Именно в этом качестве он и попал в поле зрения партийных органов, активно выдвигавших молодых инженерно-технических работников на ответственные посты в партаппарате. Когда Ижстальзавод в начале 1939 года был разделён на два самостоятельных предприятия – металлургическое и машиностроительное, тридцатилетний Ф.Р. Козлов был выдвинут на вновь учреждённую должность секретаря парткома и парторга ЦК ВКП(б) Ижевского металлургического завода (завод № 71). Спустя год был утверждён вторым секретарём Ижевского горкома ВКП(б). В этой должности он встретил войну²⁷.

Война потребовала максимального напряжения сил от руководства города. Ф.Р. Козлову, имевшему лишь двухлетний стаж руководящей партийной работы, приходилось непосредственно руководить процессом перестройки местной промышленности на военный лад, решать вопросы увеличения производственных мощностей, повышения количественных показателей выпускаемой военной продукции, освоения производства новых видов вооружения, размещения и скорейшего введения в эксплуатацию эвакуированного оборудования. Для этого ему часто приходилось бывать на заводах, вникать в особенности хозяйственной деятельности предприятий. Это позволило Козлову хорошо изучить промышленность города, разбираться в деловых качествах работников ижевских заводов.

Немало усилий Ф.Р. Козлов прилагал для изучения менее ему знакомого, в отличие от чёрной металлургии, производ-

ства стрелкового вооружения. По вопросам организации производства вооружений ему приходилось много работать совместно с недавним директором завода № 74, назначенным в первые дни войны заместителем наркома вооружения СССР, Владимиром Николаевичем Новиковым. Новиков подолгу в годы войны находился в Ижевске. Регалий у него на тот момент было значительно больше, нежели у второго секретаря горкома Козлова: В.Н. Новиков имел статус депутата Верховного совета СССР, а в 1942 году его мундир украсила золотая звезда Героя Социалистического Труда. Оба руководителя высоко оценивали деловые качества друг друга, и за несколько лет совместной работы у них сложились доверительные товарищеские отношения. Ф.Р. Козлову удалось достаточно быстро постичь тонкости производства вооружений, что отметили в его персональных документах цеховские кадровики. В обоснование своих выводов они ссылались на мнение специалистов из Наркомата вооружения СССР. Не только В.Н. Новиков, но и другие наркоматовские начальники, по долгу службы в годы войны имевшие дело со вторым секретарём горкома Ф.Р. Козловым, впоследствии характеризовали его «как волевого, настойчивого работника, знающего металлургическое и стрелковое производство»²⁸.

В военный период промышленность Ижевска успешно справлялась с высокими планами по производству военной продукции, по вводу новых промышленных мощностей. Ф.Р. Козлову не раз доводилось подписывать рапорты на имя И.В. Сталина о выполнении заданий ГКО и сборе народных средств на строительство танков и самолётов. Заслуги Ф.Р. Козлова были отмечены правительственными наградами – орденом Красной Звезды и орденом Трудового Красного Знамени²⁹.

Работа в Ижевске в годы войны потребовала от Ф.Р. Козлова не только чёткости, оперативности и компетентности в принятии решений, но и наложила серьёзный отпечаток на личность, характер, стиль и методы его руководства, сформировала жёсткого руководителя сталинского типа. Всё указывает на то, что именно в Ижевске в стиле руководства Козлова появились его знаменитые грубость и жёсткость, которые отмечали многие его современники. Но могло ли быть иначе в тех условиях?

В Ижевске в самый разгар войны пришлось освободить от должности директора металлургического завода И.А. Остроушко – опытного специалиста-металлурга, но человека со слабыми для военного времени организаторскими качествами. Качествами, которые были необходимы, в частности, для обеспечения бесперебойного снабжения завода топливом в условиях катастрофической его нехватки, когда некоторые директора заводов на эшелоны с предназначавшимся для их предприятий углём садили пулемётчиков, чтобы другие директора, заручившиеся поддержкой высоких московских инстанций, не перехватили их эшелоны. Между хозяйственниками разворачивались «бои» за топливо, электроэнергию, металл, оборудование. В эту «войну» они вовлекали местное партийное руководство, ведь в руках партийных начальников находилось больше властных рычагов, нежели имелось у руководителя отдельного предприятия. В условиях, когда нарушились сложившиеся межхозяйственные связи, работникам обкомов и горкомов партии приходилось исполнять функции и снабженцев, и «толкачей», кооперировать между собой предприятия, мобилизовывать имевшиеся в регионе промышленные, энергетические, людские ресурсы на решение важнейших задач государственного значения³⁰. «Сегодня у нас должно сердце зачерстветь и помнить только одно: нам нужно выпускать танки, – твердил в ноябре 1941 года прибывший на танковый завод в Нижний Тагил нарком В.А. Малышев. – Необходимы жёсткие средства и отсутствие всякого сострадания. Надо помнить, что если мы будем добренькими, мы подвергнем опасности сотни тысяч людей. Нам нужно выжимать тысячи танков!»³¹.

Жестокие военные условия требовали проявления жёсткости от партийных работников и хозяйственных руководителей. Нам неизвестно, чтобы наркоматовское начальство или партийные кадровые службы усматривали в действиях секретаря Ижевского горкома проявления неоправданной грубости и жестокости.

Первый секретарь Удмуртского обкома и Ижевского горкома ВКП(б) А.П. Чекинов исключительно положительно оценивал своего заместителя в горкоме ВКП(б): «За время работы в городе тов. Козлов показал себя человеком, обладающим крупны-

ми организаторскими способностями, умеющим в сложной обстановке военного времени находить правильные решения. Под его руководством городская партийная организация значительно организационно окрепла, выросла. Большую работу тов. Козлов проводит по подбору, воспитанию кадров руководящих работников города. Пользуется большим авторитетом среди всех слоёв населения города»³².

Положительное мнение о деловых качествах Ф.Р. Козлова сложилось в цеховском аппарате, где его рассматривали как одного из лучших секретарей горкомов ВКП(б) в стране. На этом основании было принято решение отозвать его из Ижевска на работу в центральный аппарат, конкретно – в управление кадров ЦК ВКП(б). Там Козлов проработал три года в должностях ответственного организатора, потом – инспектора управления. В марте 1947 года он получил назначение вторым секретарём Куйбышевского обкома ВКП(б)³³.

Смена второго секретаря обкома в Куйбышеве была произведена по инициативе первого секретаря обкома и горкома А.М. Пузанова, который был недоволен деловыми качествами предшественника Козлова: работал, по его мнению, слабо, глубоко в работу промышленности не вникал, инициативу в постановке вопросов не проявлял, авторитетом у партийного актива и директоров предприятий не пользовался. Пузанов попросил направить на его место «более энергичного, знающего промышленность партийного работника». В аппарате ЦК сочли, что необходимыми качествами обладает Ф.Р. Козлов: «Тов. Козлов на прежней работе и в аппарате ЦК ВКП(б) зарекомендовал себя подготовленным, инициативным, дисциплинированным и энергичным работником. Считаем, что по опыту работы и организаторским способностям т. Козлов с работой второго секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) справится»³⁴.

По прибытии в Куйбышев Ф.Р. Козлов без долгой раскачки, энергично и по-деловому включился в новую работу. Не прошло и месяца с момента его утверждения вторым секретарём обкома, как он созвал областное совещание по промышленности. По инициативе Ф.Р. Козлова июньский пленум обкома партии обсудил вопрос о ходе выполнения планов и взятых обязательств

по производству промышленной продукции в преддверии празднования 30-й годовщины Октябрьской революции. Кроме того, второй секретарь обкома инициировал ряд совещаний, собраний партийно-хозяйственных активов по проблемам развития отдельных отраслей промышленности. Часто бывал на промышленных предприятиях области, старательно вникал в особенности их хозяйственной деятельности. Среди флагманов куйбышевской индустрии выделялись два крупных авиационных завода – завод № 1 имени Сталина и завод № 18 имени Ворошилова. Оба завода в годы войны и первое послевоенное время собирали самолёты-штурмовики Ил-2 и Ил-10, уже при секретарстве Ф.Р. Козлова завод имени Сталина приступил к серийному производству реактивного истребителя МиГ-15, а завод № 18 – первого советского стратегического бомбардировщика Ту-4. Здесь же, в Куйбышеве, располагались некоторые производители комплектующих: завод № 24 имени Фрунзе поставлял двигатели, завод № 454 – агрегаты стрелково-пушечного и бомбардировочного вооружения, завод № 525 – вооружение, государственный подшипниковый завод № 9 – подшипники, завод № 35 – воздушные винты, потом – самолётные шасси. В числе других крупных предприятий региона были Куйбышевский завод автотракторного электрооборудования и карбюраторов (КАТЭК), Средневожский станкостроительный завод, Куйбышевский механический, завод имени Масленникова, ещё один подшипниковый завод – ГПЗ № 4, Сызранский локомобильный завод и др. Всесоюзное значение имели предприятия нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Ряд заводов на территории области находились в системе Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР. В ведении Козлова была также одна из крупнейших строительных организаций региона – Государственный союзный строительно-монтажный трест № 11 Министерства авиационной промышленности СССР, осуществлявший большие объёмы промышленного, жилищного и культурно-бытового строительства. Основными транспортными предприятиями в Куйбышевской области были Железная дорога имени Куйбышева и Средневожское речное пароходство (и то, и другое охватывали территории Куйбышевской области и

ряда соседних регионов, а их органы управления располагались в Куйбышеве).

В Куйбышеве Ф.Р. Козлов расширил свои познания в организации различных отраслей промышленности, которые, безусловно, пригодились ему в последующей работе. В соответствии с Указом президиума Верховного совета СССР от 8 мая 1948 года, с формулировкой «за успешное выполнение заданий Правительства по увеличению добычи нефти и производству нефтепродуктов, и выполнение государственного плана в 1946 и 1947 гг.» на груди у Фрола Романовича появился второй орден Трудового Красного Знамени³⁵.

Деловые качества Ф.Р. Козлова позволили ему достаточно быстро заслужить расположение первого секретаря обкома А.М. Пузанова и других секретарей обкома ВКП(б). «Тов. Козлов общителен с людьми. Обладает хорошей эрудицией, умеет правильно излагать свои мысли, его доклады и выступления всегда продуманы и глубоки анализом рассматриваемого вопроса», – докладывал в августе 1947 года результаты проверки работы Ф.Р. Козлова его недавний коллега, инспектор управления кадров ЦК ВКП(б) П.Г. Мироненко. В октябре 1947 года управление кадров ЦК ВКП(б) кратко резюмировало: «Соответствует своему назначению». Такой вывод сделали сотрудники отдела парторганов, в ведении которых в то время находился второй секретарь Куйбышевского обкома. Однако их коллеги по управлению кадров ЦК – те, что работали в отделе промышленности вооружения, – вынашивали свои планы относительно Козлова. В ноябре 1947 года они подготовили представление на внесение его кандидатуры в резерв на должность заместителя министра вооружения СССР. В документе, подписанном заведующим отделом промышленности вооружения управления кадров ЦК ВКП(б) И.Д. Сербиным, акцент был сделан на опыте работы Ф.Р. Козлова в системе промышленности вооружений в годы войны и его технической грамотности: «Тов. Козлов политически подготовленный, всесторонне развитый работник, обладает волевыми качествами и организаторскими способностями. Технически грамотный инженер, знает стрелковое производство. За время работы парторгом ЦК ВКП(б) завода № 71 Министерства

вооружения и вторым секретарём Ижевского горкома ВКП(б) постоянно интересовался и вникал в работу ижевских металлургического и стрелковых заводов, одних из крупнейших в Министерстве вооружения и хорошо изучил производство вооружения. Имеет опыт руководящей производственно-технической работы. По характеру общителен и умеет работать с людьми».

Подчинённые И.Д. Сербина – будущего многолетнего заведующего отделом оборонной промышленности ЦК КПСС, – заручились поддержкой в Министерстве вооружения СССР. Хорошо знавшие Козлова по работе в Ижевске заместители министра вооружения Новиков, Карасёв и начальник Главного управления стрелковыми заводами министерства Медведев охарактеризовали его положительно, отзывались о нём как волевым, настойчивым работнике, знающем металлургическое и стрелковое производство. Цековские кадровики просили вышестоящие инстанции о зачислении Ф.Р. Козлова в резерв на должность заместителя министра вооружения СССР по стрелковому и патронному производству. Инстанции с их доводами согласились³⁶. И хотя данное назначение не состоялось, сам факт внесения в резерв на такую должность Козлова – инженера-металлурга по образованию и профессионального партийного руководителя, – свидетельствует о высоком уровне его профессиональной компетентности в сфере производства вооружений, когда он занимал руководящие партийные посты в Ижевске.

Помимо основных обязанностей второго секретаря обкома партии – курирования вопросов промышленности, строительства и транспорта – Ф.Р. Козлову доводилось координировать и партийно-следственные мероприятия в отношении высокопоставленных партийных и советских чиновников. В частности, Пузанов поручил ему довести до конца расследование по делу о злоупотреблениях руководителей города Чапаевска – третьего по значению города в Куйбышевской области после Куйбышева и Сызрани, допущенных ими в ходе денежной реформы 1947 года. Решение бюро обкома было жёстким: виновные были сняты с должностей и получили строгие партийные взыскания³⁷.

12 сентября 1949 года постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) Ф.Р. Козлов был утверждён инспектором ЦК ВКП(б)

и освобождён от прежде занимаемой должности в Куйбышеве. Однако на Старой площади он не задержался. По прошествии десяти дней с момента выхода решения Секретариата ЦК о переводе Ф.Р. Козлова на работу в цеховский аппарат, то есть 22 сентября 1949 года, заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А.Л. Дедов направил на имя Г.М. Маленкова служебную записку. В ней «в целях укрепления партийного руководства Кировского машиностроительного и металлургического завода Министерства транспортного машиностроения СССР гор. Ленинграда» Ф.Р. Козлова предлагалось назначить парторгом ЦК ВКП(б) на этом заводе, а действующего парторга С.И. Грико соответственно освободить от этих обязанностей. Кандидата на должность Дедов охарактеризовал весьма лаконично: «Тов. Козлов имеет большой опыт руководящей партийной работы» – и в качестве доказательства перечислил его должности, начиная с поста второго секретаря Ижевского горкома ВКП(б). Спустя ещё неделю, 29 сентября, на свет появилось очередное постановление Секретариата ЦК ВКП(б) относительно работы Ф.Р. Козлова, согласно которому он был освобождён от обязанностей инспектора и утверждён парторгом ЦК ВКП(б) Кировского завода. Тем же решением действующий парторг ЦК С.И. Грико был освобождён от этой должности без каких-либо формулировок. Достаточно оперативно, 4 октября, это решение было продублировано постановлением Политбюро ЦК ВКП(б)³⁸.

Таким образом, проработав в аппарате ЦК лишь две с половиной недели, по воле высшего руководства Фрол Романович отправился в тот город, где когда-то учился и где встретил свою жену. Покинув Ленинград в 1936-м молодым инженером, выпускником вуза, спустя тринадцать лет он возвращался в этот город уже в совершенно ином статусе – партийным чиновником, имеющим опыт руководящей партийной работы регионального масштаба.

Перемещение с поста второго секретаря обкома на уровень парторга ЦК, пускай даже знаменитого Ленинградского Кировского завода, означало существенное понижение Ф.Р. Козлова во властной иерархии. Ведь с тех пор, когда он занимал анало-

гичную должность на Ижевском металлургическом заводе, минуло уже десять лет, и за эти десять лет за его плечами была работа как регионального, так и цеховского масштаба. Тем не менее опалой его перемещение в Ленинград не являлось.

В это время в Ленинград на освобождающиеся места во властных структурах по направлениям из ЦК ВКП(б) прибывали всё новые и новые работники, для некоторых определённые им обязанности означали заметное должностное понижение. Так, ближайшим начальником Ф.Р. Козлова оказался его ровесник Иван Константинович Замчевский – первый секретарь Кировского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, до того занимавший в аппарате ЦК ВКП(б) крупные руководящие посты заместителя заведующего отделом и заместителя заведующего сектором³⁹. Ответственный контролёр Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Антон Яковлевич Новиков занял кабинет секретаря партколлегии ленинградских обкома и горкома⁴⁰. Другой цеховский работник, Николай Дмитриевич Христофоров, был направлен в Ленинградский обком ВКП(б) на должность заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов. Своё назначение он воспринял как наказание за какую-то провинность, о чём прямо заявил в разговоре с А.Л. Дедовым. «Что же это такое, говорю, Афанасий Лукьянович, – вспоминал позже Н.Д. Христофоров, – ехать заведующим отделом? Я всё-таки был уже секретарём Куйбышевского обкома, неплохо учился в Высшей школе партийных организаторов при ЦК, и здесь, в аппарате ЦК, меня уже не раз отмечали. В чём я провинился?» «Ни в чём! – отвечал Дедов. – Но обстановка такая, что надо поработать там»⁴¹. Ф.Р. Козлов, таким образом, стал далеко не единственным, для кого направление на работу в ленинградские властные структуры было сопряжено с заметным должностным понижением.

По всей видимости, Фрол Романович не сразу выехал к новому месту службы, возможно, на некоторое время задержался в Москве, так как только лишь спустя две недели, 19 октября 1949 года, бюро Ленинградского горкома ВКП(б) на своём заседании рассмотрело вопрос о партторге ЦК ВКП(б) на Кировском заводе. Судя по протоколу, Ф.Р. Козлов и С.И. Грико при-

сутствовали на этом заседании, был и первый секретарь обкома и горкома партии Андрианов. Бюро «проштамповало» решение ЦК о кадровых перестановках, добавив лишь к уже имеющейся должности Фрола Романовича дополнительную – секретаря парткома Кировского завода. Формулировка причины отставки Грико так и не появилась⁴².

Сорокадвухлетний Степан Иосифович Грико остался на Кировском заводе, только с партийной должности перешёл на хозяйственную. Его нельзя было назвать опытным профессиональным партийным работником, ведь кабинет парторга ЦК ему довелось занимать лишь чуть более полутора лет, а до того его карьера развивалась исключительно по хозяйственной линии. На завод он пришёл в 1936 году, начинал сметчиком на Кировстрое, войну встретил в должности начальника электромонтажного цеха. С 1946 года и до назначения в январе 1948-го парторгом ЦК ВКП(б) возглавлял лопаточный цех. На ту же должность и вернулся. Если судить по сохранившимся в архиве завода документам, серьёзных претензий к нему ни со стороны ленинградского партийного начальства, ни со стороны органов госбезопасности не имелось. Вскоре, в марте 1951 года, он стал лауреатом Сталинской премии, а следом был удостоен ордена «Знак Почёта». На различных административно-хозяйственных должностях на заводе С.И. Грико проработал вплоть до выхода на пенсию в 1968 году⁴³.

Ф.Р. Козлову же в ближайшем будущем предстояло пройти через процедуру избрания секретарём парткома Кировского завода. IX отчётно-выборная заводская партконференция, избравшая партком завода, состоялась в январе 1949 года, в мае того же года была созвана X партконференция, задачей которой было пополнение состава парткома⁴⁴. На очередной конференции Козлову предстояло пройти через процедуру тайного голосования, чтобы быть избранным в состав членов парткома, а уже затем партком должен был утвердить его секретарём парткома, то есть руководителем заводской парторганизации.

Первые лица завода и района, с которыми предстояло иметь дело Ф.Р. Козлову, были такими же «варягами», как и он сам, и приехали в Ленинград незадолго до него. Кабинет директора за-

вода с сентября месяца занимал Павел Иванович Аброскин, ранее возглавлявший Брянский машиностроительный завод. В директорском кресле он сменил работавшего при бывшем руководстве Ленинграда Г.И. Суворова⁴⁵. Первым секретарём Кировского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, как уже говорилось, с недавнего времени работал И.К. Замчевский, до того – достаточно крупный начальник в цеховском аппарате. Учитывая его опыт работы, можно было бы полагать, что в недалёком будущем его ожидают более значимые должности в Ленинграде. Однако случилось так, что повышение по службе получил вовсе не он, а один из нижестоящих партийных работников, в результате чего Замчевский в одночасье превратился из его начальника в подчинённого.

Некоторые обстоятельства позволяют утверждать, что Ф.Р. Козлов был отправлен в «город Великого Октября» не на руководство парторганизацией завода, а в качестве кадрового резерва для последующего выдвижения на руководящие должности в ленинградском партийно-государственном аппарате. Минул лишь месяц с небольшим после того, как Ф.Р. Козлов приехал на Кировский завод, и его уже ждало новое назначение. На специально созванном 29 ноября 1949 года для решения оргвопросов пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) первый секретарь горкома В.М. Андрианов предложил утвердить его ни больше, ни меньше – в должности второго секретаря горкома. Учитывая, что сам Андрианов одновременно являлся первым секретарём обкома ВКП(б), и к тому же специальным решением Политбюро ему было разрешено приезжать в Москву для участия в заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б)⁴⁶, практически Козлов становился его правой рукой в Смольном. Принимая во внимание предыдущую должность Ф.Р. Козлова, такое назначение следует рассматривать как стремительный взлёт в партийно-номенклатурной иерархии.

Несмотря на то, что кандидатуру Козлова на пленуме предложил первый секретарь обкома и горкома партии, достаточных оснований для того, чтобы назвать нового второго секретаря горкома андриановской креатурой, не имеется. За месяц, минувший со дня прибытия Ф.Р. Козлова в Ленинград, Василий

Михайлович Андрианов просто не успел узнать его настолько хорошо, чтобы сразу доверить столь важный пост в ленинградских властных структурах. Нужно полагать, что гораздо лучше Андрианов как член Оргбюро ЦК знал того же И.К. Замчевского. По анкетным данным Иван Константинович вполне подходил на роль «второго» в горком: инженер по образованию, выпускник Московского авиационного института, работал парторгом ЦК на заводе, имел опыт руководящей партийной работы на региональном и цеховском уровне⁴⁷. Однако Замчевский так и остался на своём месте. Не стал Андрианов поднимать на уровень «второго» А.И. Алексеева, месяцем ранее утверждённого рядовым секретарём Ленинградского горкома ВКП(б). Алексей был на три года моложе Ф.Р. Козлова, окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Однако он значительно проигрывал как Козлову, так и Замчевскому по стажу руководящей партийной работы. На партработу Алексеев перешёл лишь в 1948 году, когда был назначен парторгом ЦК ВКП(б) Государственного союзного проектного института № 11 Первого главного управления при Совмине СССР. Расположенный в Ленинграде строго засекреченный ГСПИ-11 – первый проектный институт атомной промышленности, который проектировал основные предприятия ядерной индустрии и все города закрытого типа. В сентябре 1949-го Андрианов выдвинул А.И. Алексеева рядовым секретарём Ленинградского горкома ВКП(б) (кстати сказать, Алексей и Козлов одновременно проходили через утверждение Секретариата и Политбюро ЦК: первый – секретарём горкома, второй – парторгом ЦК на Кировский завод)⁴⁸. В отличие от Алексеева, секретарь горкома по пропаганде и агитации В.Н. Малин был гораздо более опытным партийным начальником, одно время работал секретарём ЦК КП(б) Белоруссии, но из образования имел лишь ленинградский комвуз (по другим данным – Институт красной профессуры), а потому Владимир Никифорович заметно проигрывал тем коллегам, кто получил диплом инженера⁴⁹.

Отличные анкетные данные были у недавно назначенного заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских

органов Ленинградского горкома А.В. Носенкова: и внушительный опыт руководящей партийной работы регионального масштаба в сфере промышленности, и опыт работы в аппарате ЦК партии, и высшее техническое образование. А главное – это был достаточно хорошо знакомый В.М. Андрианову человек ещё со времени совместной работы в Свердловске. Выпускник Уральского индустриального института, инженер-технолог-химик по образованию, как успешный студент Носенков был оставлен в вузе аспирантом, однако спустя год был отозван на работу в областное управление НКВД. В начале 1942-го Андрианов выдвинул его на должность секретаря Свердловского обкома ВКП(б) по промышленности боеприпасов, а после упразднения должностей отраслевых секретарей назначил его заместителем секретаря обкома по вооружению и боеприпасам, затем – по цветной металлургии. С середины 1947-го Александр Васильевич работал инспектором управления кадров ЦК ВКП(б) (с Ф.Р. Козловым они разминулись буквально в несколько месяцев). Носенков, насколько об этом можно судить, стал единственным, кого Андрианов вызвал на руководящую работу в Ленинград из числа тех, с кем ранее работал (во всяком случае, самым высокопоставленным в ленинградском партаппарате). Первый секретарь обкома и горкома наверняка бы предпочёл видеть своим заместителем в руководстве Ленинграда того, с кем ему довелось работать в непростые военные годы и деловыми качествами которого, если судить по сохранившимся в деле Носенкова характеристикам, он был вполне доволен, а не приобретать «кота в мешке»⁵⁰ (хотя в годы войны Носенкову так же, как и другим, доставалось от тяжёлой руки Андрианова⁵¹). Однако следует заметить, что в то время как раз совместная работа, давнее знакомство Андрианова и Носенкова могли послужить серьёзным препятствием для выдвижения последнего. Сталин ещё в конце 1930-х предупреждал, чтобы партийные начальники не тащили вслед за собой на новое место работы «хвосты» – своих старых знакомых, окружение по предыдущей работе. Ведь главных фигурантов «ленинградского дела» как раз и обвиняли в продвижении на руководящие должности в Ленинграде и за его пределами «своих» кадров. Двигать же Носенкова на должность секретаря горкома

предстояло через Секретариат и Политбюро ЦК и, соответственно, «светить» во всех высоких кабинетах справки-объективки с послужным списком кандидата. Да и Носенков, будучи заведующим важнейшим отделом в горкоме, при любом раскладе оставался верным андриановским соглядатаем.

Нельзя исключать, что кроме названных были и другие претенденты на место второго секретаря Ленинградского горкома, однако предпочтение было отдано именно Ф.Р. Козлову. Несмотря на отсутствие в настоящее время достоверных свидетельств о том, что Андрианов по этому поводу получил из ЦК конкретные указания, тем не менее, вероятнее всего, Козлов всё же являлся цековской креатурой.

Второе по значению место в Ленинградском горкоме стало вакантным ещё тремя месяцами ранее, в августе, когда Н.А. Николаев покончил жизнь самоубийством. За прошедшие несколько месяцев требования к кандидатуре второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) кардинально изменились. Теперь знание ленинградской промышленности, городского хозяйства, многочисленных организаций и учреждений Ленинграда было скорее минусом, чем плюсом, в послужном списке претендента на должность, ведь это однозначно свидетельствовало о совместной работе с прежним «антипартийным» руководством. При избрании совершенно незнакомого ленинградцам Ф.Р. Козлова уже никто об этом не говорил. В.М. Андрианов от имени бюро горкома предложил пленуму избрать Ф.Р. Козлова вторым секретарём, сказав лишь, что тот работает парторгом ЦК ВКП(б) на Кировском заводе. При этом не произнёс ни единого слова, которое бы хоть как-то характеризовало претендента на важную должность. Андрианов и раньше, во время работы в Свердловске, на пленумах обкома ВКП(б) старался воздерживаться от каких-либо характеристик выдвигаемых им кандидатов на должности секретарей обкома и завотделами⁵². Неудивительно, что в Ленинграде он стал ещё более осторожным. После обращения Андрианова к сидящим в зале: «Какие будут по этому вопросу суждения, предложения?» – члены пленума лишь попросили показать им нового второго секретаря. Андрианов предложил Козлову рассказать автобиографию. Фрол Романович до-

статочно сухо изложил свои основные анкетные данные, перечислил прошлые должности, закончив словами: «Член партии с 1926 года. Партвзысканий не имею». Члены пленума воздержались от дополнительных вопросов и единогласно подняли руки за избрание Ф.Р. Козлова вторым секретарём, членом бюро и за кооптацию в состав членов пленума горкома⁵³. Козлов стал уже третьим по счёту начальником, кто садился в это кресло в течение одного 1949 года, судьба первых двух сложилась весьма незавидно: один в это время уже находился под арестом и отвечал на вопросы следователей, второй предпочёл покончить жизнь самоубийством.

В отличие от Андрианова, цековские работники, готовившие документы на Секретариат и Политбюро ЦК для утверждения Ф.Р. Козлова в должности, в справке-объективке в качестве обоснования для выдвижения сочли нужным указать: «Тов. Козлов – подготовленный и опытный партийный работник». А после краткого перечисления его прежних должностей резюмировали: «Просьбу Ленинградского горкома ВКП(б) об утверждении т. Козлова вторым секретарём горкома партии поддерживаем»⁵⁴. 2 декабря Секретариат ЦК, а 7-го – Политбюро утвердили Ф.Р. Козлова в должности⁵⁵. Фролу Романовичу предстояло в короткие сроки ознакомиться и с промышленностью, и с городским хозяйством, и с многочисленными учреждениями Ленинграда. Кроме того – суметь сработаться со своим непосредственным начальником, новым «хозяином Смольного», обладавшим весьма непростым характером.

Однако в силу обстоятельств в кресле второго секретаря Ленинградского горкома Ф.Р. Козлов тоже надолго не задержался. Очередное изменение его должностного положения было связано с решением высшего руководства страны о разделении постов первого секретаря областного (краевого) комитета партии и первого секретаря горкома областного (краевого) центра. Речь не шла об упразднении должности первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), которая, как полагают петербургские историки, «...как бы определяла особый статус города и партийной организации»⁵⁶. Речь шла лишь о прекращении совмещения этих постов. И совмещение это имело место не

только в Ленинграде, а во всех региональных парторганизациях СССР. Прекращение этого совмещения касалось также всех региональных партийных организаций, исключений ни для Москвы, ни для Ленинграда предусмотрено не было. Следовательно, утверждения, что этим разделением подчёркивался «типичный областной статус» Ленинграда, ликвидировалась самостоятельность ленинградской городской парторганизации, не имеют под собой никаких оснований, пусть даже этот процесс сопровождался пересмотром некоторых полномочий горкома⁵⁷.

На пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) 19 января 1950 года В.М. Андрианов заявил, что ЦК счёл необходимым провести «разграничение» обязанностей первого секретаря обкома и первого секретаря горкома областного центра и что в московской парторганизации это указание ЦК уже проведено в жизнь. Андрианов назвал две тому причины: 1) «...при существующем положении не обеспечивалась критика городского комитета партии со стороны областного комитета партии», 2) «...городской комитет партии самостоятельно входил в Центральный комитет партии с утверждением руководящих кадров, помимо областного комитета, что является неправильным». «Ленинград – город огромной важности и требует к себе постоянного внимания, – говорил Андрианов на пленуме горкома. – Поэтому необходимо, чтобы первый секретарь бюро городского комитета мог заниматься нуждами города и чтобы недостатки в работе городского комитета подвергались большевистской критике со стороны областного комитета партии». Далее Андрианов указал на необходимость повысить внимание горкома и его первого секретаря к райкомам и первичным парторганизациям, сосредоточиться на разрешении вопросов технического прогресса ленинградской промышленности и на создании надёжной топливно-энергетической базы для Ленинграда⁵⁸.

Впрочем, последние слова Андрианова выглядят скорее формальностью, так как для этого не требовалось разделять посты. Вероятнее всего, Василий Михайлович просто обозначил важнейшие задачи, стоявшие перед горкомом и его руководителем. Другое дело – что касалось критики в адрес горкома, которая действительно не могла быть полноценной ввиду того, что пер-

вый секретарь этого горкома одновременно являлся главой региона.

Как свидетельствуют архивные документы, Андрианов не лукавил. Разделение постов проводилось на фоне развернувшегося в Москве «дела Г.М. Попова». Георгий Михайлович Попов во второй половине 1940-х занимал одновременно сразу несколько весьма важных постов – члена Оргбюро ЦК и секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Московского обкома ВКП(б), первого секретаря Московского горкома ВКП(б) и председателя Московского горисполкома. В декабре 1949 года решением Политбюро ЦК по результатам расследования по анонимному письму, поступившему на имя Сталина, Попов был снят со всех постов и назначен министром городского строительства СССР. Центральным обвинением, которое ему было предъявлено, стал «зажим критики» – то, что коммунисты, осмеливающиеся критиковать московское руководство, подвергались гонениям и преследованиям, сигналы коммунистов о различных недостатках оставались без рассмотрения и т. п. Должности первого секретаря Московского горкома и Московского обкома ВКП(б) были разделены. Первым секретарём Московского обкома ВКП(б) был утверждён Н.С. Хрущёв, первым секретарём Московского горкома ВКП(б) – И.И. Румянцев⁵⁹. На статусе Москвы разделение постов, разумеется, никак не отразилось, после этого она не перестала выступать в роли столицы СССР. Московский горком, как и ленинградский, находился в подчинении обкома, первый секретарь Московского обкома партии Н.С. Хрущёв являлся одновременно членом Политбюро и секретарём ЦК ВКП(б), а первый секретарь Московского горкома И.И. Румянцев не входил даже в состав членов ЦК.

Существовавшую в Ленинграде практику, когда горком напрямую вносил в ЦК ВКП(б) предложения об утверждении кадров, можно было бы рассматривать как простую формальность, ведь обком и горком возглавлял один и тот же человек. Даже если повседневное руководство бюро городского комитета ранее осуществлял второй секретарь горкома (до февраля 1949 года эту должность занимал Я.Ф. Капустин), то он обязан был все важнейшие решения, включая кадровые вопросы (тем более речь

шла о цековской номенклатуре), согласовывать с действующим в то время первым секретарём обкома и горкома П.С. Попковым. Однако слова Андрианова о практике утверждения кадров горкомом в обход обкома партии вполне могли отражать ту реальность, которая сложилась в ленинградских властных структурах после войны. Второй секретарь горкома Я.Ф. Капустин, пользуясь установившимися доверительными отношениями с секретарём ЦК ВКП(б), начальником управления кадров ЦК А.А. Кузнецовым, имел возможность в обход первого секретаря обкома и горкома обсуждать и предрешать кадровые вопросы непосредственно в ЦК партии. А П.С. Попкова ставить перед свершившимся фактом, сообщая ему, что «высшие инстанции» в лице Кузнецова уже одобрили то или иное решение. Известно, что Капустин поступал таким образом касательно различных вопросов внутрипартийной работы – предварительно обсуждал их с А.А. Кузнецовым и только после этого шёл на доклад к Попкову, не забывая при этом повторять: «Алексей Александрович сказал...», «Алексей Александрович так рекомендует...». Попков, в свою очередь, был вынужден идти на поводу у своего весьма энергичного и амбициозного заместителя, претендовавшего на первую роль в обкоме и горкоме. Учитывая то обстоятельство, что А.А. Кузнецов стремился контролировать всё, что было связано с Ленинградом, и активно вмешивался как в проблемы городского хозяйства, так и в детали внутрипартийной работы, нельзя исключать, что это также касалось подбора и расстановки ленинградских кадров⁶⁰. Разумеется, даже если такая практика решения важных кадровых вопросов имела место, то с лишением всех троих руководящих постов и с приездом в Ленинград В.М. Андрианова она однозначно ушла в прошлое. Трудно представить, чтобы второй секретарь горкома Николаев мог за спиной Андрианова обсуждать и предрешать кадровые вопросы в цековских кабинетах: недавние «шефы Ленинграда» уже были лишены всех высших постов.

Здесь же нужно отметить, что представительство Ленинграда и области в номенклатуре ЦК ВКП(б) в 1949 году заметно расширилось. Как уже говорилось, кандидатура того же Ф.Р. Козлова на должность парторга ЦК Кировского завода рас-

сма тривалась как на Секретариате, так и на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). Через те же инстанции стали «пропускать» даже рядовых секретарей Ленинградского горкома партии и председателя Ленинградского горисполкома⁶¹. По требованию Сталина, секретари райкомов и председатели райисполкомов Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области отныне тоже подлежали утверждению в ЦК ВКП(б) по представлению бюро соответственно Московского и Ленинградского обкомов ВКП(б)⁶². По всей вероятности, Сталин исходил из того, что такая многоступенчатая проверка кадров районных начальников обеих столиц и областей должна была снизить риск выдвижения на эти должности людей с неподходящими деловыми качествами, повысить ответственность и дисциплину среди этих начальников, которые будут осознавать, что теперь они – не только номенклатура обкома, но и номенклатура ЦК, Политбюро ЦК. Все вышеуказанные изменения в кадровой работе явились следствием «дела Г.М. Попова» и «ленинградского дела».

Насколько можно судить по документам и научно-справочной литературе, в кресла первых секретарей горкомов областных и краевых центров, освобождавшиеся в ходе разделения должностей, как правило, пересаживались вторые секретари этих горкомов, так как именно они и ранее, до реорганизации, практически осуществляли повседневное руководство горкомами, проводили заседания бюро горкомов и, по обыкновению, включались в состав бюро областных комитетов. Но так происходило не везде, случались исключения. По крайней мере, в Свердловске и Красноярске без каких-либо громких разбирательств и скандалов «вторые» не стали «первыми», а во главе этих горкомов были поставлены другие начальники⁶³.

Ленинград таким исключением не стал. По предложению Андрианова Ф.Р. Козлов был избран первым секретарём горкома партии, Секретариат и Политбюро ЦК соответственно 20 и 25 января утвердили это решение⁶⁴. «Воцарение» Козлова в Ленинграде стало заметным событием в истории ленинградских властных структур, ведь с момента образования Ленинградского горкома ВКП(б) (конец 1931 года) его руководителем, начиная с С.М. Кирова, всегда был первый секретарь Ленинградско-

го обкома партии⁶⁵. Ф.Р. Козлову довелось стать первым полноправным партийным начальником города за всю историю городской парторганизации. Да и в жизни самого Фрола Романовича это было весьма значимым событием: впервые его секретарская должность в региональной парторганизации начиналась со слова «первый», а не «второй». Приехав в «северную столицу» рядовым партийным работником районного уровня, Козлов стремительно превратился в одну из ключевых фигур ленинградской «цитадели власти» – Смольного.

Некоторые из бывших партийных чиновников, лишившихся работы, пробивались на приём к Ф.Р. Козлову, чтобы найти новое подходящее место. Так, например, поступил недавний секретарь парткома управления МВД А.И. Дубровский, ранее работавший вторым секретарём Дзержинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда, приятель П.И. Левина. Услышав о работе, Ф.Р. Козлов заявил просителю: «Как – нет работы? Иди на стройку». «На какую и кем?» – спросил Дубровский. «На любую. Кладовщиком. Выдавать рабочим рукавички», – рекомендовал Козлов⁶⁶.

Разумеется, бывший партийный начальник, пока ещё сохранявший за собой статус члена Дзержинского райкома партии, рассчитывал на иные вакансии. Он вспоминал, что хотелось многое высказать своему собеседнику, от обиды у него спазм сжал горло. В последующем А.И. Дубровский был исключён из партии, арестован и осуждён к длительному сроку лишения свободы⁶⁷.

Знал ли Дубровский о том, что бывшим секретарям горкома ВКП(б) предъявили обвинения в трудоустройстве снятых с должностей руководящих работников ленинградских властных структур? Вероятнее всего, знал, ведь для ленинградской партноменклатуры из этого особого секрета не делали. В частности, об этих обвинениях говорилось в докладе Ф.Р. Козлова на IX Ленинградской городской партконференции⁶⁸.

Таким образом, отказ Ф.Р. Козлова предоставить А.И. Дубровскому «тёплое место» вполне соответствовал той политике, которую проводило новое ленинградское руководство по отношению к руководству бывшему. За протектирование опальным руководителям дорого заплатил предшественник Ф.Р. Козлова на посту второго секретаря горкома – Н.А. Николаев. Должно

было произойти что-то чрезвычайное, чтобы Козлов проигнорировал печальный опыт предшественников и отступил от новой «генеральной линии» Смольного.

«Тлетворное влияние антипартийной группы...»

По прибытии в Ленинград Андрианов стал неуклонно проводить политику по очищению властных структур от уличённых в «антипартийных действиях» чиновников, дал «зелёный свет» для привлечения их к уголовной ответственности. Как установил доктор исторических наук И.В. Говоров, «ленинградское дело» позволило органам МВД и прокуратуре реализовать часть имеющихся в их распоряжении оперативных данных о различных нарушениях законности представителями партноменклатуры, чего ранее, при П.С. Попкове, им сделать было крайне сложно. В начале 1950-х годов в Ленинграде прошла серия судебных процессов над бывшими руководителями райкомов и райисполкомов города. Недавним районным начальникам инкриминировали крупные хищения и разбазаривание государственных средств⁶⁹.

Впоследствии районные руководители были реабилитированы. Спустя годы они называли предъявленные им обвинения сфальсифицированными и нелепыми. Они утверждали, что незаконное расходование средств с их стороны было обусловлено необходимостью исполнения указаний «сверху» о праздничном оформлении улиц, площадей и агитпунктов, подготовке портретов членов Политбюро и «ленинградских вождей», лозунгов и транспарантов к различным празднествам и тому подобное⁷⁰. Иначе говоря, средства шли на благоустройство и украшение к государственным праздникам, чем умело воспользовались «фабрикаторы» «ленинградского дела». Насколько эти утверждения справедливы, можно будет говорить лишь после введения в научный оборот документов соответствующих уголовных и партийно-следственных дел. Сейчас лишь имеется возможность привести претензии в адрес отдельных районных начальников, прозвучавшие в ходе IX Ленинградской городской конференции ВКП(б) 1950-го года.

Из выступления секретаря Невского райкома ВКП(б) г. Ленинграда Г.Н. Шумилова: «Бывшие секретари райкома Колобашкин, Нестеров и Григорьев проводили антипартийную практику в вопросах подбора кадров. Своей антипартийной деятельностью они пытались воспитывать районный партийный актив, аппарат райкома партии и секретарей первичных парторганизаций в духе беспринципности, замазывания собственных недостатков и вражеской деятельности антипартийной группы. Вместо большевистской критики и самокритики культивировались зазнайство, самодовольство и самовосхваление. Колобашкин, Григорьев и Нестеров проводили антигосударственную практику разбазаривания государственных средств. Нестеров, будучи приближённым человеком к бывшим руководителям обкома и горкома партии, всячески пресмыкался перед ними, был постоянным участником банкетов и так называемых охотничьих вылазок. Вместе с Левиным и другими подхалимами из числа секретарей райкомов партии он участвовал в церемонии преподнесения Кузнецову скульптуры Петра I и благодарственного адреса, участвовал на банкетах при проводах Закржевской, превратил некоторых работников райкома и райисполкома в своих подручных по организации выездов на охоту и рыбную ловлю. Эти выезды также сопровождались кутежами. Такая же антигосударственная практика имела место и у бывшего председателя Невского районного совета депутатов трудящихся Дмитриева, который на организацию банкетов и попоек израсходовал около 20 тысяч рублей. Часть этих средств перекладывалась на предприятия Невского района. В отношении к бывшим секретарям райкома партии Колобашкину и Нестерову Дмитриев проявлял подхалимство и угодничество, тогда как в обращении с трудящимися и своими подчинёнными был груб»⁷¹.

Из выступления секретаря Выборгского райкома ВКП(б) г. Ленинграда А.А. Григорьева: «Разоблачённая при помощи Центрального комитета партии и лично товарища Сталина враждебная антипартийная группа не случайно направила своё внимание на Выборгский район, и надо сказать, что её тлетворное влияние, порочные непартийные методы руководства и воспитания кадров нашли в районе широкое применение. Угодниче-

ство и подхалимство, распущенность и пьянство, парадность и шумиха, зажим критики и самокритики, протаскивание и поддержка подхалимов и угодников широко использовались в практике разоблачённых врагов и их приближённых. Бывший секретарь райкома партии Кедров и бывший председатель исполкома Тихонов, исключённые из партии как участники антипартийной группы, засоряли руководящие кадры района лицами, не внушающими политического доверия. Эти люди с помощью своих последователей и подхалимов Булкина, Несвицкого, Щедруновой, Егоровой и других устраивали многочисленные попойки за счёт государства. Банкеты проводились даже в здании районного комитета партии. Проводилась преступная практика спаивания, разложения партийного актива, широко практиковались групповые выезды на охоту, семейные вечера и попойки на квартирах и так далее, в которых участвовали многие партийные и хозяйственные руководители района. Например, проводы Кедрова, как вы уже слышали из доклада товарища Козлова, сопровождалась трёхступенчатой попойкой: сначала в райкоме с участием аппарата, затем на квартире у бывшего зав. особым сектором райкома с привлечением актива района и, наконец, дома у Кедрова. На этих вечерах преподносились адреса и подарки. Участники попок щедро обеспечивали такие вечера спиртом за счёт предприятий. В своём усердии некоторые подхалимы и угодники типа Щедруновой и Булкина дошли до того, что преподнесли Кедрову картину и ковёр, украденные из райкома партии. Воруя вещи из райкома партии для подарков, эти подхалимы, потеряв стыд и совесть, заодно брали вещи и для себя. Копируя районное руководство, по этому же порочному пути пошли некоторые руководители предприятий и учреждений района. Бывшие секретари парторганизации Грешенков, Дулетов, Николаев, Шпилов и другие, пользуясь подачками, оказались в зависимости от хозяйственников, пошли у них на поводу, примирились с безобразиями и покрывали недостатки. Само собой понятно, что ни о каком настоящем партийном контроле над хозяйственной деятельностью при такой обстановке нельзя было и думать. Критика и самокритика оказалась невозможной, а малейшая попытка критиковать заглашалась. Такая обстановка по-

зволила, начиная с руководителей района и кончая работниками предприятий и учреждений, безнаказанно растрачивать государственные средства на постройку дач, на незаконное приобретение путёвок, премирование и тому подобное»⁷².

Из выступления секретаря Октябрьского райкома ВКП(б) г. Ленинграда А.М. Дмитриева: «Антипартийная группа, подобно болоту, засасывала малоустойчивые элементы, совращала с большевистского пути, толкала на преступления перед партией и государством. Одним из таких подхалимов и угодников, неустойчивым элементом оказался бывший председатель исполкома райсовета Белоус, который вместе с заместителем Ножниной преподнесли Кузнецову модель памятника Петра I. Белоус, пользуясь покровительством Попкова, Лазутина и других, чувствовал себя в районе вольготно, незаконно присваивал для себя и приближённых мебель, принадлежащую государству, насаждал подхалимство. Например, о бывшем начальнике Ремонтно-строительного треста Росинском, который был осуждён Верховным судом к пяти годам заключения, правильно осуждён, Бубнов и Белоус в своё время от имени исполкома ходатайствовали перед Верховным судом об отмене приговора и специально устраивали ему служебные командировки в Москву, выплачивая суточные, квартирные и прочие. Росинский был необходимым им как особо доверенное лицо, через которого разбазаривался жилищный фонд и творились свои дела в Октябрьском районе. Бюро райкома исключило из рядов ВКП(б) Росинского и передало дело на рассмотрение в судебные органы. Бывший заместитель председателя райсовета Ножнина при прямой поддержке бывшего секретаря райкома ВКП(б) Шантырь была выдвинута председателем исполкома и в своей практической работе широко использовала все методы антипартийной группы: подхалимство, угодничество, обман партии, разбазаривание жилфонда, имущества эвакуированных граждан, залезала в карман государству, пренебрежительно относилась к нуждам трудящихся. Ножнина исключена из рядов ВКП(б) только после XIII районной партийной конференции, так как бывшие руководители райкома Платонов и Шантырь поддерживали её. В своё время коммунисты района в своих критических замечаниях, высказанных на

партийных собраниях, вскрыли немало фактов, когда отдельные руководители встали на путь обмана, зажимали критику, культивировали небольшевистские нравы, использовали своё служебное положение. Руководители 75-го строительства во главе с Куделько вместо честного выполнения государственных заданий занимались мародёрством, разделили пять вагонов обстановки. Семейственность в организации не позволяла долгое время раскрыть действия этой группы. Решением райкома ВКП(б) и решением областного комитета партии уже почти полгода как снят с работы и наложено самое строжайшее взыскание на Куделько, но он до сих пор всё же продолжает работать руководителем крупнейшего железнодорожного строительства. Считаю необходимым обратиться в горком ВКП(б) и обком ВКП(б) – ускорить выполнение своего постановления. Гальперин – главный инженер фабрики «Рот-Фронт», сын торговца, в 1942 году пробрался в партию, имел тесную связь с участниками троцкистской организации. <...> Этот Гальперин преподнёс жене Попкова мантию, и после предоставления мантию документы по распоряжению Попкова были уничтожены. Об этом знали на фабрике. Проходимец был исключён из партии и арестован. За попытку разоблачения Гальперина и за критику – члена партии с 1919 года Захарова исключили из партии»⁷³.

Из выступления секретаря Кировского райкома ВКП(б) г. Ленинграда И.К. Замчевского: «Товарищи делегаты! У руководства Кировской районной партийной организации были такие, как Тихонов и Семёнов, которые являлись ставленниками антипартийной группы, которые, обанкротившись и действуя за спиной районной партийной организации, засоряли партийные и хозяйственные кадры района лицами, угодными антипартийной группе, разлагали часть неустойчивых хозяйственных и партийных работников, на партийные деньги устраивали кутежи, выезды на рыбную ловлю, охоту. Достаточно сказать, что в Кировском райкоме на неоднократные банкеты было истрачено более 100 тысяч рублей, а расплачивались за эти кутежи либо за счёт предприятий, либо за счёт имущества райкома партии и райисполкома. <...> Долгое время секретарём райкома партии работал Плющев, который во всём подражал Тихонову, был его став-

ленником, восхвалял Тихонова, занимался администрированием, запугиванием, культивировал угодничество. Бывший председатель райисполкома Иванов вместе с Тихоновым, совместно с Капустиным неоднократно пьянствовали в стенах районного комитета за счёт партийных и советских денег. Бывший секретарь райкома Мокшев, который был снят с партийной работы, по указанию Тихонова и Семёнова был послан на ответственную хозяйственную работу, там проворовался. Вместо того, чтобы его судить, его послали на ответственную работу на завод имени Жданова, где он также занимался поборами с рабочими и крохоборничеством. Заведующий райкоммунотделом Петраченко занимался подделкой документов и расхитил более чем на 100 тысяч рублей имущества райисполкома. <...> Бывший управляющий Лесным портом Чирковский всячески восхвалял Тихонова, делал ему различные подарки. Кадры в Лесном порту подбирались из числа угодных по семейному признаку, а над теми, кто выступал с критикой в адрес Чирковского, над ними немедленно учиняли административную расправу»⁷⁴.

Из выступления секретаря партколлегии при обкоме и горкоме А.Я. Новикова: «Для того, чтобы охарактеризовать разложение отдельных работников, я хочу привести ещё пример относительно бывших секретарей райкомов Ефремова и Нестерова. В тяжёлые дни блокады Ленинграда Ефремов был секретарём Кировского райкома партии, а затем его выдвинули секретарём обкома ВКП(б) по пропаганде. Чем же занимался этот Ефремов? Ефремов вместе со вторым секретарём райкома Киреевым в помещении Дома культуры организовали так называемый штаб и разместили там сотрудниц райкома. Они устраивали пьяные оргии и сожительствовали с подчинёнными женщинами. Ефремов, будучи пьяным, выстрелил в свою сожительницу и ранил её в ногу. Раненая около двух месяцев пролежала в больнице. Всё это было скрыто и нигде не обсуждалось. Киреев, находясь на работе в райкоме, напивался до такого состояния, что его выносили из кабинета в другие комнаты. В бытность секретарём обкома партии Ефремов продолжал заниматься кутежами. В районы области он выезжал в специальном поезде, где также пьянствовали. В этом районе разворовывались продукты, спирт, творился про-

извол со стороны отдельных работников. Когда Ефремова вызвали по этим вопросам в ЦК ВКП(б), он клялся, что этого ничего не было, но, будучи уличённым, признался. Бывший секретарь Василеостровского райкома партии Нестеров и третий секретарь этого райкома Журавлёв организовывали попойки за счёт поборов средств с предприятий и докатились до того, что для устройства пьяных оргий и разврата организовали специальную квартиру. Здесь пьянки происходили сутками. На них приглашались сотрудницы райкома, которым выдавали фальшивые бюллетени по болезни для того, чтобы скрыть их прогул на работе»⁷⁵.

Из выступления секретаря Курортного райкома ВКП(б) г. Ленинграда М.В. Лишенковой: «Глетворное влияние антипартийной группы бывшего ленинградского руководства сказалось и на бывшем руководстве курортной партийной организации. Секретарь райкома Ганичев и председатель райисполкома Жагулло занимались подхалимством и угодничеством, организовывали систематические пьянки и охоты, не вели борьбы с проявлением враждебного влияния на некоторую часть партийного актива района. В районе, к сожалению, до сих пор не изжиты полностью элементы пьянок и нечестного отношения к порученному делу, расхищения социалистической собственности. Сам секретарь райкома Ганичев был олицетворением беспринципности. По его указанию в домах отдыха и санаториях наряду с портретами вождей партии и правительства вывешивались портреты врагов народа Попкова и Лазутина, растрачивались партийные деньги райкома партии на приобретение имущества, ненужного райкому, [которое он] из подхалимства отправлял на дачу бывшему секретарю горкома Левину»⁷⁶.

Из выступления первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова: «Антипартийная группа политически и морально разлагала актив путём проведения всевозможных банкетов, попок, шумных поездок на охоту и всевозможных приёмов и встреч, на что затрачивались миллионы рублей, о чём вам уже частично говорили выступающие товарищи. В тяжёлые годы блокады и войны, когда люди умирали от холода и голода, эти перерожденцы упивались излишествами и развратом. Эти нравы из Смольного передавались и в районы. В Ки-

ровском районе во время бомбёжек района, когда надо было всё делать для того, чтобы спасти жизнь людей, эти враги забирались в бомбоубежища, напивались пьяными, затаскивали к себе женщин, глумились над ними, стреляли в них из револьверов. Подобные враждебные действия были не только в Кировском районе. Если взять Куйбышевский район, то Закржевская нагло вела себя, разлагала актив, сожительствовала в стенах райкома, у себя в кабинете. Эти враги дошли до самого низкого падения. В Свердловском районе был секретарём Краснов. Они там до того закручивали любовные интриги, что его любовницы брали револьверы и стрелялись в стенах райкома. Подхалимы и их приспешники как будто изоляционным слоем прикрывали этих врагов от разоблачения коммунистами. <...> Ранее неизвестно было некоторым о нравах и выходках этих гнусных врагов [Кузнецова, Попкова и др. – А.С.]. Коммунисты рассказывали руководителям горкома и обкома о делах Кировского района, когда там пьянствовали в бомбоубежище и стреляли в женщин. Стреляли, а потом говорили, что этот человек получил ранение от немецкой пули. Известно, что коммунисты приходили в Смольный к Кузнецову и всё ему рассказывали об этом. Однако Ефремова, который был секретарём Кировского райкома, выдвинули секретарём по пропаганде Саратовского обкома»⁷⁷.

Таким образом, речь на конференции шла о застольях, охотничьих забавах и личном материальном обогащении чиновников за счёт партийных и государственных средств. Кроме того, как следует из выступлений, имелись многочисленные нарушения «внутрипартийной демократии» – «зажим критики и самокритики», расправа над неугодными, а также факты «морально-бытового разложения» среди ленинградской партноменклатуры.

«Вместо того, чтобы ликвидировать немногочисленный сорняк, у нас начали усиленно рубить лес...»

Вместе с тем своих должностей и партбилетов лишились не только действительно причастные к нарушениям государственных и партийных законов. «Вместо того, чтобы ликвидировать

немногочисленный сорняк, у нас начали усиленно рубить лес, не говоря уже о щепках, которые в изобилии летели всюду», – говорил позже, уже после реабилитации фигурантов «ленинградского дела», завотделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома КПСС П.И. Кузнецов. В короткие сроки были заменены почти все секретари первичных партийных организаций, директора и главные инженеры предприятий, руководство многочисленных научных и культурных учреждений. Всем было выражено политическое недоверие только за то, что они работали в период руководства А.А. Кузнецова, П.С. Попкова и Я.Ф. Капустина, которых они могли видеть лишь на плакатах и в газетах. Кадровые чистки в Ленинграде не прекращались, а наоборот, после суда над «центральной группой» приобрели ещё больший размах и проходили под лозунгом ликвидации «последствий вражеской деятельности группы Кузнецова, Попкова и других»⁷⁸.

В ленинградские обком и горком, в ЦК ВКП(б) хлынул поток «сигналов» о различных нарушениях, допускаясь руководящими работниками. В отчёте ревизионной комиссии Ленинградского горкома на городской партконференции 1950 года говорилось, что после конференции 1948 года количество писем в Смольный увеличилось в 3,5 раза. Если в 1948 году в особый сектор обкома и горкома поступило 16 120 писем и заявлений, то в 1949-м их было уже 29 941, а за 4,5 месяца 1950 года – 19 958 писем и заявлений. На ленинградские властные структуры легла непростая обязанность по проверке этих заявлений. С марта 1949-го по май 1950 года бюро Ленинградского горкома рассмотрело 427 вопросов, поднятых в письмах и заявлениях, из них 150 – о «зажиме критики», недостойном поведении и злоупотреблениях отдельных работников. На 10 мая 1950 года в отделах горкома партии находились на рассмотрении и проверке 2355 писем и заявлений⁷⁹. По результатам проверок снимали с работы и исключали из партии всевозможных начальников – нечистых на руку, злоупотребляющих алкоголем, ведущих разгульный образ жизни, мстящих за конструктивную критику в свой адрес и так далее. Но многие обвинения были предвзятыми, глубоко субъективными либо даже сфальсифицированными. Об этом достаточно много говорилось на той же Ленинградской го-

родской партконференции 1950 года. Причём выступавшие указывали на сложившуюся в Смольном практику, когда кляузников не привлекали к ответственности за откровенную клевету. Причина тому – опасения нового ленинградского руководства получить обвинения в «зажиме критики».

В частности, первый секретарь Кировского райкома ВКП(б) И.К. Замчевский привёл в пример лектора горкома Давидченко, который обвинял новых секретарей горкома и райкома в политических ошибках, в проведении «попковской линии». Райком после разбирательств объявил Давидченко строгий выговор за клевету. Горком, тем не менее, выговор снял и заменил его указанием, которое не являлось партийным взысканием. «Боятся, как бы не получилось так, что выйдет, что он пострадал за критику», – пояснил Замчевский. Однако выяснилось, что Давидченко кляузничал по старой привычке: как сообщили из ЦК, он ещё в 1935-м и 1937 годах получал выговоры (в том числе строгий с занесением в учётную карточку) за клевету (в последующем автор десятков заявлений Давидченко, когда его сын задумал жениться, затребовал анкетные данные на невестку, в которых обнаружил порочащие сведения, и после произошедшего по этой причине скандала с сыном написал на него в «органы» заявление, что сын примыкал к «антипартийной группировке» и допускать его в дальнейшее плавание по окончании морской школы нельзя)⁸⁰.

Коллегу поддержал первый секретарь Куйбышевского райкома П.Ф. Ладанов. Он поведал о коммунисте, работнике кинотеатра «Новости дня» Троицком. Последний имел проблемы с анкетными данными, к тому же пытался скрыть партвзыскания, за что не был утверждён бюро райкома на руководящую должность. Обиженный партиец стал писать в прокуратуру, горисполком, горком и обком партии, обвиняя, что «его зажимают», что в Куйбышевском районе восседают «попковцы» и «закржевцы». Секретарь райкома жаловался, что разбор заявлений Троицкого отнимал у всех массу времени. «Мне кажется, горком партии должен принять меры к таким зарвавшимся лицам, которые не дают возможности по-настоящему работать, – говорил Ладанов. – Мы его посылаем на работу, он не хочет идти. Требу-

ет работу руководящую, в кинофикации директором. Мы не можем посылать таких грязных людей на острые идеологические участки»⁸¹.

Возмущение анонимными клеветническими заявлениями высказал даже народный артист СССР Николай Черкасов. К нему за помощью обратился член партии, которого обвинили в том, что он якобы за казённый счёт отремонтировал себе квартиру, имеет кровать с золотыми шарами и якобы выпил с одним из бывших руководителей Ленинградского горисполкома ящик вина и вместе с ним попал в милицию. Черкасов отметил, что есть анонимки, достойные проверки по существу, но есть – идиотские и глупые. Обвинения в адрес коммуниста он назвал «бредом сивой кобылы», которые после проверки не подтвердились. «У нас бывает так, – заявил Черкасов с трибуны конференции, – когда охаивается коммунист в тяжёлом преступлении, на него наваливаются все: и райком, и прокуратура, и следственные органы. А как только выясняется, что человек не виноват, а сплошь и рядом виновником является заявитель, клеветник, и когда приходишь к прокурору и говоришь ему: “Будьте добры, привлекут к ответственности клеветника”, то отвечают: “У нас нет времени этим делом заниматься”»⁸².

Первый секретарь обкома ВКП(б) В.М. Андрианов в выступлении тоже не обошёл эту проблему: «Мне думается, справедливо говорили здесь на конференции товарищи о том, что некоторые чересчур усердно начинают за всякие проступки приписывать грехи или просто брать под подозрение и клеветать на честных коммунистов, относить их к “антипартийной группе” и обвинять их в связях с “антипартийной группой”. Такой огульный подход не только неправилен, но и вреден. Надо запомнить, что будет много чести для “антипартийной враждебной группы” приписывать к ней большое количество людей»⁸³.

Тем не менее, несмотря на здравые мысли, достаточно адекватную оценку действительности, «огульного подхода» при разборе многочисленных «персональных дел» сотрудников партийно-государственного аппарата, представителей управленческого корпуса новому ленинградскому руководству избежать не удалось. В частности, согласно указанию В.М. Андрианова и

невзирая на возражения И.К. Замчевского, по очередному заявлению того же Давидченко из партии были исключены десятки коммунистов⁸⁴.

Было бы ошибочным приписывать В.М. Андрианову и Ф.Р. Козлову исключительную инициативу и рвение в поголовной замене прежних кадров на новые и в «чистках» партийных рядов. Как докладывал на Ленинградской городской партконференции 1950 года секретарь партколлегии А.Я. Новиков, в первом квартале того года партколлегия отменила 20 % решений райкомов ВКП(б) об исключениях из партии. Новиков обвинил нижестоящие организации в невнимательном рассмотрении персональных дел⁸⁵. А поднимавшиеся на трибуну первые секретари райкомов требовали от горкома быстрее реагировать на инициативу райкомов о смещении с занимаемых должностей отдельных руководителей⁸⁶.

Спустя три года Ф.Р. Козлов, стоя на трибуне объединённого пленума обкома и горкома (ноябрь 1953 года), признавал, что имели место ошибочные исключения из партии «за так называемую связь с Кузнецовым, Попковым, Лазутиным, Капустиным»: «Стоило человеку побыть вместе с ними, уже составлялся материал и человека из партии исключали». Всего, согласно данным Козлова, «за связь» было исключено около 300 человек. Кроме того, исключались из партии на основании справок из органов МВД или записей в личных делах о том, «что человек голосовал когда-то за зиновьевскую оппозицию»⁸⁷.

Вместе с тем Ф.Р. Козлов в присутствии Н.С. Хрущёва, приехавшего тогда в Ленинград для избрания нового первого секретаря обкома КПСС, указывал на то, что не все исключённые из партии «за связь» были невинными жертвами: «Они пьянствовали, транжирили государственные средства, распутничали, развращали кадры и допускали другие непартийные действия»⁸⁸.

Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв использовал «ленинградское дело» как инструмент в борьбе за власть и лично был заинтересован в реабилитации осуждённых по «делу». Но и он вынужден был признать, что некоторые обвинения в адрес А.А. Кузнецова и других имели под собой основания и пересматривать их в то время не планировалось. Об этом он говорил на

собрании ленинградского партактива в мае 1954 года, когда отвечал на поступившие ему вопросы: «Некоторые товарищи спрашивают: какое отношение Центрального комитета партии к решению ЦК о партийных проступках Кузнецова и других? Мы не разбирали этих вопросов, и я не знаю, есть ли сейчас смысл возвращаться к ним, потому что мы их наказали в своё время за допущенные ими ошибки в партийном порядке. Что даст новое рассмотрение этого вопроса? Может быть, поколеблет веру в правильность решения Центрального комитета партии, принятого на первом этапе партийных проступков бывших руководителей ленинградской организации. Тут может быть степень наказания разная. Это я допускаю. Почему? Известно, что товарищ Кузнецов и другие допускали разные излишества, выпивки допускались. Ведь это факт. И расходование средств государственных не по назначению допускалось, и бахвальство, и некоторое зазнайство. Было же всё это, товарищи. Он болтал в Москве о том, что мы, мол, ленинградцы, люди особого склада. Не понимаю, какой это особый склад? Тогда давайте укажите, чтобы мы этот склад заметили, а то начинают говорить: ленинградцы – люди особого склада, москвичи – особого склада, киевляне – тоже особого склада. А какого же склада партия? Она, получается, складывается из групп разных складов? Что за чепуха? Это бахвальство. Оно и было осуждено, и правильно осуждено. И сегодня нужно осудить, а не воскрешать его. Да, слушайте, товарищи ленинградцы, вы на самом деле думаете, что вы лучше, чем коммунисты, работающие в Свердловске? Если так полагать, тогда не может быть в партии общего языка. Партия не может предоставить вам какую-то полочку ленинградскую, да вряд ли вы сами захотите иметь такую особую полочку. То, что Ленинград сделал для партии, как передовой отряд коммунистов, то, что сделал петроградский рабочий класс для России, для Советского Союза, этого не стереть никаким врагам истории. Но нужно ли кичиться перед своими друзьями? Это не годится. Поэтому я считаю, что в этих вопросах решение ЦК партии было правильное»⁸⁹.

Слова Хрущёва с делами на этот раз не расходились. Известно, что бывший управляющий делами ленинградских обкома и

горкома ВКП(б) Ф.Е. Михеев был хоть и восстановлен в партии, но с перерывом в партстаже. Даже спустя пять лет после освобождения из заключения, в конце 1950-х годов, ему пришлось давать пояснения партийной комиссии при Ленинградском обкоме КПСС и Комитету партийного контроля при ЦК КПСС по обвинениям в незаконном расходовании государственных средств⁹⁰.

И только в конце 1980-х годов Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и комиссия Политбюро ЦК КПСС снимут с фигурантов «ленинградского дела» абсолютно все обвинения по партийной линии. В исторической литературе они предстанут невинными жертвами сталинского режима, честными коммунистами, павшими в результате интриг в высшем руководстве СССР, поплатившимися свободой и жизнью за любовь к Ленинграду, нестандартное мышление и смелые новаторские идеи⁹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использованные в настоящем исследовании архивные документы позволяют сделать некоторые предварительные выводы, которые в дальнейшем, после рассекречивания всего комплекса документов по «ленинградскому делу», могут быть откорректированы.

К концу 1948 года у И.В. Сталина стало накапливаться недовольство в отношении «ленинградцев». В первые послевоенные годы по линии госбезопасности к нему поступала информация «о беспорядках в ленинградском руководстве». Но, судя по отсутствию видимой реакции Сталина, можно предположить, что этих материалов было недостаточно для их рассмотрения Секретариатом ЦК или Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б). Тем более что расследование по масштабному «делу скорпионов» завершилось судебным процессом и уголовным наказанием для уличённых в коррупции представителей ленинградских властных структур.

В середине 1948 года, ещё до смерти А.А. Жданова, работа управления кадров ЦК ВКП(б) под руководством ждановского ставленника А.А. Кузнецова подверглась критике, важное структурное подразделение в ЦК партии было ликвидировано. Кузнецов, тем не менее, сохранил обязанности секретаря и члена Оргбюро ЦК ВКП(б), что свидетельствует об определённом лимите доверия со стороны Сталина.

Спусковым механизмом в «деле» послужило поступление анонимного письма о фальсификациях результатов тайного голосования на состоявшейся в декабре 1948 года в Ленинграде областной и городской объединённой партийной конференции. К разбирательствам подключился второй секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, содержащиеся в анонимном письме сведения получили подтверждение. Повышенное внимание к этим нару-

шениям вполне объяснимо: введённые И.В. Сталиным в управленческую практику принципы выборов партийных органов являлись неременным условием функционирования партийно-государственной системы власти. Угроза для сталинской системы власти заключалась в том, что «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях.

Другим предметом разбирательств стали получившие известность разговоры А.А. Кузнецова и его приближённых, суть которых сводилась к необходимости создания партийного руководства РСФСР во главе с Кузнецовым. Истинный смысл своих желаний – стремление к власти – «ленинградцы» пытались завуалировать, преподнести как желание «облегчить», снизить нагрузку на ЦК ВКП(б), и чтобы у русского народа появились «партийные защитники». Близкий к «ленинградцам» председатель Совмина РСФСР М.И. Родионов ранее обращался к Сталину с предложением создать такой орган в виде структурного подразделения ЦК партии – бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, но поддержки его предложение тогда не получило. Содержание разговоров среди «ленинградцев» о создании российской компартии и её руководящих органов Сталин, оправданно либо неоправданно, воспринял всерьёз и лично разъяснил им негативные последствия подобных действий. Воплощение в жизнь идеи о создании руководящего партийного органа РСФСР, которую вынашивали «ленинградцы», осознавали они того или нет, повлекло бы за собой значительные подвижки в высшем руководстве СССР, перераспределение полномочий в высших органах власти и появление там одной из самых влиятельных фигур.

Вышеперечисленное в совокупности с обвинениями в нарушении государственной и партийной дисциплины (проведение Всесоюзной ярмарки), в «антипартийной групповщине», включая стремление «ленинградских вождей» непременно иметь «шефов» в высшем руководстве страны, и рвачестве, в нарушении принципов подбора кадров и создании атмосферы подхалимства, угодничества и самовосхваления привели к отставкам А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и руководителей Ленинграда и области. Но не к их аресту, что неизбежно бы произошло, будь

на то воля Сталина. Такое решение появилось позже, с появлением новых компрометирующих сведений.

После смены ленинградского руководства в Москву стали поступать материалы об «антипартийном поведении» бывшего руководства города и области в годы войны и послевоенное время – коррупции, пьянстве и морально-бытовом разложении, а также дополнительные сведения о проявлениях парадности, самовосхваления, вождизма. Эти явления получили широкое распространение на всех уровнях ленинградского партийно-государственного аппарата, в низах копировали поведение вышестоящих. Ленинградские властные структуры, хозяйственные организации, различные учреждения и ведомства оказались опутаны разветвленной сетью патрон-клиентских связей, где не было места «чужакам». Пытающихся сопротивляться царившим в Ленинграде нравам изгоняли из системы власти, что впоследствии было квалифицировано как «зажим критики и самокритики» – нарушение одного из принципов функционирования сталинской системы власти.

Ленинградские выдвиженцы, судя по всему, аскетизмом не страдали, в «своих» регионах устанавливали «ленинградские порядки», стремились поддерживать связь с А.А. Кузнецовым и руководителями Ленинграда, демонстрировали почтение своему «цековскому шефу» и прочили ему большое будущее. На ближайшем партийном съезде многие кузнецовские выдвиженцы из числа руководителей областей должны были войти в составы членов или кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Выдвижение руководящих кадров по принципу знакомства, личной преданности и приятельских отношений не могло не вызвать негативной реакции у Сталина. Расстановка «своих людей» на многих ключевых постах в партийно-государственном аппарате страны была интерпретирована как действия, имеющие своей конечной целью реализацию властных амбиций «ленинградцев».

Важное место среди обвинений заняли факты использования ленинградским начальством служебного положения в личных целях, разбазаривания продовольственных ресурсов. Подобные явления в первые послевоенные годы в различной форме и масштабах проявлялись во многих регионах страны. Как свиде-

тельствуют архивные документы, коррупция приобрела колоссальный размах и высшее руководство позднесталинского СССР предпринимало решительные шаги по борьбе с ней. Разбирательства по «коррупционным делам», где основными фигурантами выступали руководители различных властных структур и хозяйственное начальство, не сходили с повестки дня заседаний Секретариата ЦК ВКП(б) и, в первую очередь, Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Вместе с тем подобные явления в Ленинграде вызывали наиболее резкую негативную реакцию со стороны центральных властных инстанций, ведь они, эти явления, имели место на фоне страшных бедствий, обрушившихся на город и область в военные и первые послевоенные годы. Пресыщенная жизнь высшего ленинградского начальства, материальное обогащение за государственный счёт на фоне ужасающей ленинградской повседневности вполне могли стать дополнительным фактором в принятии решения о жёстком наказании основных фигурантов «ленинградского дела».

Следует отметить отсутствие каких-либо доказательств того, что обвинения в коррупции были лишь поводом для расправы над «ленинградской группой». Длительная скрупулёзная работа сотрудников финансовых органов, партконтроля и госконтроля, партийно-государственного аппарата по выявлению и документированию финансовых нарушений и различных злоупотреблений в Ленинграде теряла всякий смысл, если бы перед верховной властью стояла единственная задача – любыми средствами получить от обвиняемых необходимые, обличающие их показания. С подобной «проблемой» самостоятельно и вполне успешно могли справиться органы госбезопасности путём применения к обвиняемым мер физического воздействия. К тому же следует иметь в виду то обстоятельство, что многие факты и детали «антипартийного поведения» ленинградских чиновников не были преданы огласке даже на партийных форумах. Тщательно задокументированные, они были сокрыты в недрах архивов ЦК ВКП(б) и МГБ СССР. И по сей день там остаются, являясь одной из самых охраняемых архивных тайн в постсоветской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 62; Приговор [Военной коллегии Верховного суда СССР центральной группе обвиняемых по «Ленинградскому делу». 30 сентября 1950 г.] // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 59–61.
- ² Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 305. Л. 64–64 об.
- ³ Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело». С. 62–63.
- ⁴ Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 15–21; Он же. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Декабрь. С. 15–23; Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело». С. 53–67; Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 5–174; Кутузов В. Грязная кухня Абакумова // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 405.
- ⁵ Назовём лишь некоторые работы: Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949–1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 98–107; Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 252–254; Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 122–132; Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. М., 2007. С. 173–189; Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289; Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 20; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 98–112; Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.

- С. 168–188; Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 384–386.
- ⁶ Ваксер А.З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб., 2012. С. 5–10; Амосова А.А. Преданный забвению... С. 37–49.
- ⁷ Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. СПб., 2004; Он же. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66–81; Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде (операция органов госбезопасности по ликвидации организованной группы преступников в январе 1946 года) // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 238–250; Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера: [сборник статей]. СПб., 2008. С. 95–110.

Глава I

- ¹ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 76–77; Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 43–44; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 16.
- ² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 115.
- ³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л.П. Кошелева, А.И. Минюк, М.Ю. Прокуменщиков, Л.А. Роговая, С.В. Соменова. М., 2002. С. 67, 246–247.
- ⁴ Там же. С. 247; Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии. С. 43.
- ⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 979. Л. 3–4.
- ⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 28.
- ⁷ Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 32–33, 50–51, 90, 198–200, 240–241; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсен-

ко; отв. сост. В.Ю. Афиани; сост.: З.К. Водопьянова, А.М. Орехов, А.Л. Панина, М.Ю. Прозуменщиков, А.С. Стыкалин. 3-е изд., испр. и доп. М., 2015. С. 1200; Бюро ЦК КПСС по РСФСР // Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1965 / гл. ред. Л.С. Шаумян. М., 1965. С. 18.

- ⁸ Фрагменты закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьёва и др.». 12 октября 1949 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 57.
- ⁹ Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии. С. 43–46; Приговор... С. 60.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 16.
- ¹¹ Мнение историка Д. Бранденбергера по этому поводу следующее: «Из выступления Попкова на февральском пленуме на самом деле понятно, что Сталин отругал Попкова не за его поддержку предложения подчинить обкомы РСФСР единому бюро, а за его претензии опереться на новое учреждение для того, чтобы стать защитником русского народа. <...> Так что вопрос здесь не о том, что бывший ленинградский руководитель ошибся с поддержкой плана создать новую административную структуру. Попков ошибся с предложением быть представителем русского народа в Москве – предложением, которое не было поднято даже при Хрущёве в 1956 г.». (См.: Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела» // Россия XXI. 2018. № 2. С. 70–71.)

Прокомментировать указанное мнение историка и при этом не выйти за рамки научной дискуссии весьма непросто. Скажем лишь, что нам очень сложно представить такую должность – представитель русского народа в Москве, защитник русского народа. Ни подобных должностей, ни подобных обязанностей в номенклатуре ЦК ВКП(б)–КПСС мы не встречали. На наш взгляд, Д. Бранденбергер весьма вольно интерпретирует сказанное П.С. Попковым на пленуме.

Глава II

- ¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 9.
- ² Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 263–264.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 43–45.
- ⁴ Там же. Л. 9–11, 123–125.
- ⁵ Там же. Л. 124.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 52–53.
- ⁸ Там же. Л. 10–11.
- ⁹ Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 15–16; Он же. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Декабрь. С. 23; Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело». С. 55–57.
- ¹⁰ Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Ноябрь. С. 16.
- ¹¹ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 65–66.
- ¹² Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии. С. 48.
- ¹³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 65–69; Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС... С. 104; Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы... С. 250–254; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир... С. 99.
- ¹⁴ Ваксер А.З. Ленинград послевоенный... С. 125; Амосова А.А. Преданный забвению... С. 179.
- ¹⁵ Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 97.
- ¹⁶ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 65.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 223.
- ¹⁸ В 2010 году автору в Центральном архиве общественно-политической истории Москвы из заказанных около десятка дел – стенограмм пленумов Московского обкома КПСС и Московской областной партконференции за 1959–1961 годы – в читальный зал вынесли лишь два дела, остальные оказались нерассекреченными. Поэтому неудивительно, что сотрудник архива в совершенно пустом читальном зале раскладывала пасьянс на компьютере. Она не без гордости заявила: мы тут работаем согласно действующему законодательству, а вы там у себя, в провинции, можете делать что угодно. Благодаря такому подходу отдельных архивных учреждений, а также курирующих их деятельность региональных администраций создаются идеальные условия для появления на свет исторических работ, не имеющих необходимую по полноте источниковую базу, достаточную для достоверного освещения событий прошлого. Создаются условия для намеренного искажения исторической действительности в угоду самым различным интересам и концепциям, зачастую имеющим западное происхождение.
- ¹⁹ Архивная справка Центра документации новейшей истории – Филиала Государственного архива Ярославской области № Т-73. 31 июля

- 2017 года // Личный архив автора; Архивная справка Государственного архива новейшей истории Саратовской области № 131-Т. 26 августа 2016 года // Личный архив автора.
- ²⁰ Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Оп. 22. Д. 16. Л. 3–6.
- ²¹ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-26. Оп. 20. Д. 20. Л. 354–356.
- ²² Государственный архив Алтайского края. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 2. Л. 287–288.
- ²³ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1046. Л. 107–110.
- ²⁴ Исторический архив Омской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5017. Л. 151–153.
- ²⁵ Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 1. Л. 121–124.
- ²⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 44. Д. 1. Л. 58–59.
- ²⁷ Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 105. Оп. 14. Д. 4. Л. 185–186.
- ²⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 547. Л. 270–271.
- ²⁹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 25. Д. 1. Л. 99–105.
- ³⁰ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 13. Д. 154. Л. 1–6.
- ³¹ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6491. Л. 234–237.
- ³² Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела». С. 73–74.
- ³³ ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 908. Л. 7–8.
- ³⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1046. Л. 107, 110; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 1. Л. 99, 102.
- ³⁵ Считаю необходимым обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, в работе А.А. Амосовой и Д. Бранденбергера «Новейшие подходы к интерпретации “Ленинградского дела” конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях» отсутствуют какие-либо упоминания о выборах «почётных делегатов». Авторы ведут речь о фальсификации результатов тайного голосования (объявление результатов выборов единогласными) как о распространённой партийной практике в сталинское время. Авторы сосла-

лись на сборник «Ленинградское дело», где ни слова не говорится о степени распространённости подобных практик в СССР. Технические сбои в примечаниях к статье не наблюдается. Следовательно, мы имеем дело с фальсификацией авторами научно-справочного аппарата в статье, подтасовкой доказательной базы одного из основных научных положений в работе. Сюжет о «почётных делегатах» появился лишь тогда, когда Д. Бранденбергеру понадобилось отстоять свой взгляд о повсеместных фальсификациях.

Во-вторых. В статье «О некоторых аспектах «Ленинградского дела»» Д. Бранденбергер среди прочего заявил, что «основной тезис» А.В. Сушкова – его утверждение о том, что «фальсификации на партийных выборах были редким явлением», «что случаев единоголосного избрания руководителей регионов либо было мало, либо не было совсем» (см.: Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела». С. 73). Отмечаем, что подобных заявлений в нашей работе не было и быть не могло. Мы не можем утверждать того, что случаев единоголосного избрания было мало либо не было совсем, что фальсификации на партийных выборах были редким явлением. Мы не можем этого делать по одной простой причине: для подобных утверждений необходимо иметь на руках результаты голосования по всем регионам СССР либо, по крайней мере, в половине из них, также желательны документы о фальсификациях на партийных выборах, аналогичные тем, что были в Ленинграде. Подобными документами мы не располагаем. Мы лишь на нескольких (!) примерах показали, что утверждения А.А. Амосовой и Д. Бранденбергера о фальсификации результатов тайного голосования путём обнуления результатов выборов как распространённой партийной практике в сталинское время не соответствуют действительности, не подтверждаются архивными документами (см.: Сушков А.В. Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти? О некоторых аспектах «ленинградского дела» // Россия XXI. 2018. № 1. С. 93–101). Речь шла лишь о степени распространённости этой практики, и не более того. В отличие от наших коллег, мы стремимся избегать голословных утверждений, и как-либо переиначивать, слишком волюно интерпретировать основные тезисы в нашей работе не следует.

В-третьих. Одно лишь утверждение о том, что в 1948 году практически на всех партконференциях, начиная с районного уровня, проходили также выборы «почётных делегатов», в качестве которых выступали И.В. Сталин и другие члены Политбюро, само по себе свидетельствует о степени компетентности автора подобного высказывания. Историк, который занимается изучением региональной истории (не обязательно политической), кто действительно работает с документами различных региональных партийных конференций,

априори не может утверждать о повсеместных выборах Сталина и членов Политбюро на этих конференциях.

В-четвёртых. Возникает вопрос: как профессиональный историк может утверждать о повсеместном избрании тайным голосованием «почётных делегатов» в масштабах СССР, тогда как на руках имеет лишь данные по нескольким районным организациям одного региона? Разве непонятно, что подобным образом – выявив лишь один или несколько частных случаев, примеров – можно доказать всё, что заблагорассудится? Такой подход к изучению исторических процессов в СССР считаем совершенно неприемлемым.

Со своей стороны, мы не держимся во что бы то ни стало за собственные выводы и готовы в любой момент их пересмотреть и отказаться, если только оппоненты предоставят убедительную доказательную базу своим утверждениям. Нам крайне необходимо знать, что в действительности происходило в нашей стране в позд-несталинский период, нам нужна объективная картина событий, которую можно реконструировать лишь в ходе беспристрастного и компетентного изучения максимально возможного количества исторических документов, не отбрасывая при этом ничего «лишнего», того, что не укладывается в какие-либо заранее заданные рамки и концепции.

³⁶ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 15.

³⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 5. Л. 62, 67–72; Оп. 66. Д. 2847. Л. 24–24 об.

³⁸ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прокуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 392, 398.

³⁹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 66. Д. 1558. Л. 10–11; Кибиткина Г.Н. Заикин Иван Васильевич // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 364.

⁴⁰ Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007. С. 19–20, 116–117.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 168; Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. С. 162–191, 202–217.

Д. Бранденбергер в статье «О некоторых аспектах “Ленинградского дела”» утверждает следующее: «Кстати, следует отметить, что упоминаемый в статье И.М. Зальцман, на снятие с должности которого в 1949 г. повлияла, по мнению А.В. Сушкова, информация о “результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана при выбо-

рах партийных органов и депутатов Верховного совета СССР» [12, с. 103], в 1940 г. не прошёл на выборах в члены парткома Кировского завода, что не помешало ему не только остаться директором, но и продолжить успешную до некоторого времени карьеру» (см.: Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела». С. 72–73).

В нашей статье указывалось, что «результаты голосования использовались не только для оценки деятельности партийного и исполкомовского начальства», но и хозяйственных руководителей. Данное положение было подтверждено документально, приведена цитата из записки межведомственной комиссии на имя Г.М. Маленкова (см.: Сушков А.В. Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти?.. С. 103). Подобных примеров можно привести достаточно много. В частности, в настоящей работе упоминается, что начальник Ленглавресторана А.И. Фельдман в 1944 году не был избран в состав членов бюро парторганизации управления Ленглавресторана, и об этом факте межведомственная комиссия в 1950 году сообщила своему руководству. Однако мы нигде не говорим о том, что неизбрание в состав партийных органов хозяйственных руководителей автоматически должно было означать смещение с занимаемой должности. Вновь повторим, что данный факт мог быть использован и использовался для оценки деятельности того или иного хозяйственного руководителя.

Второе. Что касается провала И.М. Зальцмана при избрании членов парткома в Ленинграде в 1940 году, то нельзя забывать, что этот инцидент имел место накануне войны, в период войны организационно-партийная работа по понятным причинам находилась в состоянии стагнации. Иное дело – в послевоенное время. Одни только разговоры среди заводских коммунистов о том, чтобы завалить И.М. Зальцмана на выборах парткома завода в 1946 году, вызвали немалое беспокойство среди руководителей Челябинской области, и те предприняли все усилия, чтобы этого не допустить, а после расправились с основными зальцмановскими критиками (подробнее см.: Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. С. 53–86).

Третье. Д. Бранденбергер в статье охарактеризовал систему выборов партийных органов следующим образом: «Негативные результаты выборов использовались как дополнительный аргумент при разбирательстве для того, чтобы скрыть или усилить истинные причины отставки, в других же случаях их просто игнорировали» (см.: Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела». С. 73). Данное заключение автора является абсолютно голословным, и для его подтверждения требуется проведение большой исследовательской работы. Отсутствие ссылок на архивные документы или ре-

зультаты проведённого исследования говорит о том, что Д. Бранденбергер не занимался изучением этой проблематики и, к сожалению, в очередной раз вместо этого прибегает к совершенно необоснованым утверждениям.

Вновь отметим лишь то обстоятельство, что для партийных руководителей избрание в состав партийного комитета, где было их основное рабочее место (в ходе выдвижения, обсуждения кандидатур или непосредственно тайного голосования), автоматически означало отставку. Такими примерами изобилуют как документы партийных органов, так и газетные материалы того времени (о кандидате, не сумевшем пройти через процедуру выборов, в документах или газетных публикациях говорилось, что тот был «забаллотирован»). Провал на выборах был вполне распространённым явлением среди партийных руководителей низового уровня партаппарата; с повышением ранга партийного руководителя подобные инциденты фиксировались, соответственно, реже. В иных случаях (то есть, что касалось хозяйственных руководителей или тех партийных руководителей, избравшихся в состав такого парткома, где не было их основного рабочего места) положительные или негативные результаты голосования рассматривались как показатель авторитетности того или иного руководителя в партийной организации, использовались для оценки его деятельности и отмечались в его персональных характеристиках, материалах различных проверок и т. д. (См., например: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 71, 352).

Ленинград исключением не являлся. К примеру, в 1949 году на отчётно-выборном партсобрании на парфюмерной фабрике директор этой фабрики Крылов и председатель фабричного комитета Иванова в ходе тайного голосования не прошли в состав нового заводского партбюро. Это отнюдь не означало, что эти руководители автоматически лишились должностей, но сам факт их критики на собрании и провала на выборах в состав партбюро были зафиксированы во Фрунзенском райкоме ВКП(б). А вот то обстоятельство, что в ходе выборов на отчётно-выборных партсобраниях (партконференциях), состоявшихся на фабрике «Скороход», заводе № 448, в ветеринарном институте, «завалились», были забаллотированы секретари этих парторганизаций, означало автоматическое лишение занимаемых ими должностей как неизбранных (См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 26. Л. 96–97; Д. 27. Л. 87).

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 45–46.

⁴³ Д. Бранденбергер в статье «О некоторых аспектах “Ленинградского дела”» ошибочно полагает, что Маленков и Никитин говорили о 15-ти голосах «против» у Капустина как возможной причине его (Капустина) отставки (см.: Бранденбергер Д. О некоторых аспектах

«Ленинградского дела». С. 72). В действительности Г.М. Маленков предложил Никитину представить гипотетическую ситуацию, когда Капустин проходил бы в состав горкома последним или предпоследним (имеется в виду место в списке, где все кандидаты выстроены в порядке увеличения количества полученных ими голосов «против»), и влияния этого фактора на постановку вопроса о нём на организационном пленуме. Г.М. Маленков спросил Никитина, что если бы Капустин со своими 15-ю голосами «против» прошёл бы в члены пленума последним или предпоследним, могло ли это обстоятельство отразиться на его избрании секретарём горкома? Никитин ответил, что этот вопрос мог быть поставлен. После этого в зале действительно раздались возгласы несогласных: «Нет, не так». Но Никитина это отнюдь не переубедило: «Я объясню членам пленума, почему я так мыслю. Если бы товарищ Капустин получил большое количество голосов “против”, этот вопрос мог быть поставлен» (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 45).

Никитин не вполне точно ответил на вопрос Г.М. Маленкова. Однако его мнение о возможном провале Капустина, если бы тот получил «большое количество голосов “против”», нам интересно для воссоздания всей картины, поэтому мы его здесь приводим. Отрицание членами пленума этого обстоятельства не переубедило Никитина, ведь он имел в виду не конкретные 15 голосов, а «большое количество голосов».

Ещё раз отметим: Маленков задал гипотетический вопрос. В действительности же Капустин не проходил с 15-ю голосами последним или предпоследним, были и более высокие показатели, нежели у него.

Утверждать однозначно, что П.С. Попков не использовал бы факт прохождения Я.Ф. Капустина в состав горкома последним или предпоследним даже с 15-ю голосами (случись это так), мы также не можем, т. к. неизвестно, какие бы дополнительные аргументы мог использовать Попков.

Далее Д. Бранденбергер утверждает: «Даже П.С. Попков в своей покаянной речи на том же пленуме, рассказывая о своих взаимоотношениях с аппаратом ЦК, рассказал о том, что незадолго до упомянутой конференции он был на приёме у Г.М. Маленкова, с которым обсуждал кандидатуры секретарей горкома и обкома. Таким образом, вопрос о персональном составе секретарей решался перед выборами на конференции и независимо от них, и это было очевидно для работников партаппарата» (Бранденбергер Д. О некоторых аспектах «Ленинградского дела». С. 72).

Мнение Д. Бранденбергера о том, что все кандидатуры секретарей горкома и обкома заранее были согласованы с Г.М. Маленковым, и потому процедура голосования на конференции носила ис-

ключительно формальный характер, также ошибочно. Предварительное обсуждение кандидатур в состав руководящих органов не было исключительной прерогативой Ленинграда. Выше уже приводились примеры, как предварительно согласованные с ЦК ВКП(б) кандидатуры на руководящие посты в свердловских обкоме и горкоме лишались должностей по результатам тайного голосования. Поэтому предварительное согласование с Г.М. Маленковым кандидатур секретарей горкома и обкома не исключало возможность замены этих кандидатур по итогам прохождения через выборы. Для того, чтобы избежать подобных ошибок, исследование организационно-партийной работы необходимо проводить с опорой на документы не одной региональной партийной организации, какой бы крупной она ни была, а нескольких.

- ⁴⁴ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 60.
- ⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 5–6, 123–124.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 62, 223.
- ⁴⁷ Родионов Н.Н. Жизнь, посвящённая людям. М., 2002. С. 13–14.
- ⁴⁸ Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки?.. С. 283.
- ⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 6–7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 36, 88, 96, 103.
- ⁵¹ Там же. Л. 115.
- ⁵² Там же. Л. 85; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 64.
- ⁵³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 66–67.
- ⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 69.
- ⁵⁵ Там же. Л. 77.
- ⁵⁶ Там же. Л. 29–30.
- ⁵⁷ Там же. Л. 39–40.
- ⁵⁸ Там же. Д. 26. Л. 12–13.
- ⁵⁹ Там же. Д. 10. Л. 104.
- ⁶⁰ Там же. Л. 71.
- ⁶¹ Там же. Л. 64–65.
- ⁶² Там же. Л. 16, 24–26.
- ⁶³ Там же. Л. 40.
- ⁶⁴ Там же. Л. 32.
- ⁶⁵ Там же. Л. 93.
- ⁶⁶ Там же. Л. 72.
- ⁶⁷ Там же. Л. 67, 93, 105.
- ⁶⁸ Там же. Л. 32, 38, 65.

- ⁶⁹ Там же. Л. 103.
- ⁷⁰ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 69; РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 9.
- ⁷¹ Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки?.. С. 283–284.

Глава III

- ¹ Приговор... С. 60.
- ² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 553. Л. 87–88.
- ³ Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС... С. 106.
- ⁴ Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде... С. 118–119; Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде... С. 240–241.
- ⁵ Речь идёт о постановлении Совета народных комиссаров СССР от 2 января 1945 года «О запрещении расходования средств на устройство банкетов»:
«Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:
1. Запретить предприятиям, учреждениям и организациям расходование государственных средств на устройство банкетов.
2. Поручить Наркомфину СССР и Наркомату госконтроля СССР установить контроль за выполнением настоящего постановления» (см.: Борьба с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, местничеством, обманом государства, спекуляцией и взяточничеством: сборник нормативных актов / под ред. С.А. Шишкова, К.С. Павлищева; сост.: Е.С. Никулин, И.Н. Ширяев. М., 1986. Ч. 3. С. 79).
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 553. Л. 88–92.
- ⁷ Там же. Л. 86–87, 93–95.
- ⁸ Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 62.
- ⁹ Там же. Л. 253.
- ¹⁰ Там же. Л. 63–64, 71.
- ¹¹ Там же. Л. 62.
- ¹² Там же. Л. 63.
- ¹³ Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки?.. С. 286.
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 26. Л. 6.
- ¹⁵ Далее чернилами вписана фамилия Г.Ф. Бадаева как получателя ценностей из Ленинградского ломбарда (см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 27. Л. 35).
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 27. Л. 34–35.

- ¹⁷ Там же. Д. 26. Л. 143–144.
- ¹⁸ Там же. Л. 144.
- ¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 252.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 251–252.
- ²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 50.
- ²² Там же. Л. 70; Д. 27. Л. 38–39; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 177, 180.
Речь идёт об автомобилях для секретарей райкомов ВКП(б) г. Ленинграда. Секретари сельских райкомов такой привилегии не имели, о чём говорил на пленуме председатель Ленинградского облизполкома И.Д. Дмитриев: «Когда выступал товарищ Павлов, доказывая, что не было надобности секретарям городского комитета получать личные автомашины, я видел улыбки на лицах секретарей районных комитетов партии села, из которых добрая половина ходит пешком, потому что и на весь районный комитет партии порой никакой машины нет, не то что личной» (см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 114).
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 54. Д. 2425. Л. 85.
- ²⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 156–157; Поднять значение контроля и проверки исполнения в партийной работе // Правда. 1946. 29 августа.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 250–251, 254.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 54.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 138.
- ²⁸ Там же. Л. 71.
- ²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 27. Л. 156.
- ³⁰ Там же. Л. 9–10.
- ³¹ Там же. Л. 155.
- ³² Там же.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 252, 254.
- ³⁴ Там же. Оп. 118. Д. 847. Л. 62.
- ³⁵ Там же. Л. 62–64.
- ³⁶ Там же. Л. 64.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 65.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 57–60.
- ⁴¹ Гарус В.С. Боронников Александр Иванович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 491; Сысин А. У золотоустовских оружейников // Челябинский рабочий. 1946. 11 фев-

- раля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 151; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 431–432, 456.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 432.
- ⁴³ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 151; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 431–432; Ф. 17. Оп. 107. Учётно-партийные документы. Регистрационный бланк члена КПСС М.Д. Козина.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 224; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 431–432, 440, 444, 471.
- ⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 48. Д. 1199. Л. 8.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 550. Л. 156.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Д. 507. Л. 18–20.
- ⁴⁹ Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде... С. 242; Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде... С. 102.
- ⁵⁰ Пянкевич В.Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 155–183.
- ⁵¹ Иванов В.А. «Скорпионы»: коррупция в послевоенном Ленинграде... С. 242–248; Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде... С. 97–102, 104–105.
О приятельских отношениях между А.А. Кузнецовым и П.Н. Кубаткиным см. также: Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 48.
- ⁵² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 26–27, 32, 36.
- ⁵³ Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде... С. 105.
- ⁵⁴ Там же. С. 105–106; Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 62–63; Бережков В.И. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК–МГБ. 1918–1954. СПб., 1998. С. 234–235.
- ⁵⁵ Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде... С. 106.

Глава IV

- ¹ Фрагменты закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 56–57.
- ² Приговор... С. 59–60.
- ³ Болдовский К.А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 121–126; Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения. С. 19; Краткие биографические

- сведения о лицах, репрессированных по «Ленинградскому делу» // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 123–165.
- ⁴ Болдовский К.А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров»... С. 122.
- ⁵ Ваксер А.З. Ленинград послевоенный... С. 123; Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения. С. 18–19; Шульгина Н.И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки?.. С. 284.
- ⁶ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 59–62; Воспоминания Валерия Филипповича Михеева // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 102.
- ⁷ Болдовский К.А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров»... С. 123.
- ⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 13–14.
- ⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 59–60.
- ¹⁰ Там же. С. 60–61.
- ¹¹ В качестве примера «рассыпавшихся» обвинений в ходе перепроверки компрометирующих материалов можем привести «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г.С. Павлова. См.: Сушков А.В., Михалёв Н.А., Баранов Е.Ю. Расплата за соцпроисхождение: «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г.С. Павлова. 1950–1951 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 57–71.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 550. Л. 151–152.
- ¹³ Там же. Л. 152.
- ¹⁴ Там же. Л. 151–153.
- ¹⁵ Там же. Л. 155.
- ¹⁶ Краткие биографические сведения... С. 127.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 550. Л. 155–156.
- ¹⁸ Там же. Л. 156–157.
- ¹⁹ Там же. Л. 157.
- ²⁰ Там же. Л. 148.
- ²¹ Там же. Л. 158–159.
- ²² Там же. Л. 159.
- ²³ Там же. Л. 160.
- ²⁴ Там же. Л. 154, 161–163.
- ²⁵ Там же. Л. 163.

- ²⁶ Там же. Л. 163–164.
- ²⁷ Там же. Л. 159–160, 163–164.
- ²⁸ Там же. Л. 148–149.
- ²⁹ Там же. Л. 149.
- ³⁰ Там же. Л. 157–158.
- ³¹ Там же. Л. 149–150.
- ³² Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 76.
- ³³ Там же. Л. 195.
- ³⁴ Там же. Л. 195–196.
- ³⁵ Там же. Л. 196–197.
- ³⁶ Там же. Л. 197.
- ³⁷ Там же. Оп. 118. Д. 550. Л. 39.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 36, 39–39 об.; Краткие биографические сведения... С. 160.
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 14. Л. 8–9.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 18, 22.
- ⁴² Николай Александрович Николаев / С. Щуцкий, Л. Лахтин, М. Шамильян, Т. Сергеева // Ленинградская правда. 1949. 22 апреля.
- ⁴³ Вознесенский Л.А. Истины ради. М., 2004. С. 206; Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 169.
- ⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 22. Л. 6–7.
- ⁴⁵ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 149–150; Вознесенский Л.А. Истины ради. С. 205–206.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 507. Л. 13–14; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 22. Л. 6.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 65–66.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 118. Д. 427. Л. 92; Д. 847. Л. 51.
- ⁴⁹ Там же. Д. 847. Л. 53.
- ⁵⁰ Там же. Л. 54.
- ⁵¹ Там же. Л. 55–56.
- ⁵² Там же. Л. 54.
- ⁵³ Там же. Л. 50–52.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 46–47, 248–249.
- ⁵⁵ Там же. Л. 328, 410–415.
- ⁵⁶ Там же. Л. 424.
- ⁵⁷ Там же. Л. 427–430.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 118. Д. 957. Л. 65–67.
- ⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 66.

- ⁶⁰ Там же.
⁶¹ Там же. Л. 99.
⁶² Там же. Л. 99–100.
⁶³ Там же. Л. 110.
⁶⁴ Там же. Л. 41.
⁶⁵ Там же. Л. 119.
⁶⁶ Там же. Л. 120–121.
⁶⁷ Там же. Л. 121–122.
⁶⁸ Там же. Д. 27. Л. 68–71, 92.
⁶⁹ Там же. Л. 93; Д. 26. Л. 142–143.

Глава V

- ¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 54. Д. 2425. Л. 99.
² Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 67, 190–191.
³ Там же. Л. 67; Оп. 54. Д. 2425. Л. 99.
⁴ Червяков М.Е. По «хозяйственному делу» // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 276–277; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 54. Д. 2425. Л. 118–121.
⁵ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 38–41.
⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 40–41; Оп. 163. Д. 1206. Л. 123–125.
⁷ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 39.
⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 292. Л. 79 об., 83; Оп. 48. Д. 635. Л. 13; Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 57, 110–111; Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 55, 112–113.
⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1206. Л. 125.
¹⁰ Сушков А. Трудное рождение металлургического гиганта: тагильская металлургия в биографии секретаря ЦК КПСС Аверкия Аристова // Веси. 2012. № 6. С. 52–66; Сушков А.В., Михалёв Н.А., Пьянков С.А. Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 56–66.

- ¹¹ Моисеев Г.С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 85–88; Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 5.
- ¹² Сушков А.В. «Я настаиваю на том, чтобы его выдвинуть на пост третьего секретаря обкома!» Споры вокруг кандидатуры «промышленного секретаря» Свердловского обкома ВКП(б) в 1940 году // Партийные архивы Урала. Прошлое и настоящее, перспективы развития: материалы III межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. С. 188–205; Он же. «Товарищи, о третьем секретаре обкома». Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов и проблема выбора секретаря обкома по промышленности. 1940 год // Там же. С. 205–216.
- ¹³ Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области... С. 42–44, 54–56, 113; Сушков А.В. Руководители Свердловской областной организации ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР. 1934–1992: биографический справочник. Екатеринбург, 2003. С. 34–38; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 51. Д. 1845. Л. 12–15 об.
- ¹⁴ Виноградов И. Докатилось до Пскова // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 182–183; Гармаш П. В Крыму // Там же. С. 243.
- ¹⁵ Аристов А. Незабываемое. С. 16; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 648–649.
- ¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 181, 291–292, 307–308, 479–480; Д. 15. Л. 668; Д. 16. Л. 49; Д. 17. Л. 327; Д. 18. Л. 110–111.
- ¹⁷ Там же. Оп. 37. Д. 21. Л. 12–13.
- ¹⁸ Там же. Оп. 38. Д. 43. Л. 36–37.
- ¹⁹ Там же. Оп. 37. Д. 45. Л. 8.
- ²⁰ Болдовский К.А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров»... С. 124.
- ²¹ Сушков А.В. Война, любовь и хлебозаготовки: из личной жизни секретаря райкома партии // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 133, 135; Центральный архив Министерства обороны. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1207; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 48. Л. 36–37; Д. 55. Л. 35–36; Оп. 38. Д. 88. Л. 45а–46 об.
- ²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 7. Л. 37–39; Д. 88. Л. 18–22; Оп. 18. Д. 19. Л. 171.
- ²³ Там же. Оп. 40. Д. 54. Л. 28.
- ²⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 224–225.
- ²⁵ Сушков А. Ф.Р. Козлов: от чернорабочего до инспектора ЦК ВКП(б) // Веси. 2015. № 9. Прил. С. 48–55.
- ²⁶ Там же. С. 55–57.
- ²⁷ Там же. С. 57–63.

- ²⁸ Там же. С. 63–64.
- ²⁹ Там же. С. 64–65, 67–68.
- ³⁰ Там же. С. 65–66.
- ³¹ Цит. по.: Устьянцев С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. II. Уральский танковый завод № 183. Нижний Тагил, 2010. С. 295.
- ³² Сушков А. Ф.Р. Козлов: от чернорабочего до инспектора... С. 69–70.
- ³³ Там же. С. 70–71.
- ³⁴ Там же. С. 71–72.
- ³⁵ Там же. С. 72–76, 85–86.
- ³⁶ Там же. С. 77.
- ³⁷ Там же. С. 78–79.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 464. Л. 3; Оп. 118. Д. 540. Л. 144–146.
- ³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 15877. Л. 31.
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 112. Д. 1149. Л. 1, 3 об.
- ⁴¹ Демидов В., Кутузов В. Последний удар... С. 104–105.
- ⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 249. Л. 3, 11.
- ⁴³ Архив ОАО «Кировский завод». Оп. уволенных за 1965–1970 гг. Д. 7206. Л. 1–4.
- ⁴⁴ Архивная справка Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга № 849/Т. 1 октября 2014 года // Личный архив автора.
- ⁴⁵ По информации, предоставленной Музеем истории и техники ОАО «Кировский завод».
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 9.
- ⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 15877. Л. 31.
- ⁴⁸ Там же. Л. 28; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 540. Л. 142–143.
- ⁴⁹ Депутаты Верховного Совета СССР: Пятый созыв. М., 1959. С. 246; Малин Владимир Никифорович // Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1962 / гл. ред. Л.С. Шаумян. М., 1962. С. 604.
- ⁵⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 51. Д. 1772. Л. 1, 3–3 об., 5–9, 11–12.
- ⁵¹ Там же. Оп. 18. Д. 17. Л. 225.
- ⁵² См., например: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 6. Л. 403–404; Д. 9. Л. 694–695; Д. 10а. Л. 14–15; Оп. 35. Д. 12. Л. 376; Д. 17. Л. 20–23.
- ⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 30. Л. 1–3.
- ⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 15877. Л. 25 об.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 472. Л. 2; Оп. 163. Д. 1537. Л. 156.
- ⁵⁶ Ваксер А.З. Ленинград послевоенный... С. 126.
- ⁵⁷ Там же. С. 127; Амосова А.А. Преданный забвению... С. 143–144, 183–184.

- ⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 396. Л. 147–148.
- ⁵⁹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 319–325; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 210–228; Объединённый пленум Московского областного и Московского городского комитетов ВКП(б) // Правда. 1949. 18 декабря; Хроника // Правда. 1950. 2 января; Пленум Московского городского комитета ВКП(б) // Правда. 1950. 27 января.
- ⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 16–26, 48, 50–52.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 540. Л. 142–143; Д. 557. Л. 97–98; Д. 957. Л. 65–66.
- ⁶² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 321–324.
- ⁶³ ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1497. Л. 1–1 об., 44 об.–46 об., 50; Сушков А.В. Руководители города Свердловска... С. 19–20, 116–117.
- ⁶⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 396. Л. 148; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 74.
- ⁶⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: Путеводитель / редкол. И.П. Бабурин и др.; сост. Т.С. Конохова и Н.Б. Лебедева (отв. сост.). М., 2000. С. 133–134.
- ⁶⁶ Ильяшенко Г. На круге третьем // «Ленинградское дело» / сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. Л., 1990. С. 377.
- ⁶⁷ Там же. С. 377–383.
- ⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 65–66.
- ⁶⁹ Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде... С. 173.
- ⁷⁰ Червяков М.Е. По «хозяйственному делу». С. 277–280; Ильяшенко Г. На круге третьем. С. 383.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 124–125.
- ⁷² Там же. Л. 131–133.
- ⁷³ Там же. Л. 137–138.
- ⁷⁴ Там же. Л. 160–161.
- ⁷⁵ Там же. Л. 253–254.
- ⁷⁶ Там же. Л. 353–354.
- ⁷⁷ Там же. Л. 380–381.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 54. Д. 2425. Л. 99, 118–119.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 121.
- ⁸⁰ Там же. Л. 165–166; Оп. 54. Д. 2425. Л. 100.
- ⁸¹ Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 217–218.
- ⁸² Там же. Л. 319–320.
- ⁸³ Там же. Л. 382.

- ⁸⁴ Там же. Оп. 54. Д. 2425. Л. 100.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 50. Д. 1360. Л. 256.
- ⁸⁶ Там же. Л. 135–139, 165, 186, 205–206, 216–217, 226–227, 350–351.
- ⁸⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 81. Д. 40. Л. 13–14.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / сост.: А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачёв, И.Н. Шевчук, В.Г. Хлопов. М., 2000. С. 138–139.
- ⁹⁰ Объяснительная записка от члена КПСС с 1926 г. Михеева Филиппа Егоровича в партийную комиссию при Ленинградском обкоме КПСС // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А.М. Кулегин, сост. А.П. Смирнов. СПб., 2009. С. 91–92; Председателю Комиссии партконтроля при ЦК КПСС т. Швернику Н.М. от члена КПСС с 1926 г. Филиппа Егоровича Михеева // Там же. С. 93–95.
- ⁹¹ Протокол № 3 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 5 марта 1988 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 124–125; О так называемом «ленинградском деле». Справка КПК при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС // Там же. С. 126–134; Ваксер А.З. Ленинград послевоенный... С. 131–132; Смирнов А.П. «Ленинградское дело»: портрет поколения. С. 14–20; Амосова А.А. Преданный забвению... С. 168–173, 195, 207.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Глава I.</i> «Мне товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведёт и что это значит»	9
<i>Глава II.</i> Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти?	16
«Вы знаете, что это – преступление, граничащее с провокацией?» ...	16
«Конечно, нет оправдания этому политическому жульничеству», или «Товарищи помнят, как волновались эти товарищи»	33
«Будучи в Ленинграде, Кузнецов чувствовал себя вождём», или «Это царь и бог Ленинграда»	42
<i>Глава III.</i> Привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы	49
«Установлены многочисленные факты незаконного расходования государственных средств»: Минфин против Ленсовета	49
«Это вы барином большим стали. Вы – большущий барин!» Картины из жизни ленинградской партноменклатуры	54
«... Тем самым был нанесён ущерб делу нормального снабжения жителей города продовольствием, особенно в период блокады»	64
Золотые часы и драгоценное оружие для «ленинградских товарищей»	69
«Скорпионы» и ленинградская партноменклатура	74
<i>Глава IV.</i> «... На ряде важных участков были допущены серьёзные упущения в подборе кадров»	78
«За политически недостойное поведение ...»	84
«Осудить антипартийное поведение второго секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Николаева Н.А. ...»	95
«Дело» председателя Ленинградского горисполкома Андрея Кузнецова	99
«... У нас подбирали кадры не по принципу деловых качеств, а по принципу, как человек умеет правильно в рот смотреть, улыбаться и потрафлять начальству»	104

<i>Глава V. Генеральная чистка «колыбели революции»</i>	111
Новый «хозяин Смольного» Василий Андрианов	112
«В целях укрепления партийного руководства...». Фрол Козлов	120
«Глетворное влияние антипартийной группы...»	142
«Вместо того, чтобы ликвидировать немногочисленный сорняк, у нас начали усиленно рубить лес...»	149
Заключение	156
Примечания	160

Научное издание

Андрей Валерьевич Сушков

**«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: генеральная чистка
«колыбели революции»**

Рекомендовано к изданию
учёным советом Института истории и археологии УрО РАН

Корректор	<i>Т.А. Качалова</i>
Компьютерная вёрстка	<i>Н.С. Глушкова</i>
Дизайн обложки, цифровая обработка фотографий	<i>Е.В. Кирсанов</i>

ISBN 978-5-907080-23-2

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60×90 1/16.
Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 500 экз. Заказ № 8633.

Отпечатано в типографии
ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8 (800) 300-16-00
www.alfaprint24.ru

